

НАШИ ПРИОБРЕТЕНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

I.

УРАТЮПЕ И ЕГО ОКОЛО.

Уратюпе находится подъ 41° сѣвер. широты и 37°—38° восточ. долготы отъ Пулково. Мѣстность, подвѣдомственная этой крѣпости, населена таджиками, узбеками, керкмынджузами и каракиргизами. Лѣтъ 60 назадъ, въ вѣденіи уратюпинскаго бека было около 300 кышлаковъ или селеній. Предъ взятіемъ нами крѣпости, въ вѣденіи ея состояло только 128 кышлаковъ.

Уратюпинскій районъ граничитъ къ сѣверу съ рѣкою Сыр-Дарьей, къ западу песками Кызылкумомъ, къ юго-западу съ джузакскимъ райономъ, къ югу снѣжными горами Актау, къ востоку райономъ укрѣпленія Нау.

Сѣверо-западная сторона района необитаема и совершенно пустынна. Зимой подлѣ Сыр-Дарьи, около Ирджара, кочуютъ не въ большомъ количествѣ каракиргизы и керкмынджузы. Сарты или таджики держатся горъ: всѣ кышлаки расположены по долинамъ горъ по всему протяженію Актау, отъ Нау до Джузакъ. Кочевое поселеніе преимущественно живетъ въ горахъ и около нихъ даже и зимою, а лѣтомъ оно почти скрывается въ великолѣпныхъ и богатыхъ ущельяхъ горъ.

Немного счастливыхъ горъ въ Средней Азій, въ которыхъ кипѣла бы такая жизнь въ лѣтнее время, какъ въ Актау противъ Уратюпе. Все кочевое поселеніе и половина осѣдлаго уходятъ на лѣто въ горы и расходятся по ущельямъ ихъ далеко, въ самую глубь. Тамъ построены цѣлыя селенія и лѣтнія помѣщенія осѣдлыхъ жителей. Долины и возвышенныя плоскости по-

крыты хлѣбопашцами; горы, скаты и овраги покрыты стадами барановъ, лошадей, верблюдовъ и рогатаго скота; лѣса подъ снѣжною линіей скрываютъ звѣрей: медвѣдей, тигровъ, кабановъ, лисицъ и др.; вездѣ видна жизнь, вездѣ, или люди, или скотъ; слышны самыя разнообразныя голоса: человѣка, животныхъ домашнихъ и дикихъ и птицъ. Эти горы милы и дороги всѣмъ уратюпинцамъ; онѣ ихъ питаютъ, кормятъ, даютъ отдыхъ отъ лѣтней жары и защиту отъ враговъ; сюда, какъ въ надежное пристанище, скрываются уратюпинцы, когда подходит непріятель къ Уратюпе. Безъ этихъ горъ, уратюпинскій округъ не имѣлъ бы и трети своего населенія, и никакого политическаго значенія.

Въ уратюпинскомъ районѣ 128 кышлаковъ осѣдлаго населенія таджиковъ, или сартовъ. Кышлаки разбросаны по долинамъ, по скатамъ горъ и въ оврагахъ, такъ что мѣстность даетъ довольно оживленный видъ. Кругомъ видны кышлаки съ небольшими садами; мѣстность перерѣзана тележными дорогами и тропинками, и въ концѣ осени и до начала весны между кышлаками покрыта кочевками керкмынджузовъ. Въ базарные дни въ Уратюпе, по всѣмъ дорожкамъ, по всѣмъ направленіямъ, двигаются изъ кышлаковъ на базаръ, или ѣдутъ обратно съ базара десятки, сотни верховыхъ на лошадяхъ, быкахъ, верблюдахъ и ослахъ. Зимой мѣстность населеніемъ, живѣе; тутъ все, и осѣдлое и кочевое, население со своими стадами.

Въ 128 кышлакахъ населенія немногимъ болѣе самаго Уратюпе, т.-е. до 30,000 душъ обоего пола; во всѣхъ кышлакахъ 6,158 домовъ; количество домовъ въ кышлакахъ восходитъ отъ 5 до 200, по нижеслѣдующей таблицѣ.

Число кышлаковъ.

Число домовъ въ каждомъ кышлакѣ.

1.	5
12.	10—20
55.	20—40
28.	40—70
13.	70—100
11.	100—120
3.	120—
3.	150—
2.	200—

Но нельзя положиться на эту цифру; асакалы * навѣрно уменьшали, и на довольно значительные проценты. Безошибочно можно прибавить еще треть къ этому числу, т.-е. 2,000 домовъ.

* Бекъ — комендантъ крѣпости и вмѣстѣ съ тѣмъ военный начальникъ округа.

* Асакалъ — городской старшина: акъ — бѣлый, сѣдой, сакалъ — борода.

Осѣдлое поселеніе, живущее въ этихъ кышлакахъ, ничѣмъ особенно не проявляетъ себя въ экономической и политической жизни, кромѣ того, что служить главнымъ потребителемъ уратюпинскаго базара: нѣтъ особой, или сильно развитой промышленности, ни особыхъ произведеній. Оно въ экономическомъ и политическомъ отношеніи вполне подчиняется Уратюпе.

Кочеваго населенія въ уратюпинскомъ районѣ аксакалы считаютъ до 6,000 кибитокъ, т.-е. до 30,000 душъ обоего пола; но какое это племя, трудно навѣрное опредѣлить въ настоящее время, когда еще раздается громъ пушекъ и мы держимъ себя на военномъ положеніи¹. По мѣрѣ знакомства съ поселеніемъ, по мѣрѣ сближенія съ нимъ, вѣроятно, можно будетъ найти признаки въ этихъ кочевникахъ, по которымъ ихъ должно было бы отнести къ подходящему имъ племени плотовъ. Спросите одного изъ нихъ: кто онъ? Узбекъ. А другой, даже его родной братъ, скажетъ, что онъ керкъ-мыкъ-джусъ. На ваше недоумѣніе они вамъ скажутъ, что узбеки и керкмыджусы одно и то же, что керкмыджусы составляютъ отдѣленіе узбековъ. Спросите какого-нибудь муллу книжника, онъ вамъ скажетъ, что керкъ-мыкъ-джусы вовсе не узбеки, что они пришли сюда съ Чингисханомъ и остались здѣсь, и что потомъ къ нимъ примыкали понемногу и киргизы и узбеки и ногаи, и въ подтвержденіе справедливости своего мнѣнія укажетъ на уратюпинскихъ бековъ, которые всѣ были изъ одного рода керкмыджусовъ, изъ дома *Аулядохуляки*², одного изъ полководцевъ чингисхановыхъ, пришедшаго сюда вмѣстѣ съ нимъ. Но другой мулла, такой же книжникъ, объяснитъ вамъ, что керкмыджусы происходятъ отъ ногаевъ, оставшихся здѣсь, когда ихъ родичи ушли на Уралъ и Волгу. Есть и такого рода объясненіе, что лѣтъ 600 тому назадъ неизвестно откуда явились кочевники въ числѣ 100 кибитокъ; затѣмъ вскорѣ къ нимъ подошли еще 40 кибитокъ и остались здѣсь кочевать; отъ этого ихъ прозвали керкъ-юзъ³, а потомъ прибавили слово *мыкъ* (тысяча), и вышло керкъ-мыкъ-джусъ. Къ этимъ разногласіямъ можно прибавить еще, что кочевники Туркестанской Области по правому берегу Дарьи, считаютъ ихъ своими киргизами, но уже отличающимися отъ нихъ и подчинившимися вліянію сартовъ, съ одной стороны, и узбековъ, съ другой. Бухарцы же относятъ ихъ къ узбекамъ.

Два типа особенно рѣзко выдаются у керкъ-мыкъ-джусовъ:

¹ Свѣдѣнія собирались тотчасъ по взятіи Уратюпе.

² Беки въ Уратюпе были наследственные.

³ Кыркъ—сорокъ, ясъ, или джусъ—сто.

одинъ, общій всѣмъ тюркскимъ и финскимъ племенамъ, другой походить на арабскій; цвѣтъ лица коричневый, губы выдающіяся и очень толстыя, выдающаяся челюсть, большіе черные глаза.

Керкъ-мыкъ-джусы—самое воинственное населеніе въ уратюпинскомъ районѣ. Сипаи (конница) и даже сарбазы (пѣхота) были преимущественно изъ керкъ-мыкъ-джусовъ; они раздѣляются на 8 отдѣленій: 1) марка, 2) керкъ, 3) каргаюзъ, 4) утыюзъ, 5) уракли, 6) сурахли, 7) салымъ, 8) каранчи.

Вмѣстѣ съ ними кочуютъ турки до 500 кибитокъ, каракиргизы до 100 кибитокъ.

Ура-тюпе—одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Средней Азии. Великолѣпныя развалины мечети, построенной за 336 лѣтъ эмиромъ Султаномъ Абдулатифомъ, свидѣлствуютъ, что Ура-Тюпе и тогда былъ большой и важный городъ. Это было величественное медресе *кукульмесъ*. По народному преданію Ура-тюпе построенъ за 1,000 лѣтъ тому назадъ, царемъ *Какхана* народа *Могъ*, пришедшаго въ это время съ сѣвера откуда-то изъ за Урала. Что это за народъ, преданіе не объясняетъ; оно говоритъ только, что Туркестанъ былъ въ это время столицей калмаковъ (калмыковъ) и что царю ихъ могскій царь *Какхана* приходился сватомъ, женивъ своего сына на его дочери, и что по приглашенію его онъ перекочевалъ изъ-за Урала, гдѣ его тѣснилъ другой народъ, должно быть—русскій, т.-е. славяне, что сосѣдями его были болгары. Вытѣснивъ кочевниковъ—какихъ? Преданіе тоже не знаетъ—онъ занялъ этотъ край, подчинилъ себя таджиковъ, и построилъ городъ и крѣпость, которая и теперь называется именемъ того народа *Могъ*. Черезъ двѣсти лѣтъ пришли арабы, прогнали народъ *Могъ*, а остальное населеніе таджиковъ обратилъ въ магометанство, и возвратились обратно. Затѣмъ чингисхановы орды заняли этотъ край. Ауляду-Халюва былъ первымъ независимымъ бекомъ и волость его переходила наследственно въ его родъ до настоящаго времени. За исключеніемъ временъ Тамерлана и Абдуллы-Хана, Уратюпе было независимо до XIX столѣтія, когда взялъ его кокандскій ханъ Муххамедъ-дале. Черезъ 12 лѣтъ Уратюпе было взято бухарскимъ эмиромъ *Насрулла*. Потомъ нѣсколько разъ переходило отъ бухарцевъ къ коканцамъ, и обратно, и въ небольшіе промежутки бывало снова независимо. Бухарцы взяли его въ послѣдній разъ 9 лѣтъ тому назадъ.

Слѣдовательно, или городъ и подвѣдомственное ему поселеніе и вообще мѣстность весьма важны, богаты и промышленны, или крѣпость его сама по себѣ важна, если онъ переходилъ изъ рукъ въ руки и служилъ ядромъ такого сильнаго раздора между Бухарой и Коканомъ.

Мѣстность нельзя сказать чтобы была ужь очень богата, особенно въ сравненіи съ богатѣйшей коканской природой. Можетъ быть, горы и берегуть для предпринимателей неисчерпаемыя богатства, но ни Бухара ни Коканъ ими не пользовались. Въ горахъ есть великолѣпныя пастбищныя и хлѣбопашенныя мѣста, есть и лѣса, но ни то ни другое не будетъ приманкою для сосѣдей. Вообще богатствъ природы не видать. Можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ окажутся и богатства природы: говорятъ, здѣсь есть золото; но это въ будущемъ, а въ настоящемъ край этотъ составляетъ только небольшія удобства къ жизни: дешевизна жизненныхъ продуктовъ и большой запасъ лѣса въ горахъ верстъ за 35 отъ Уратюпе. Мѣстность дѣйствительно довольно густо населена; кышлаки, или селенія, какъ грибы насажены по долинамъ и сватамъ горъ и хребтовъ. Ущелья горъ покрыты аулами и стадами кочевниковъ — но и только. Уратюпинскій районъ немного производитъ для сосѣдей, и также мало занимаетъ у нихъ. Большую часть своихъ произведеній онъ потрѣбляетъ самъ. Изъ Уратюпе вывозится въ Ташкентъ хлопокъ въ небольшомъ количествѣ, бумажныя издѣлія бязи, изомъ, урюкъ и въ Ходжентъ хлѣбъ при хорошемъ урожаѣ: слѣдовательно ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніяхъ уратюпинскій районъ не важенъ для сосѣдей; однако, одно то уже можетъ расположить къ завладѣнію крѣпостью, особенно для среднеазиатскаго хана, что это пунктъ довольно населенный, слѣдовательно, кроме внѣшняго расширенія границъ ханства, можетъ доставлять еще и доходъ казнѣ чрезъ сборъ зякета, а главное поднять ханство въ глазахъ сосѣдей. Но Уратюпе имѣетъ еще довольно сильную крѣпость; это, должно быть, и было главною причиною притязаній на нее враждующихъ сосѣдей, особенно со стороны Кокана. Владѣя Уратюпе, Коканъ охранялъ себя и свои владѣнія — Ходжентъ и даже Ташкентъ отъ нападенія бухарцевъ. Какъ сильная крѣпость, она всегда въ состояніи была на первое время задержать непріятеля, который обойдти ее не могъ, не рискуя быть отрѣзаннымъ отъ своихъ владѣній. Онъ не могъ даже идти на Ташкентъ, минуя Уратюпе; тогда она оставалась бы у него въ тылу. Уратюпинская крѣпость была важна для Бухары въ томъ отношеніи, что ставила ее въ грозное положеніе къ Кокану.

Какъ бы то ни было, Уратюпе и окрестности его въ этомъ столѣтіи весьма много вынесли отъ бухарцевъ и коканцевъ. Для нихъ это время было самое тревожное и тяжелое, можетъ быть, болѣе, чѣмъ для кого другого въ Средней Азіи. Поэтому и населеніе уратюпинское самое безпокойное и непокорное. Снѣговыя горы служили ему убѣжищемъ отъ преслѣдованія тѣхъ или другихъ.

Уратюпе — довольно значительный городъ; въ немъ 1,364 хаули. Хаули — это большой дворъ, въ которомъ помѣщается отъ 3 до 5 домовъ разныхъ хозяевъ, но родственныхъ другъ другу. У каждаго изъ помѣщающихся въ немъ домовъ есть свой небольшой дворъ; хаули имѣютъ одни ворота на улицу. Поэтому она представляетъ цѣлый лабиринтъ проходовъ, простѣнковъ, входовъ и выходовъ изъ двора во дворъ, сакель и конюшенъ или навѣсовъ. Слѣдовательно, въ Уратюпе будетъ около 5,000 домовъ или до 25,000 жителей. Но городъ занимаетъ весьма небольшое пространство, даже очень малое въ сравненіи съ численностію населенія. Онъ меньше Ходжента въ объемѣ, а почти больше его по числу жителей. Уратюпе занимаетъ пространство верстъ на 6 въ окружности. Дома такъ плотно, тѣсно другъ къ другу пристроены, что составляютъ сплошную массу зданій, перерѣзанную узенькими улицами и переулками. Садовъ почти совсѣмъ нѣтъ въ городѣ, нѣсколько деревьевъ наперечетъ показываются изъ-за домовъ. Всѣ сады за городомъ. Напротивъ, Ходжентъ совершенно скрытъ въ садахъ; не видно ни домовъ, ни улицъ. О Ташкентѣ и говорить нечего. Городъ, по отсутствію садовъ, по тѣсотѣ или сплошности строеній и, наконецъ, по базару, походить на Бухару и ужь не имѣетъ той привлекательности, какъ Ташкентъ, Ходжентъ и другіе города около Ташкента. Городъ весьма богатъ отличной водой: изъ середины города бѣгутъ по улицамъ до 10 источниковъ, изъ которыхъ проведены аррыки* по дворамъ.

Въ Уратюпе довольно порядочный базаръ, до 1,045 лавокъ, вмѣстѣ съ тѣми, которыя въ трехъ караванъ-сараяхъ. По количеству жителей это не особенно большой базаръ, на примѣръ: въ Чимкентѣ, Сайрамѣ, Аулиеата базары доходятъ до 600 лавокъ, между тѣмъ какъ каждый изъ этихъ городовъ въ 10 разъ менѣе Уратюпе. Ниже, когда будемъ говорить о здѣшней торговлѣ, мы скажемъ подробнѣе объ этомъ базарѣ. Теперь прибавимъ только, что на этомъ базарѣ такая же грязь и нечистота, какъ и вообще на базарахъ городовъ, доселѣ занятыхъ нами въ Средней Азіи; однимъ отличается этотъ базаръ отъ другихъ нашихъ здѣшнихъ базаровъ, что въ немъ двѣ улицы, или дваряда лавокъ, совершенно крытые, такъ что изображаютъ собою крытую галерею, въ которой всѣ строенія двухъэтажныя; внизу лавка, вверху комната, одна или двѣ, куда прикащики, или сами хозяева, уходятъ на ночь. На базарѣ самая веселая жизнь города. Въ этихъ комнатахъ ночуютъ большею частію купцы-холостяки и неимѣющіе женъ. Они

* Аррыкъ — ирригаціонная канава.

собираются компаниями по 10, 15 и 20 человек; на складчину имѣютъ пловъ, чай и приглашаютъ батчу и кутать* до полночи и за полночь. Удовольствіе обходится около 20 коп. съ человека. Есть постоянныя компаніи или артели — онѣ имѣютъ уже ангажированнаго батчу. Послѣ полночи всѣ расходятся по своимъ комнатамъ. Такимъ образомъ здѣсь ночное царствование батчей, которыхъ въ каждомъ городѣ много. До нашего прихода въ Уратюпе было 50 батчей. Женщинъ здѣсь, т. е. въ этихъ комнатахъ надъ лавками, нѣтъ. Сюда приходятъ могутъ и женатые; которымъ надоѣло сидѣть дома, около своихъ женъ.

Въ городѣ четыре медресе (высшія школы), 60 мактефъ (низшія школы), 67 мечетей и 5 богаделенъ. Въ главномъ медресе 52 комнаты для учащихся; въ нихъ живутъ по одному и по два. Можно положить до 70 муллъ учащихся; въ старомъ медресе 13 комнатъ; въ нихъ 17 учениковъ; въ третьемъ—36 комнатъ, а въ четвертомъ 13. Такъ-какъ порожнихъ незанятыхъ комнатъ нѣтъ, то можно положить всѣхъ учащихся въ четырехъ медресе до 160 муллъ, при нихъ 10 мадарресовъ-учителей и 4 мудуалл (сборщиковъ доходовъ); въ 60-ти мактефахъ, полагая minimum 15 и maximum 45 мальчиковъ, получимъ около двухъ тысячъ. Слѣдовательно, всѣхъ учащихся слишкомъ 2,000, значить 7% населенія Уратюпе; это довольно громко говорить о Средней Азии.

Въ Средней Азии медресе обыкновенно строятся и содержатся на иждивеніе или пожертвованіе богатыхъ людей. Богатые люди, купцы, беки и ханы строятъ медресе, и на содержаніе его жертвуютъ 100 или 200 русскихъ десятинъ земли, или каравансарай, на доходы съ которыхъ и содержатся медресе. Въ Бухарѣ почти всѣ медресе содержатся на счетъ эмира, который употребляетъ для нихъ половину получаемаго зякета (караванной пошлины). Оттого тамъ и возросло число мечетей до громадной цифры, до 360. Здѣсь предоставлены имъ бекомъ казенныя земли въ пользованіе хираджемъ. На содержаніе медресе, мактефъ и мечетей ежегодно собирается до 4,000 батмановъ пшеницы, то-есть до 60 тыс. пудовъ.

Календарь-хана — это богоугодное заведеніе въ родѣ нашихъ богаделенъ, съ тою разницею, что здѣсь живутъ не сирые и безпомощные, а дураки, юродивые, и имъ не предлагается ни пищи, ни одежды, а они сами себя содержатъ. Въ нищенскихъ рубищахъ, въ тряпкѣ, въ мохнатыхъ особаго покрою остроконечныхъ

* Батча—хорошенькій мальчикъ отъ 8 до 17 лѣтъ; одѣтый въ женскій костюмъ, онъ пляшетъ и развлекаетъ гуляющую публику.

шапкахъ, съ длинными палками съ желѣзнымъ набалдашникомъ, съ четками и съ торбами на плечахъ, ходятъ они по базару, или по городу, распѣвая духовныя пѣснопѣнія. Сарты даютъ имъ по чекѣ*, по куску хлѣба, или по щепоткѣ молотаго табаку, или кто чѣмъ торгуетъ; другіе ходятъ съ черепкомъ въ рукѣ, гдѣ на горящихъ угольяхъ горитъ благоухающая трава; подходя къ лавкѣ, они кадятъ черепкомъ, и за это благоуханіе получаютъ лепту; другіе гадаютъ, предсказываютъ будущее, предаются бѣшенству, кричатъ дико съ пѣной у рта — это блаженные, высшій классъ юродивыхъ; есть и такіе, что ходятъ совершенно нагіе, безъ всякаго покрова — это почти святые. Въ этихъ пяти домахъ живетъ болѣе 50 юродивыхъ.

Въ городѣ пять бань. Всѣ онѣ устроены по восточному: темныя, полы и лавки каменные. Въ нихъ можно только мыться; каждая состоитъ изъ пяти комнатъ; въ одной раздѣваются, въ остальныхъ моются; въ одной изъ комнатъ проведены три крана, изъ одного получается горячая вода, изъ другого теплая, изъ третьяго холодная. Въ Ташкентѣ мы застали всѣ бани съ полками, гдѣ можно париться—тамъ бани находились въ рукахъ татаръ, бывавшихъ въ Россіи.

Торговля Уратюпе.

Уратюпе, расположенное среди довольно густаго населенія и какъ довольно многолюдный городъ, естественно должно имѣть порядочную торговлю. Въ немъ окружающее его населеніе сбываетъ свои сельскія произведенія или скорѣе продукты, и въ замѣнъ получаетъ его производства. Здѣсь сельскіе жители и кочевники сбываютъ свой хлѣбъ, хлопокъ, дженушку, урюкъ, изюмъ, дыни, арбузы, скоть, кожи невыдѣланныя, арканы и кашы, лукъ и морковь и проч. и отсюда получаютъ они шелковыя и бумажныя произведенія, ситцы, сукна, чай, сахаръ, сапоги, калоши, сѣдла, узды, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, посуду глиняную, табакъ, мыло, соль и прочія растительныя производства и привозные товары; словомъ, на этомъ базарѣ совершается весь внутренній обмѣнъ товаровъ, мѣна сельскихъ произведеній на ремесленныя и фабричныя производства и привозные товары и отпускъ во внѣ своихъ продуктовъ.

Базаръ уратюпинскій имѣетъ три караван-сарая и всего 1,045 лавокъ; самая большая часть лавокъ производитъ торговлю то-

* Мелкая мѣдная монета—1/3 копейки серебромъ.

варами мѣстнаго произведенія, для мѣстнаго же потребленія. Затѣмъ слѣдуютъ лавки съ привозными товарами и меньшая часть съ вывозными. Мы впали бы въ большую ошибку, еслибы по числу лавокъ уратюпинскаго базара заключили объ его торговлѣ и производительности края, или отъ количества лавокъ съ извѣстнымъ товаромъ вывели бы степень развитія производства этого предмета, или размѣръ его потребленія: на примѣръ, 11 лавокъ съ одними аракиннами, 10 лавокъ съ одними ножами, 13 лавокъ съ однимъ листовымъ табакомъ, 11 лавокъ съ однимъ молотымъ, или какъ здѣсь называютъ, съ носовымъ, 17 лавокъ съ лукомъ, рѣпой, свеклой и морковью, 40 съ арканами и капамъ. Это должно показывать, что здѣсь большая оптовая торговля этими товарами, что большой выпускъ, или вывозъ ихъ, что здѣсь большое производство ихъ? Ничего подобнаго нѣтъ: въ 11 лавкахъ съ арокчинами всѣхъ арокчиновъ наберется не болѣе 5,000; большая часть по 10 копеекъ серебромъ: полшелковыя 20, а шелковыя 50—80 копеекъ, послѣднихъ очень мало; слѣдовательно въ 11 лавкахъ всего товару отъ 500 до 1,000 руб. — это немного, особенно для специальной торговли! Въ 10 лавкахъ съ ножами будетъ самое большое 600 ножей, стоимостью отъ 30 до 1 р. 20 коп., положимъ въ 60 копеекъ каждый и получимъ всего товару на 400 рублей; на лавку приходится по 40 руб. полугодового оборота — и это немного! Въ 13 лавкахъ съ листовымъ табакомъ будетъ до 12 батмановъ табаку, то-есть около 200 пудовъ — по 3—4 руб. пудъ, а въ 11 лавкахъ съ носовымъ или молотымъ, всего товару отъ 10 до 7 пудовъ — это еще меньше. Въ 17 лавкахъ съ лукомъ и морковью товару наберется рублей на 90; капиталъ двухъ послѣднихъ разрядовъ лавокъ оборачивается весьма часто, чрезъ два, три дня, такъ что въ результатѣ выйдетъ, что цифра купли и продажи этихъ лавокъ за цѣлый годъ будетъ выше прочихъ разрядовъ указанныхъ лавокъ. Въ сорока лавкахъ аркановъ и каповъ наберется до 4,000 аркановъ и до 2,000 каповъ; всего аркановъ на 600—800 руб. и каповъ отъ 800 до 1,200 р., положимъ всего на 1,000 рублей, получится въ каждой лавкѣ на 50 рублей товару — это если не годовая, то полугодовая пропорція продажи.

Ну стоитъ ли изъ-за такой мелочи держать отдѣльную лавку и сидѣть въ ней? Зачѣмъ столько ненужныхъ лавокъ? Арокчины могутъ продаваться съ краснымъ товаромъ, что и водится на этомъ же базарѣ; ножи — въ мелочныхъ лавкахъ; для табаку достаточно двухъ-трехъ лавокъ; лукъ и морковь въ фруктовыхъ лавкахъ, въ которыхъ тоже немного товару, тѣмъ болѣе, что почти всѣ эти лавки сосредоточены вмѣстѣ въ одномъ ряду.

Это доказываетъ, конечно, что торговля весьма популярное занятіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаетъ общее мнѣніе русскихъ, что сарты народъ лѣнивый, праздный, чванный, что большинство купцовъ торгуетъ отъ нечего дѣлать, изъ честолюбія быть купцомъ.

Торговля предметами внутренняго произведенія.

Самое большое число лавокъ занято фруктами: виноградомъ, изюмомъ, урюкомъ, орѣхами миндальными, грецкими, фисташками, гранатами; тутъ же, въ нѣкоторыхъ лавкахъ, и дыни и арбузы; всѣхъ лавокъ 110. Изюмъ, за исключеніемъ мелкаго зеленого, такъ-называемаго ханскаго, урюкъ, виноградъ, гранаты, дыни и арбузы суть мѣстный продуктъ, орѣхи и фисташки и зеленый изюмъ привозные изъ Бухары. Фисташки прежде вывозились и изъ Кокана, но въ послѣднее время кипчаки почти истребили фисташковое дерево въ горахъ около Кокана. Весь этотъ товаръ потребляется мѣстными жителями, то-есть жителями Уратюпе и прилежащихъ къ нему селеній. На вывозъ урюкъ и изюмъ скупаются не на базарѣ, а по селеніямъ, во время уборки ихъ. Въ этихъ лавкахъ товару отъ 20 до 100 руб. сер., большинство имѣетъ на 30—40 руб. сер.; положивши среднюю величину 60 рублей на лавку, получится всего товару на 6,600, положимъ, трехмѣсячнаго оборота. Около 10 лавокъ находится по улицамъ не на базарѣ, слѣдовательно, вмѣсто 110, достаточно было бы 30 или 40 лавокъ, которыя вполне могли бы удовлетворить запросу жителей, такъ-какъ почти всѣ лавки сгруппированы въ одномъ мѣстѣ на базарѣ, еслибы торговля была здѣсь серьезнымъ дѣломъ, специальностію, а не бездѣльемъ для большинства.

Цѣна этого разряда товарамъ слѣдующая:

	въ Уратюпе.		въ Ташкентѣ.	
	фунты	копейки	фунты	копейки.
Изюмъ	1	3 $\frac{1}{2}$	1	4—5
Урюкъ	1	3 $\frac{1}{2}$	1	5—6
Зеленый изюмъ	1	6	1	10
Фисташки	1	7	1	10
Миндаль	1	7	1	—
Джида	1	1 $\frac{1}{2}$		
Рухатъ (горохъ варен.)	1	7		
Горохъ простой	1	2 $\frac{1}{2}$		
Машъ (горохъ маленький черный)	1	2 $\frac{1}{2}$		

Затѣмъ слѣдуютъ мясныя лавки — ихъ 80; каждая лавка продаетъ въ день мяса отъ одного до двухъ и рѣдка до трехъ барановъ. Скотской говядины на базарѣ слишкомъ мало, въ одной, или двухъ лавкахъ. Для города весьма достаточно было бы 20 лавокъ, тогда бы потребовалось отъ каждой лавки по 5—8 барановъ продажи въ день. Цѣны на говядину среднія: баранина 1 фунтъ 5 коп. с., говядина 1 фунтъ 3 коп., сало баранье 1 фунтъ 10 коп.

Послѣ мясныхъ лавокъ по числительности ихъ слѣдуютъ шесть-десять-двѣ лавки съ хлопкомъ въ сыромъ видѣ. Хлопокъ большею частію вывозится въ Ташкентъ.

Наконецъ слѣдуютъ 30 лавокъ съ пшеницей въ мукѣ и зернѣ; 14 съ ячменемъ и просомъ, 12 съ сырыми неведѣльными кожами, 23 съ солью; 17 съ шелкомъ, 17 съ лукомъ, морковью и проч.; 13 съ табакомъ.

Хлѣба какъ вообще въ округѣ, такъ и на базарѣ, весьма достаточное количество; небольшое количество его возятъ въ Ходжентъ. Мука въ мирное время стоитъ 30—35 копеекъ пудъ. По взятіи нами Уратіупе, мука продавалась по 45 коп. пудъ; зерно иногда бываетъ 20 коп. пудъ; ячмень тоже отъ 20 до 40 коп. пудъ—въ мирное время отъ 20 до 30 к., просо отъ 20 до 30 к. пудъ.

Соль привозится изъ озера Нуръ-ата, близъ могилы святого этого имени. Озеро находится на западъ отъ Уратіупе въ 50 верстахъ отъ Джизака, по направленію къ Кызылъ-Куму. Соль весьма бѣлая, чистая. На базарѣ продается по 10—15 коп. пудъ.

Шелководство мало распространено въ уратіупинскомъ округѣ; высота надъ уровнемъ моря и близость снѣговыхъ горъ, вѣроятно, главныя затрудненія для развитія здѣсь шелководства. Большая часть шелка вывозится въ Ходжентъ, Ташкентъ и Бухару, гдѣ выдѣлываются шай, подшай, бекасенъ и др. шелковыя и полушелковыя матеріи. Шелкъ въ пряжѣ стоитъ фунтъ 4 руб. 40 коп., въ Ташкентѣ продается отъ 5—6 руб., въ Коканѣ отъ 3 р. 50 копеекъ.

Торговля предметами внутренняго производства и внутренней ремесленности.

По числу лавокъ первое мѣсто занимаетъ ремесленность сапож-ная: 67 лавокъ съ сапогами и 16 съ калошами—итого 83 лавки. Собственно лавокъ съ сапогами и калошами будетъ не болѣе 20; остальные—мастерскія, въ которыхъ въ базарные дни шьютъ и

починиваютъ сапоги и калоши; большая часть мастерскихъ занята починкой. Всѣ эти мастерскія сгруппированы въ одномъ мѣстѣ, подъ квадратнымъ навѣсомъ, устроеннымъ на столбахъ. Посрединѣ и по бокамъ чрезъ два шага въ рядъ поставлены небольшія жерди, упирающіяся верхнимъ концомъ въ навѣсъ. Каждая жердочка принадлежитъ одному сапожнику, возлѣ которой онъ и помѣщается въ базарный день. Такимъ образомъ, подъ навѣсомъ четыре ряда по прямой линіи, заняты весьма тѣсно мастерскими. Покупатели ходятъ по рядамъ и высматриваютъ себѣ товаръ.

За сапожными мастерскими слѣдуютъ пекарни—ихъ 60.

Въ городѣ, по нашему вычисленію, 25 т. душъ обоого пола. Имѣя въ виду, что въ городѣ, особенно въ базарные дни, постоянный и значительный наплывъ народа изъ окружающихъ кышлаковъ и ауловъ, можно положить на каждую душу по два фунта хлѣба въ сутки. Слѣдовательно, 60 пекаренъ выпекаютъ въ день 50 т. фун. или 1,250 пудовъ лепешекъ, значить, на каждую пекарню приходится выпекать болѣе 20 пудовъ лепешекъ. Пекарни разбросаны по всему городу, на базарѣ ихъ не болѣе 20. Онѣ устроены такъ же, какъ и остальные лавки, то-есть закрытыя съ трехъ сторонъ, а четвертая совершенно открыта. Въ нѣкоторыхъ пекарняхъ по двѣ печи. Лепешки пекутъ не такъ, какъ въ Россіи хлѣбъ: кусокъ приготовленнаго тѣста прижимается рукою, обернутою въ мату, къ верху, или небу печи и по бокамъ изнутри, но не кладется на-подъ, который весь занятъ горячими углями. Пекаръ, помочивъ тѣсто водою съ верху, бросаетъ его въ данное мѣсто въ бокъ или въ верхъ печи внутри и потомъ, прижимая его, даетъ форму круглой лепешки. Когда онъ испекется, онъ снимаетъ ихъ, а на ихъ мѣсто насаживаетъ новыхъ. Пока хлѣбъ печется, подкладываются горячіе угли на-подъ. Такимъ образомъ печеніе производится цѣлый день.

Красильныя мастерскія—ихъ 30; онѣ разбросаны по всему городу. Въ этихъ мастерскихъ постоянная работа. Онѣ снабжаютъ разными полосатыми и клѣтчатыми и вообще выбойчатыми бумажными матеріями все населеніе округа, и кромѣ того ихъ работа сбывается въ степь кочевникамъ.

Съ бумажной бѣлой тканью, матой, 28 лавокъ; мата производится какъ въ городѣ, такъ и въ окрестностяхъ города по кышлакамъ.

Наконецъ, 29 лавокъ съ маслами, 15 — съ мыломъ, 11 — съ осовымъ табакомъ, 3—съ сѣдлами, 13 — съ глиняной посудой и 40 лавокъ съ арканами и вапами, съ уздами—13.

Масла: зыгирное масло по 7 коп. фунтъ, кунжутное по той же цѣнѣ. Выжимки или остатки продаются особо: они служатъ отличнымъ кормомъ для рогатаго скота и верблюдовъ.

Глиняная посуда изъ простой глины дѣлается преимущественно въ городѣ; довольно крѣпкія и красивыя блюда, тарелки, чашки, кувшины расходятся по окрестностямъ, и даже въ Ходжентѣ и Джизакѣ.

Сюда же слѣдуетъ отнести и 24 кузницы, 12 мастерскихъ по плотничьей и слесарной работѣ, и 5 мѣдниковъ и лудильщиковъ.

Желѣзо, чугуны и мѣди вывозятся изъ Россіи въ сломѣ, или полосахъ и листахъ. Работа этихъ мастерскихъ самая безыскусственная, грубая.

Торговля привозными товарами.

Съ русскимъ краснымъ товаромъ	30 лавокъ.
« чаемъ и сахаромъ	34 лавки.
« халатами	16 —
Мелочныхъ	40 —
Съ арокчинами	11 —
« красивыми кореньями и травами . .	15 —
« кожами	10 —
« рисомъ	40 —

Русскіе товары идутъ сюда большею частію чрезъ Бухару, въ томъ числѣ и сахаръ. Сахаръ стоитъ 15 руб. пудъ; чай прежде шелъ изъ Кульджи, а главный привозъ былъ изъ Кашгара, тогда онъ стоилъ 1 р. 20 к. фунтъ; нынѣ, вслѣдствіе безпорядковъ и смутъ въ Кульджѣ и Кашгарѣ, чай привозится чрезъ Кабуль, и потому продается дорого — 2 р. 40 к. за фунтъ. Большая часть халатовъ привозится изъ Бухары, Кокана и Ходжента, и самая малая часть внутренняго приготовленія; мелочныя лавки состоятъ изъ разныхъ украшеній для женщинъ и для конскихъ сбруй, разныхъ благовонныхъ травъ и кореньевъ, въ томъ числѣ перецъ стручковый и горчица, изъ бритвъ женскихъ и мужскихъ, кошелевъ, поясковъ, тесемокъ, лентъ и проч.; весь этотъ хламъ привозится частію изъ Россіи, частію изъ Персіи и Индіи чрезъ Бухару.

Рисъ привозится изъ Куромы ташкентскаго района. Вслѣдствіе послѣдней войны нашей, рисъ вздорожалъ въ Уратюпе. По взятіи Уратюпе онъ продавался по 1 р. 20 к. пудъ, тогда какъ въ Ташкентѣ стоитъ 60 коп., а за Чирчиномъ 30 и 40 коп. пудъ.

Заведенія.

Чайныхъ заведеній (самоварунчи) 40; сюда ходятъ какъ торговцы и вообще пріѣзжіе, такъ и жители города выпить на одну или на двѣ копейки чаю. Само собою, ихъ тянетъ сюда не одно чаепитіе, а и посидѣть въ компаніи, поглазѣть на проходящихъ, послушать, поболтать, а главное — полюбоваться и поиграть съ хорошенькимъ самоварчи. Самоварчи по большей части изъ батчей. По вечерамъ у самоварчи собирается большая публика: тогда онъ уже не самоварчи, а батча.

Чайное заведеніе почти ничѣмъ не отличается отъ обыкновенныхъ лавокъ, только на полу постланы ковры, или просто чистыя кошмы для публики, и грѣются нѣсколько чайниковъ на угольяхъ и кипитъ большой самоваръ.

Цирюльни — 25. Здѣсь, также въ виду всей проходящей публики, правѣрные брѣютъ свои головы и подстригаютъ усы. Брѣущійся всегда серьезно и солидно смотритъ на проходящихъ, какъ исполняющій религиозную обязанность, между тѣмъ какъ цирюльникъ трудится надъ его головой, обмываетъ ее теплой водой съ мыломъ, или за уши, а то и за носъ поворачиваетъ его голову въ ту или другую сторону.

Заведенія пирожныя и съ пельменями — 11. Заведеніе совершенно походить на чайное или на цирюльню; только вмѣсто чайниковъ и самовара стоятъ паровики деревянные, гдѣ пекутся на пару пельмени, пироги варятся въ маслѣ, или какъ лепешки въ печкѣ, или какъ пельмени въ пару.

Заведенія Кук-нар-хана, съ опиумомъ; ихъ 5. Здѣсь употребляютъ восточный опиумъ, привозимый чрезъ Кабуль, и гашишъ, приготовляемый изъ коноплянаго сѣмени. Въ этихъ заведеніяхъ всегда раздаются пѣсни, крикъ и шумъ. Публика напивается до безпамятства, до одуренія, и сидитъ съ мутными, опьянѣлыми, безжизненными глазами, едва передвигая руками, или погрузившись въ сладкую дремоту, въ созерцаніе; другіе поютъ, кричатъ! Это отборная публика: сюда ходятъ отъявленные, записные, такъ сказать, пьяницы, у которыхъ нѣтъ ничего святого въ жизни; имъ не жалъ и жизни, да и жалѣть-то нечего; тихо бьется кровь въ ихъ жилахъ; вѣчная тоска, хандра душитъ ихъ; ничего ихъ не радуетъ, не веселитъ и никакая красавица уже не расшевелитъ ихъ пустого сердца. Они охладѣваютъ къ семьѣ, къ женамъ, дѣтямъ. Имъ дайте опиумъ или гашишъ и возьмите у нихъ жонъ, дѣтей, они не опечалются. Блѣдные, осунувшись, съ опухшими глазами, бродятъ они, какъ зачумленные, или прокаженные. И

этот разительный примѣръ не можетъ остановить сартовъ, не служить урокомъ: десятками ходятъ они въ заведение, и нерѣдко между испытанными, одутыми, опухшими и блѣдными лицами, показывается еще свѣжее, не совсѣмъ поблекшее молодое лицо; но томность взгляда, задумчивость, дремота, уже выдаютъ его: по какой онъ идетъ дорогѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ сюда же отнести и бани — ихъ 5. Онѣ снаружи ничѣмъ не отличаются отъ обыкновенныхъ домовъ города, о внутреннемъ устройствѣ сказано выше.

Хлѣбопашество.

Теперь остается сказать, на сколько мы ознакомились съ краемъ, о хлѣбопашествѣ и о доходахъ казны.

Хлѣбопашествомъ занимается какъ осѣдлое, такъ и кочевое населеніе. Это самая сильная производительность края и самое распространенное занятіе населенія. Развитію и распространенію хлѣбопашества весьма много содѣйствуютъ горы. Въ степи земли, удобной подъ хлѣбопашество, много, но нѣтъ воды для ея орошенія. Воды отъ источниковъ едва достаетъ для орошенія садовъ, огородовъ и небольшого количества земли подъ хлопкомъ; горы же мало даютъ воды для степи, всего двѣ-три горныхъ рѣчки. Поэтому большая часть хлѣбопашества производится въ горахъ, по долинамъ, и на возвышенныхъ плоскостяхъ, гдѣ хлѣбъ родится безъ искусственнаго орошенія земли: дожди и роса достаточно орошаютъ землю, чтобы она давала хорошій урожай. Случается иногда, что впродолженіе цѣлаго года нѣтъ дождя, тогда хлѣба родятся очень плохи: самъ 5—7. Когда же бываетъ достаточно дождей, тогда снимаютъ хлѣбъ самъ 15—20 и болѣе; отношеніемъ этимъ объясняется и дешевизна хлѣба на базарѣ: отъ 30 до 50 копеекъ пудъ муки. А такъ-какъ въ горахъ земли удобной подъ хлѣбопашество много, то хлѣбопашество и развито здѣсь болѣе другихъ промышленности.

Доходы казны—хираджъ.

Уратюпинскій бекъ собиралъ въ годъ отъ 7 до 9 тысячъ батмановъ*, то-есть отъ 100 до 135 тысячъ пудовъ, хлѣба: пше-

* Батманъ—въ Ташкентѣ вѣситъ 10¹/₂ пудовъ, въ Бухарскомъ ханствѣ до 15 пудовъ.

ницы, ячменя, проса. Это собиралъ собственно бекъ; цѣлая треть хлѣбопашенной земли была отдана въ пользованіе хираджемъ школамъ и мечетямъ, которыя собирали 4,000 батмановъ или 60,000 пудовъ. Слѣдовательно, хлѣбопашество даетъ отъ 160 до 200,000 пудовъ хираджа въ годъ, что составитъ отъ 50 до 70,000 рублей; кромѣ хлѣба вимался хираджъ съ хлопка, котораго получалось до 500 батмановъ въ неочищенномъ видѣ, съ шелухой или скорлупой. Съ земель, орошаемыхъ арыками, вимается $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{5}$ часть, что собственно и называется хираджемъ. У кого свои собственные арыки, они ничего не платятъ въ казну. Но это не повсемѣстно и по закону тѣ должны платить гущюрь или десятину. Наконецъ, съ полей, орошаемыхъ исключительно отъ дождей, вимается $\frac{1}{6}$ часть, такъ-какъ при этомъ естественномъ орошеніи предполагается меньшій урожай, чѣмъ при искусственномъ орошеніи арыками. Съ земель же, орошаемыхъ арыками, вимается болѣшій процентъ, потому что арыки принадлежатъ казнѣ и какъ-бы отданы въ пользованіе населенію. Кромѣ того собиралось танапнаго* сбора съ огородовъ, бакчей и садовъ до 30,000 р.

Зякетъ вообще шелъ въ казну эмира. Зякету со скота собиралось до 15 т. руб.; съ каравановъ до 4 т. рублей. Зякетъ со скота получался по шеріату: отъ 40 до 101 барана вимался одинъ, такъ что если было у даннаго лица только 39 барановъ, то онъ освобождался отъ налога; напротивъ, если у него 101 баранъ, тогда онъ вносилъ двухъ барановъ, съ 201 до 301 — трехъ и т. д. Съ верблюдовъ и коровъ вималось со 100 — одинъ.

Почти весь караванный зякетъ вимался съ каравановъ вывозныхъ изъ Уратюпе въ Ходжентъ и Ташкентъ. Проходящихъ чрезъ Уратюпе съ той или другой стороны и подлежащихъ оплачиванію пошлиной каравановъ было весьма незначительное число. Съ бухарскихъ каравановъ, шедшихъ въ Кобанъ или Ходжентъ, зякетъ брался въ Джизакъ, какъ равно и съ проходящихъ въ Бухару. Всѣ они проходили мимо Уратюпе. Только небольшіе караваны изъ Шехризабзя или другихъ мѣстъ, проходящіе по горнымъ проходамъ, минуя Джизакъ, подвергались здѣсь оплачиванію пошлиной. Затѣмъ, остались караваны, которые выходили собственно изъ Уратюпе и приходили въ него. Съ этихъ каравановъ и собиралось зякету до 4 т. руб.

По закону мусульманскому, зякетъ вимается съ одного капитала одинъ разъ въ годъ. Купецъ десять-ли разъ обернетъ свой

* Танапъ— $\frac{1}{6}$ нашей десятины.

капиталъ въ продолженіе года, или одинъ разъ, все равно — онъ платитъ зякетъ съ него только разъ въ годъ, то-есть купецъ отправитъ въ январѣ даннаго года на 1,000 р. товару въ другой городъ, напримѣръ, изъ Уратюпе въ Коканъ — и заплатитъ зякетъ. Возвратившись изъ Кокана съ товаромъ коканскимъ тоже на 1,000 руб., онъ не платитъ уже зякета, но если болѣе, чѣмъ на 1,000 руб., то съ излишка платитъ зякетъ, напримѣръ, если на 1,400, то съ 400 руб. платитъ $\frac{1}{10}$ часть. Продавши этотъ товаръ въ Уратюпе, онъ снова везетъ въ Коканъ, или другое мѣсто уратюпинскій товаръ на 1,400 руб., не оплачивая за него зякета; если же болѣе, то платитъ только за излишекъ и т. д., слѣдовательно, собственно таможенной пошлины не было здѣсь. Таможенному сбору въ одинаковомъ размѣрѣ съ зякетомъ, то-есть въ размѣрѣ сороковой части, а иногда и вдвое болѣе, подвергались только иностранцы, напримѣръ, русскіе купцы. Съ нихъ каждый разъ взимался зякетъ, что уже чисто таможенный сборъ. Но это былъ произволъ, несогласный съ духомъ шеріата.

Ю. ЮЗЕВОВЪ.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

(Корреспонденція «Отечественныхъ Записокъ»).

Парижъ, 1-го апрѣля.

Правда о Мексикѣ. — Типографскія затѣи. — Переписка египетской арміи.

Изъ газетъ вамъ извѣстна мексиканская неурядица, которую ознаменовались, между прочимъ, дебаты французскаго законодательнаго корпуса въ знаменитое всѣмъ неурядицами засѣданіе 18-го марта. Говоря объ иностранныхъ дѣлахъ, Жюль Фавръ хотѣлъ показать своимъ сочленамъ категоріи правительственнаго большинства, что уклоненіемъ отъ воздѣйствія на внѣшнюю политику кабинета, они сами какъ-бы наталкиваются на ошибки. «Когда насъ увѣдомили о снаряженіи экспедиціи въ Мексикку», началъ-было ораторъ... Но президентъ и лихой батальонъ министерскихъ депутатовъ тотчасъ прервали его восклицаніями. Въмѣсто преній закипѣло препирательство. «Къ вопросу! къ вопросу! Слушайте президента! къ порядку!» Закричали, застучали, загомонили, застрекотали. Десять минутъ продолжалась суматоха. Жюль Фавру не дали открыть рта. Онъ долженъ былъ оставить экспедицію въ покоѣ.

Итакъ, въ палатѣ пельзя и мимоходомъ касаться Мексики. Самое имя ея изъято изъ парламентскаго оборота. Одно упоминаніе о ней производитъ бурю. Оно если хотите и понятно. Въ пятидесятыхъ годахъ въ Мексику попалъ, вслѣдствіе различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ было бы слишкомъ долго распространяться, графъ Гастонъ де-Рауссэ-Бульбонъ, потомокъ древняго и доблестнаго рода, ставшій по волѣ судьбы авантюристомъ, какихъ Франція не мало разсылаетъ по бѣлу свѣту. Испытавъ неудачи на золотыхъ пріискахъ, и имѣя причины ненавидѣть нагло обманувшее его мексиканское правительство, для поправленія своихъ дѣлъ и изъ мести президенту республики, генералу Санта-Аннѣ, графъ Рауссэ-Бульбонъ задумалъ покорить одну изъ мексиканскихъ провинцій, Сонору. Всего съ двумястами-пятьюдесятью-тремя подобранными

НАШИ ПРИОБРѢТЕНІЯ ВЪ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

II*.

ЧИМКЕНТСКІЙ ОКРУГЪ.

Чимкентскій округъ заключается между 42° и $45\frac{1}{2}$ широты и 84° и 89° долготы; къ сѣверу онъ граничитъ, по теченію рѣки Чу, съ Алатавскимъ округомъ и областью сибирскихъ киргизовъ у озера Саумалъ-Куль и рѣки Сары-Су; съ запада съ туркестанскимъ райономъ, съ юго-запада теченіемъ Дарьи и бухарской границей, съ юга ташкентскимъ райономъ, съ востока Аулие-Атинскимъ округомъ и горами Бадам-Баши, Сайрам-Баши, Машат-Баши — отраслями *Алая*. Площадь эта пересѣкается съ востока на западъ горами Боролдаемъ и Каратау и, такимъ образомъ, раздѣляется на двѣ почти равныя половины. Сѣверная половина отъ Каратау до Чу, раздѣляется также на двѣ равныя части рѣкою Таласомъ: сѣверная ея часть состоитъ изъ песковъ, покрытыхъ саксауломъ; другая покрыта холмами, пересѣкается двумя хребтами, отрогомъ Каратау съ юга на сѣверъ до Таласа и отрогомъ Александровскаго хребта съ востока, и орошается рѣками съ Боролдай и Каратау. Поэтому сѣверная часть этой половины населается только зимой, куда перекочевываютъ всѣ биштамгалы и большая часть дулатовъ **, такъ-какъ она изобилуетъ топливомъ и достаточно даетъ подножнаго корма для скота. Лѣтомъ она совершенно необитаема, пуста: развѣ гдѣ-нибудь подлѣ самаго Таласа по арыку живутъ игинчи (хлѣбопашцы). Даже звѣри оставляютъ ее лѣтомъ и откочевываютъ, какъ и киргизы, въ горы; остаются развѣ только тигры подлѣ озеръ въ камышахъ и зайцы, да безчисленное множество фалангъ и скорпионовъ. За то зимой она оживляется кочующими и ихъ стадами и по ночамъ освѣщается довольно частыми огнями кочевниковъ.

* «Огеч. Зап.» 1867 г., № 7.

** Биштамгалы и дулаты — киргизскіе роды.

Южная часть этой половины, напротивъ того, болѣе или менѣе оживлена лѣтомъ и зимою, но она оживлена только по долинамъ рѣчекъ и около озеръ и источниковъ. Скаты горъ такъ же безлюдны зимою, какъ лѣтомъ пески. На этой части зимою много зимовокъ, то-есть сакель, построенныхъ на мѣстахъ хлѣбопахатныхъ. Въ нихъ живутъ игинчи около своихъ полей.

Другая половина округа съ южнаго склона Каратау до Дарьи между рѣками Арысомъ и Келесомъ болѣе населена, но все населеніе группируется около горъ и рѣчекъ. По всему южному склону Каратау, Боролдая, по рѣкамъ Машату, Аксу, Сайраму и Бадаму, круглый годъ живутъ киргизы, но, такъ же какъ и въ первой половинѣ, въ горахъ и по скатамъ ихъ кочуютъ только лѣтомъ, въ жаркое время; а зимой всѣ, за исключеніемъ тоже игинчей, откочевываютъ въ низменныя мѣста къ Таласу и къ Дарьѣ.

Эта половина округа довольно богата водой, а потому и производительнѣе первой; на ней расположились семь городковъ, населенныхъ сартами, и нѣсколько курганчиковъ, населенныхъ киргизами.

Такимъ образомъ, лѣтомъ населеніе сходится вмѣстѣ на горахъ, а зимой большая часть расходится по окраинамъ площади.

Площадь склонается отъ востока къ западу. Поэтому значительныя рѣки направляются на западъ. Даже рѣки, бѣгущія по южнымъ скатамъ Боролдая и Каратау, имѣютъ направленіе на юго-западъ, какъ Боролдай, обѣ Бугуни, Чаянъ, а Арыстанды бѣжитъ прямо на западъ.

1) Рѣка Чу бѣжитъ на разстояніи отъ 700 до 900 верстъ съ небольшими уклонами прямо на западъ и раздѣляетъ Туркестанскую Область отъ Алатавскаго округа; съ урочища Яски-Чу внизъ, она ограничивается съ сѣвера Чимкентскій округъ. Рѣка эта весьма многоводна; но она судоходна только съ урочища *Яски-Чу*: выше этого мѣста она слишкомъ быстра и много по ней мелкихъ перекатовъ, ибо бѣжитъ нѣсколькими рукавами, между тѣмъ какъ съ Яски-Чу идетъ въ одномъ руслѣ; рѣка эта изобилуетъ рыбою: моринка, османъ, сомъ и др. Она изслѣдована и снята штабс-капитаномъ Стрѣльниковымъ.

До Яски-Чу она протекаетъ по великолѣпной долинѣ; отсюда течетъ по безплоднымъ пескамъ, покрытымъ саксауломъ, и утоляетъ жажду только дикихъ животныхъ: тигровъ, волковъ, козъ и дикихъ лошадей.

2) Рѣка Таласъ пересѣкаетъ эту площадь также съ востока на западъ. Онъ беретъ свои воды изъ Уртан-тау съ одной сто-

роны и Александровскаго хребта съ другой и протекаетъ между снѣговыхъ горъ по великолѣпной долинѣ верстъ 150, въ 40 верстахъ отъ Аулие-Ата пробиваетъ хребетъ, соединяющій Александровскій хребетъ съ Аксаемъ, выходитъ на степь, раздѣляетъ пески отъ отроговъ и покатоствей Каратау и Боролдай и впадаетъ въ озеро Каракуль. Рыба въ ней та же, какъ и въ Чу.

Талась проведенными отъ него арыками орошаетъ весьма много полей, большею частью по лѣвому его берегу; вообще воды, вливающейся въ Талась, дѣлаютъ долину его весьма плодородною и весьма богатою. Въ этомъ отношеніи особенно заслуживаетъ вниманія притокъ его, рѣчка *Аса*. Она съ начала до конца орошаетъ поля киргизъ и дѣлаетъ протекаемое ею пространство весьма плодороднымъ. Она протекаетъ чрезъ два озера, Белекуль и Ак-Куль, и въ лѣтнее время не доходитъ до Таласа, а вся расходится по полямъ.

3) По южному склону горъ особеннаго вниманія заслуживаетъ, какъ плодоносная, рѣчка *Арысь*; она протекаетъ съ сѣверо-востока на юго-западъ, по великолѣпнѣйшей и чрезвычайно плодородной долинѣ на протяженіи до 300 верстъ. Ниже Караспага верстъ на 70 или на 80 до устья, то-есть до впаденія въ Сыр-Дарью, рѣчка, какъ и прежде, течетъ въ одномъ руслѣ, но имѣетъ небольшое паденіе и принимаетъ характеръ степной рѣки. Отсюда она судоходна и весьма богата рыбой. Начиная съ Караспага, она раздѣляетъ Чимкентскій округъ отъ Туркестанскаго.

4) *Машатъ* и *Аксу*. По свѣдѣніямъ киргизъ, есть золото по этимъ рѣчкамъ. Онѣ текутъ между крутыми берегами, особенно Машатъ. Машатъ только подъ конецъ, предъ впаденіемъ въ Арысь, и очень мало въ самыхъ верховьяхъ, орошаетъ поля: Аксу верстъ за двадцать до впаденія въ Арысь даетъ богатую долину.

5) *Бадамъ* съ *Сайрамомъ*. По этимъ рѣчкамъ есть золото, по свѣдѣніямъ киргизъ*; долины ихъ со всѣми притоками весьма хлѣбородны и запяты хлѣбопашествомъ.

6) *Боролдай*, *Чаянъ*, *Арыстанды*, большая и малая *Бугуни*. Всѣ онѣ орошаютъ весьма обширное пространство хлѣбородной и богатой земли. Боролдай вливаетъ въ Арысь уже немного воды, которая вся расходится по полямъ; Бугунъ, Чаянъ, Арыстанды, всѣ расходятся по полямъ. Бугунъ зимою вливаетъ свои воды въ озеро недалеко отъ Сыр-Дарьи. Около всѣхъ этихъ рѣкъ водится множество кабановъ, волковъ и водной птицы, которая частью и зимуетъ здѣсь.

* Уже сдѣланы заявкы на золотые прииски.

Озера. 1) Саумал-Куль или Текекуль—огромное озеро. Оно принимаетъ въ себя воды рѣкъ Чу и Сарысу. Оно богато рыбой, птицами и звѣрями въ окружающихъ его камышахъ.

2) Каракуль принимаетъ въ себя воды Таласа, въ 80 верстъ длины и въ 20 и 30 ширины; тоже богато рыбой, птицами и звѣрями. Оно не есть цѣльное озеро, а состоитъ изъ весьма значительной группы озеръ, соединенныхъ проливами; оно, должно быть, постепенно высыхаетъ, потому что по краямъ его есть много, во первыхъ, высохшихъ озеръ; во вторыхъ, такихъ озеръ, которыя уже не имѣютъ связи съ водами Таласа и, раздѣленные перешейками, имѣютъ соленую воду, тогда какъ нѣсколько лѣтъ назадъ—отъ 20 до 30, имѣли прѣсную воду и соединялись проливами съ общей связью озеръ.

3) Белекуль. Это небольшое озеро, отъ 10 до 15 верстъ въ длину и отъ 2 до 4 верстъ въ ширину, но гораздо важнѣе и болѣе заслуживаетъ вниманія, чѣмъ первыя; вокругъ его великолѣпная пастбища, весьма плодородная, и хорошо орошаемая земля и есть мелкій кустарникъ, джангиль и чингаль. Поэтому оно постоянно и зимой и лѣтомъ оживлено кочевками киргизъ. Оно принимаетъ и выпускаетъ рѣку Асу.

4) Акъ-Куль принимаетъ въ себя ту же Асу и выпускаетъ ее въ Талась. Оно имѣетъ въ окружности до 5 верстъ и тоже замѣчательно пастбищами и плодородіемъ почвы вокругъ его.

5) Нѣсколько соленыхъ озеръ.

Горы. 1) Боролдай, въ соединеніи съ Куланомъ, сѣдловинной на Чекпакѣ соединяется съ Аксаемъ. Гора восходитъ до 5 т. футовъ надъ уровнемъ моря. Она даетъ отъ себя двѣ рѣки, Боролдай и Бугунъ, орошающія, какъ выше сказано, весьма богатая долины. Эта гора много обѣщаетъ въ будущемъ и, надо полагать, привлечетъ къ себѣ предпринимателей съ свободными капиталами и оживится. Въ ней, въ верховьяхъ рѣки Боролдай, есть весьма достаточно строевого лѣсу на площади въ 20 верстъ длины и около 2—5 ширины. Въ этомъ безлѣсномъ край верховья Боролдай уже золотое мѣсто; но если прибавить къ этому каменный уголь, мѣсторожденія котораго открыты въ значительномъ количествѣ, и желѣзную руду, тогда значеніе горы сильно вырастаетъ. Значитъ, тамъ есть все, чтобы построить заводы, и къ тому же плодородная, хорошо ирригированная почва для хлѣба и пастбищъ заводскихъ. Здѣсь водится много звѣрей и животныхъ:

1) Кабаны—ихъ очень много.

2) Моралы.

3) Архары.

4) Дикія козы.

- 5) Олени.
- 6) Горные барсы.
- 7) Шакалы.
- 8) Волки.
- 9) Медведи и пр.

Лѣтомъ гора оживляется тысячами кибитокъ киргизскихъ.

2) Каратау. Она возвышается до 7 т. футовъ; самая высокая часть ея, Мыкъ-Джилка (1,000 лошадей), расположена противъ Туркестана. Названіе это мѣсто получило отъ того, что разъ биштамгалинцы отбарантовали (угнали) отъ конградцевъ * 1,000 лошадей и остановились здѣсь на первомъ ночлегѣ послѣ Баранты, и загнали всѣхъ лошадей на эти высоты.

На Каратау тоже открыты мѣсторожденія каменнаго угля на Батпакъ-Су и около свинцовыхъ разработокъ: она имѣетъ весьма богатую свинцовую руду противъ Туркестана близъ Турлак-скаго прохода. Свинецъ разрабатывали и при коканцахъ. Отсюда онъ вывозился въ Коканъ, Ташкентъ и Бухару. При коканцахъ пудъ свинца на мѣстѣ стоилъ 2 руб. сереб. Здѣсь обитаютъ тѣ же роды звѣрей и животныхъ, какъ и на Боролдаѣ, за исключеніемъ горнаго оленя.

3) Отроги Аксаа.

Казыкуртъ возвышается до 4 т. футовъ — это Араратъ, по преданіямъ киргизъ: преданіе народное говоритъ, что на этой горѣ послѣ потопа остановился ноевъ ковчегъ. Она стоитъ на югъ отъ Ташкента, въ 25 верстахъ ея юго-западный склонъ пересекаетъ дорога въ Ташкентъ.

Будам-Баши, Машат-Баши и Сайтам-Баши. По скатамъ ихъ богатѣйшія лѣтнія киргизскія пастбища. Любо смотрѣть весной на киргизскій скотъ, пасущійся здѣсь: воды Машата, Аксу, Сайтами и Балама орошаютъ огромное пространство отличной хлѣбородной земли. Трудно найти въ этомъ краѣ такое сплошное пространство хлѣбопахатной земли; и по холмамъ, и по долинамъ, и по скатамъ горъ, и въ оврагахъ—вездѣ поля. Здѣсь множество кабановъ и волковъ.

Климатъ. Воздухъ лѣтомъ вездѣ очень сухъ, за исключеніемъ горъ. Дожди начинаются только съ октября или ноября; хотя случается, что и въ августъ и сентябрь бываютъ дожди, но это весьма рѣдко. Оттого здѣсь, за исключеніемъ возвышенныхъ мѣстъ на высотѣ 3,000 — 4,000 футовъ, земля безъ ирригаціи ничего не производитъ, и та только и цѣнится, которая ирригирована. Въ

* Конградъ—родъ киргизъ Малой Орды.

половинѣ мая все пересыхаетъ, такъ что кромѣ перекасти-поле, ничего въ степи не видно. Поэтому, все кочевое населеніе, по мѣрѣ приближенія жаровъ, поднимается выше и выше въ горы; въ низменныхъ мѣстахъ остаются только игинчи (хлѣбопашцы). Къ осени всѣ снова спускаются въ степь и идутъ къ своимъ зимнимъ кочевьямъ. Съ октября или ноября начинаются дожди или снѣга и морозы, смотря по тому, какая зима. Въ дождливую зиму дожди начинаются съ сентября и продолжаются до мая, смѣняясь довольно часто снѣгомъ, который на другой же день и растаетъ. Въ холодную зиму осень довольно сухая, и съ половины ноября начинаются снѣга и морозы, которые доходятъ иногда до 25°. Снѣгъ иногда бываетъ толщиною въ аршинъ и держится мѣсяцъ и два сряду, а иногда во всю зиму только изрѣдка выпадаетъ, и то не надолго, дня на три-четыре, на недѣлю; но большею частью снѣгъ держится недѣлю, двѣ и мѣсяцъ. Въ концѣ ноября или въ началѣ декабря замерзаютъ рѣки и вскрываются въ половинѣ февраля. Само собой, на горахъ снѣгъ громадный и лежитъ, смотря по высотѣ горъ, долго, до мая, іюня и даже іюля; вѣчными снѣгами покрыты только Аксай.

Лѣто для киргизъ праздникъ, отдыхъ послѣ несносной зимы. Они веселы, довольны: воздухъ теплый, солнышко грѣетъ, не нужно прятаться въ юрту и закупириваться, или обвертываться кошмами, да и юрты не надо: на воздухѣ лучше—такъ хорошо на травкѣ полежать и посидѣть, да вдаль поглазѣть и слушать веселыя пѣсни птичекъ; и вѣсто кузи *, которая уже и надоѣла порядкомъ, появляются кумысъ и айранъ **. И скотъ ихъ смотритъ радостно: весело бѣгаетъ по степи, съ наслажденіемъ ѣстъ свѣжую травку, прыгаетъ съ камня на камень. Лѣто праздникъ для киргизъ: съ нѣкоторою торжественностью перекочевываютъ они съ мѣста на мѣсто, забираясь все выше и выше въ горы, гдѣ и свѣжо, и видъ великолѣпный и скотинкѣ свѣжій-кая травка. Славно живетъ имъ лѣтомъ. И жары они не слишкомъ-то боятся. Въ самое жаркое время они поднимаются еще выше въ горы и спасутся отъ жары; и скотъ ихъ найдетъ себѣ отличный кормъ. На хлѣбопашество жара особенно не влияетъ; ибо противъ нея есть орошеніе. Само собой, сильная жара не можетъ хотя немного не отзываться вредно на хлѣбъ, на подножномъ корму для скота. Но сильные морозы, большіе снѣга,

* Кузи—весьма жидкая кашка изъ толченнаго проса съ бараньимъ саломъ или овечьимъ сыромъ, а то и безъ этихъ приправъ.

** Айранъ—свашенное коровье молоко.

особенно когда они стоят долго, отзываются уже весьма вредно, иногда губительно на благосостоянии киргизъ и на нихъ самихъ. Скотъ ихъ съ трудомъ достаетъ себѣ кормъ подъ глубокимъ снѣгомъ и на хорошихъ мѣстахъ, и часто по недѣлямъ не находитъ ничего и падаетъ отъ совершеннаго истощенія и изнеможенія, или замерзаетъ отъ холода и вьюга. Жалкая картина въ это время въ степи, гдѣ пасется скотъ; верблюды, лошади, коровы, бараны, не находя корму, едва ходятъ по снѣгу, разрывая его копытами, тощія, дрожатъ отъ холода. Защиты отъ мороза и вьюги нѣтъ; внутренней теплоты отъ истощенія мало, пріютиться на ночь негдѣ—и стоятъ бѣдные прижимаясь другъ къ другу и повѣсивъ головы около ауловъ, и многіе не доживаютъ до весны.

Морозы и глубокіе снѣга весьма неблагоприятно дѣйствуютъ, какъ на кочующихъ, такъ и на осѣдлое населеніе. Здѣшній край вообще весьма бѣденъ топливомъ. Среди саксаула на пескахъ киргизы выносятъ морозы, можно сказать, легко; но безъ этого топлива имъ приходится плохо. Хотя они и зимуютъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ есть топливо, но это степное топливо — перекати-поле, камышъ и джангиль — слишкомъ мало даетъ тепла, и наконецъ самого топлива мало, чтобы постоянно жечь, особенно въ большіе снѣга—и мерзнутъ бѣдные киргизы и болѣютъ: тогда свирѣпствуютъ простудныя болѣзни.

Немногимъ легче выносить осѣдлое населеніе эти морозы. Недостатокъ топлива точно также тяжело даетъ себя почувствовать и имъ*. Хотя отъ вьюги они и защищены, но голыя стѣны не спасаютъ отъ мороза и простудныхъ болѣзней. Днемъ еще могутъ они ходить изъ дома въ домъ, кое-какъ грѣются, но ночью приходится окутывать себя кошмами, коврами, если только они имѣются.

Какъ зимой свирѣпствуютъ катары, ознобы, тифы, такъ весной дихорадка и желудочныя горячки. Дихорадка и горячка свирѣпствуютъ на возвышенныхъ мѣстахъ, гдѣ находятся киргизскія зимовки игиней. Днемъ тепло, солнышко пригрѣетъ, а ночью холодно, почти морозъ, осенній сырой воздухъ, и неосторожные киргизы заболѣваютъ цѣлыми аулами.

Народонаселеніе. Округъ населенъ киргизами и сартами.

1) *Сарты*—аборигены края; они живутъ въ семи городкахъ: въ Чимкентѣ, Сайрамѣ, Манкентѣ, Карабулакѣ, Карамуртѣ, Султарабатѣ, Джанчанглыкѣ и въ Чулак-Курганѣ* и въ небольшихъ курганчикахъ Тонгуз-Лау и Кумышѣ.

* Этотъ восьмой городъ при кованцахъ относился къ Туркестану, а не къ Чимкенту: потому и не входитъ въ Дшеттыкентъ (семиградъ).

Въ Чимкентѣ	756 домовъ.
» Сайрамѣ	1,000 »
» Манкентѣ	322 »
» Карабулакѣ	550 »
» Карамуртѣ	250 »
» Султарабатѣ	68 »
» Джанчанглыкѣ	38 »
» Чулак-Курганѣ	66 »
» Кумышѣ	15 »
» Тонгуз-Лау	19 »

Итого . . . 3,084—15,920

Слѣдовательно, всѣхъ сартовъ можно положить до 16 т. душъ обою пола.

Въ древности они извѣстны были подъ именемъ таджиковъ или степныхъ персовъ.

По преданіямъ, численность осѣдлаго населенія въ прежнія времена далеко въ 10 разъ превосходила нынѣшнее. Преданія эти восходятъ къ временамъ до-чингизхановымъ.

Сайрамъ, по преданію, былъ громадный городъ, онъ вмѣщалъ въ себѣ до 50 т. домовъ и былъ раскинутъ на площади въ семьдесятъ верстъ въ окружности. Дѣдъ *Азретъ-Султана Иса-кбаба*, ихъ разорилъ и обратилъ въ магометанство.

Затѣмъ онъ снова былъ разоренъ калмыками подъ начальствомъ Галику, который увелъ 40 т. семействъ въ китайскій Туркестанъ, гдѣ они и основали новый Сайрамъ. Изъ остатковъ Сайрама произошли настоящіе семь городковъ. Объ образѣ жизни сартовъ и о торговлѣ мы скажемъ въ отдѣльной статьѣ.

2) *Киргизы*. Въ округѣ кочуютъ киргизы Большой орды съ небольшою примѣсью киргизовъ Средней и Малой орды. Большая орда занимаетъ юго-востокъ Киргизской степи: большая часть ея кочуетъ въ Алатавскомъ округѣ, часть въ китайской Джунгаріи и только $\frac{1}{3}$ часть въ Туркестанской области въ Аулие-атинскомъ, Чимкентскомъ и частью въ Ташкентскомъ округахъ. Большая орда состоитъ изъ слѣдующихъ главныхъ родовъ: 1) дулатъ, 2) джилаиръ, 3) адманъ, 4) суакъ, 5) чапрашты, 6) исты, 7) сергалы, 8) ошакты, 9) канглы и чаншеты. Для большей ясности представляемъ ниже родословную Большой орды*. Вся орда доходитъ, по нашимъ свѣдѣніямъ **, до 95,000 кибитокъ,

* См. въ концѣ статьи.

** Есть свѣдѣнія и несогласныя съ приводимыми здѣсь, но послѣднія болѣе распространены.

изъ коихъ въ Алатавскомъ округѣ около 46,000, въ Китайской Джунгаріи около 15,000, въ Туркестанской области около 34,000, изъ послѣднихъ въ Чимкентскомъ округѣ 17,000. Подробнѣе познакомимъ читателя съ киргизами отдѣльной статьей; а теперь только скажемъ: какіе роды киргизъ Чимкентскаго округа и на какихъ мѣстахъ кочуютъ лѣтомъ и зимою съ обозначеніемъ числа кибитокъ ихъ ¹ и гдѣ имѣютъ хлѣбопахатныя мѣста.

Дулатовскій родъ. 1) *Чемыры*. Чемыры кочуютъ въ Аулиеатинскомъ, Чимкентскомъ и Алатавскомъ округахъ—всѣхъ будетъ около 9,000 кибитокъ: въ Чимкентскомъ округѣ около 2,500. Зимнія кочевки имѣютъ около озера *Белекулъ* ² и по лѣвому берегу рѣки *Чу*, около урочища *Иткечу*; лѣтнія по южному склону Боролдая и Кулана и по рр. Арысу и Боролдаю: хлѣбопашество по этимъ рѣкамъ и по Асу у Белекула.

2) *Сейкмы*—до 5,000 кибитокъ, въ Чимкентскомъ округѣ 2,000 кибитокъ. Они кочуютъ вмѣстѣ съ чемырами. Главное хлѣбопашество по рѣкѣ Машату ³

3) *Джансы*—до 7,000 кибитокъ: половина въ Алатавскомъ округѣ; въ Чимкентскомъ 2,500 кибитокъ. Зимнія кочевки ихъ около горы *Казыкурта* ⁴ и по рѣкѣ Келесу, недалеко отъ Шарпахана ⁵. Лѣтнія кочевки и хлѣбопашество въ верховьяхъ рѣкъ: *Аксу*, *Сайрама* и *Бадама*. ⁶

4) *Ботнай*—6,000 кибитокъ. Болѣе половины въ Алатавскомъ округѣ; въ Чимкентскомъ около 400 кибитокъ. Лѣтнія и зимнія кочевки и хлѣбопашество въ верховьяхъ Арыса и около Сайрама.

5) *Сарыойсунъ*—до 500 кибитокъ; въ Чимкентскомъ округѣ 150 кибитокъ, остальные въ Алатавскомъ округѣ; кочуютъ съ сейкмыми.

6) *Каскарау*—до 5,000 кибитокъ и 7) *Султаншылды*—до 500 кибитокъ—всѣ кочуютъ въ Алатавскомъ округѣ.

Сергалы—до 5,000 кибитокъ; всѣ въ Чимкентскомъ округѣ; *Байджиитъ*, *Карабатыръ* и *Батырларъ* кочуютъ зимой въ Биш-тамгаллы, лѣтомъ по южному склону Каратау въ верховьяхъ

¹ Наши свѣдѣнія размогласятъ съ официальными. По послѣднимъ въ Чимкентскомъ округѣ число кибитокъ на половину менѣе показываемаго нами.

² Белекулъ въ 50 верстахъ отъ Аулиеата.

³ Машатъ впадаетъ въ Арысъ и пересѣкаетъ почтовую дорогу изъ Аулиеата въ 37 верстахъ отъ Чимкента.

⁴ Казыкуртъ на югъ отъ Чимкента въ 20 верстахъ.

⁵ Шарпаханъ отъ Чимкента въ 45 верстахъ, вторая станція въ Ташкенту.

⁶ На востокъ отъ Чимкента.

Большой и Малой *Бузуней*, *Чаяна* и *Сасыка*—здѣсь же и хлѣбопашество. Остальные отдѣленія *Сергалы* кочуютъ зимою по правому берегу *Сыр-Дарьи* между устьями *Келеса* и *Арыса*, лѣтомъ въ верховьяхъ *Бадама*, *Келеса* и *Аксу*; хлѣбопашество по Келесу и въ низовьяхъ Арыса отъ *Караспана*.

Биштамгаллы есть административное соединеніе (при коканцахъ) 5-ти родовъ: исты, ошакты, чапрашты, джилаиръ и сергалы—о послѣднихъ сейчасъ говорено.

а) *Исты*—до 4,000 кибитокъ: $\frac{1}{3}$ часть въ Алатавскомъ округѣ; зимуютъ между рѣками *Таласомъ* и *Чу*, въ пескахъ около озера *Каракулъ*; лѣтомъ по обоимъ склонамъ Каратау, здѣсь же и хлѣбопашество ихъ и около устья *Таласа*.

б) *Ошакты*—до 2,000 кибитокъ; кочуютъ съ исты; хлѣбопашество по рѣкамъ *Бузуней*, *Чаяну* и *Таласу*.

в) *Чапрашты*—до 12,000 кибитокъ; въ Чимкентскомъ округѣ до 250 кибитокъ, остальные въ Алатавскомъ. Кочуютъ съ ошакты и около городовъ Карабулака и Сайрама.

г) *Джилаиръ*—до 12,000 кибитокъ; въ Чимкентскомъ округѣ съ небольшимъ 100; остальные въ Алатавскомъ округѣ; кочуютъ съ ошакты.

Канлы и *Чаниклы*—до 5,000 кибитокъ; изъ нихъ 4,000 въ Ташкентскомъ округѣ за Чирчикомъ, 900 въ Аулиеатинскомъ и 100 въ Чимкентскомъ на верховьяхъ *Арыса*.

Адманъ и *Суанъ* до 25,000 кибитокъ въ Алатавскомъ округѣ и въ китайской Джунгаріи.

Аргынъ и *Найманъ* (Средней орды) до 200 кибитокъ; разбросаны по округу; преимущественно около *Сайрама*.

Кипчакъ и *Джагалбайлы* (Малой орды) до 200 кибитокъ разбросаны по округу; болѣе около Чимкента.

Численность кочевого поселенія. Численность осѣдлаго населенія можно приблизительно опредѣлить изъ числа домовъ, полагая по 5 душъ на домъ: въ 3,084 домахъ будетъ отъ 15 до 16,000 душъ обою пола. Цифра весьма близкая къ истинѣ. Но какимъ образомъ опредѣлить численность кочевого населенія? Тутъ нечѣмъ руководствоваться, нѣтъ такихъ, болѣе или менѣе, твердыхъ и вѣрныхъ данныхъ для опредѣленія численности населенія, какъ положительныя свѣдѣнія о количествѣ домовъ. Никто и прежде не зналъ, никто и теперь не знаетъ, сколько кибитокъ кочевого населенія. Ни коканцы, ни сами киргизы не знали, да и не было надобности знать имъ о численности кибитокъ: ни подушнаго, ни кибиточнаго сборовъ при коканцахъ не было, и всѣ ихъ сборы, постоянные, опредѣленные, неопредѣленные и временные, ложились

на скотоводство и хлѣбопашество, слѣдовательно на имущество безъ всякаго отношенія къ числу кибитокъ. Мало этого, они и не понимаютъ, что такое кибитка въ смыслѣ административномъ. Откровенно говоря, она и нами не опредѣлена въ точности, такъ что и мы сами не можемъ точно и положительно сказать, что такое кибитка, какъ финансовая, или административная единица. Что считать за кибитку? Киргизская ли юрта, или вообще семья, въ чемъ бы она ни жила: въ джуламейкѣ, шалашѣ камышевомъ, или саклѣ, какъ игинчи, то-есть въ собственномъ ли смыслѣ киргизская кибитка, юрта, или вообще какая бы ни была кровля, даже своя или чужая?

Состоятельный киргизъ имѣетъ двѣ-три и болѣе кибитокъ; богатый отъ 5 до 10 кибитокъ, такъ что третья или четвертая часть ауловъ состоятъ каждый изъ одной нераздѣльной семьи. Между тѣмъ, бѣдные или не имѣютъ юрты и живутъ въ шалашахъ, или два семейства помѣщаются въ одной юртѣ, или игинчи (хлѣбопашцы) живутъ въ шалашахъ или саклахъ по два, три и по четыре семейства вмѣстѣ. Очевидно, что кибитка, какъ административная единица, не можетъ быть принята въ смыслѣ юрты, джуламейки, или вообще жилища и даже въ смыслѣ семьи.

Время и опытъ выведутъ изъ этого затрудненія, а въ настоящее время кибитка не можетъ считаться ни финансовой, ни административной единицей, потому что она не опредѣлена и непонятна киргизамъ. Хотя бы объявили число состоящихъ въ ихъ вѣдѣніи кибитокъ, но объявленные ими цифры ни на чемъ не основаны. Поэтому, показанное ими число не можетъ служить для опредѣленія численности народонаселенія. Полагая среднюю величину кибитки въ 5 душъ, по ихъ даннымъ, въ Чимкентскомъ округѣ всего кочеваго населенія до 45,000 душъ; но это, по нашему мнѣнію, менѣе половины дѣйствительнаго.

Не имѣя подъ рукой никакихъ положительныхъ данныхъ, мы крайне затруднились въ выводахъ о численности народонаселенія. Занимаясь отдѣломъ о хлѣбопашествѣ края, мы случайно попали на мысль вывести численность народонаселенія изъ числа рабочихъ, которое необходимо для обработыванія всей хлѣбопашатной земли въ пропорціи къ остальному населенію, то-есть если населеніе удѣляетъ известное число рабочихъ для хлѣбопашества, слѣдовательно у него должно быть не менѣе такого-то числа всѣхъ совершеннолѣтнихъ рабочихъ, которые должны въ такой-то пропорціи относиться къ совершеннолѣтнимъ; сумма должна составить полную численность народонаселенія.

Намъ кажется, что это пока единственно возможный выходъ

численности кочеваго населенія, и выводъ недалекой отъ истины, пока администрація края не дастъ другихъ данныхъ для болѣе вѣрнаго и точнаго исчисленія населенія.

У киргизъ Чимкентскаго округа 4,800 хлѣбопашатныхъ кошевъ и болѣе 1,000 десятинъ подъ дженушкой (клеверъ). На каждый кошевъ нужно по два и по три работника, слѣдовательно, для хлѣбопашества нужно до 10 т. рабочихъ. На дженушку нужно человѣкъ 500, слѣдовательно 10½ т. рабочихъ. Кромѣ этого киргизы на время полевыхъ работъ нанимаются къ сартамъ. У сартовъ 1,600 хлѣбопашатныхъ кошевъ, слѣдовательно, имъ нужно 3,200 рабочихъ: да на дженушку до 100 рабочихъ. Можно навѣрное положить, что половина рабочихъ на сартовскихъ поляхъ состоитъ изъ киргизъ наемщиковъ: сартъ вообще чрезвычайно любитъ поважничать, похвастаться и показать себя купцомъ и человѣкомъ богатымъ. Потому только половина хлѣбопашцевъ сами занимаются полевыми работами, а другая половина нанимаетъ киргизъ. Поэтому на сартовскихъ поляхъ надобно положить не менѣе 1½ т. киргизъ рабочихъ. Кромѣ того изъ чимкентскихъ киргизъ смѣло можно положить не менѣе тысячи рабочихъ въ Ташкентѣ. Итого занимающихся полевыми работами киргизъ minimum 13, положимъ 12 т.; не менѣе этого должно остаться при аулахъ и при скотѣ. Киргизы пока недовѣряютъ никакому вѣншему спокойствію. Бывшая и отчасти и теперь продолжающаяся мелкая баранта заставляетъ ихъ быть осторожными; поэтому, какъ ауламъ и баранамъ при нихъ, такъ лошадямъ и верблюдамъ, пасущимся часто вдали отъ ауловъ перѣдко за 50—100 верстъ, нужна защита отъ барантачей. Затѣмъ нужны люди для другихъ работъ при аулахъ и для досмотра за лошадьми и верблюдами. Кромѣ этого киргизы караванные извозчики; если три или четыре тысячи верблюдовъ у нихъ въ извозѣ, нужно для нихъ до 500 лоучей*. При этомъ нужно принять къ свѣдѣнію, что только бѣдные киргизы работаютъ на поляхъ, находятся при скотѣ и занимаются извозомъ. Тогда смѣло можно положить, что если не столько же, то-есть если не 12 т. занято другими работами и проживающихъ праздно взрослыхъ мужчинъ, то не менѣе 10 т., и такимъ образомъ, въ Чимкентскомъ округѣ будетъ 22 т. взрослыхъ, способныхъ къ работѣ мужскаго пола и, значитъ, столько же способныхъ къ работѣ взрослыхъ женскаго пола. Такъ-какъ пропорціи взрослыхъ къ

* Лоуча—погонщикъ верблюдовъ; его обязанность смотрѣть за верблюдами въ дорогѣ и навѣчивать ихъ.

дѣтямъ по большей части какъ $\frac{2}{5}$ къ $\frac{3}{5}$, то всего кочевого населенія будетъ за 100 т. или отъ 100 до 110 т.

Доходы казны съ округа при коканцахъ. Самая доходная статья коканскаго фиска — это зекетъ съ барановъ. Одинъ Чимкентскій округъ приносилъ отъ 50 до 80 т. руб. сер., въ одинъ годъ болѣе, въ другой менѣе. Это зависѣло отъ благосостоянія киргизъ и отъ ловкости чиновниковъ-сборщиковъ зекета.

Если не было падежа и зима была непродолжительна, нехолодна, безъ глубокаго снѣга, тогда собиралось зекету:

Съ биштамгалинцевъ	до 8,000 — 10,000 баран.
— Сергалинцевъ	— 6,000 — 8,000 —
— Сейкимовъ	— 2,000 — 2,500 —
— Чемыровъ	— 2,000 — 2,500 —
— Джанысовъ	— 20,000 — — —
итого	до 2,000 — 25,000 баран.

Само собой, киргизы обманывали сборщиковъ, почему я и упомянулъ выше о ловкости чиновниковъ. Смѣло можно положить, что киргизы обманывали ихъ, или на половину, или на третью часть. Да кромѣ того, сборщики сами шли съ ними въ сдѣлку и обманывали коканское правительство въ лицѣ ташкентскаго корманаги, показывая ему меньше противъ показаннаго киргизами. По означеннымъ цифрамъ въ Чимкентскомъ округѣ до 800,000 барановъ. Но смѣло можно положить ихъ за 1 мил.

Зекетъ собирается слѣдующимъ образомъ. Сборщики съ джигитами объѣзжаютъ сначала одинъ родъ, командуя впередъ нѣсколько джигитовъ для наблюденія за аулами, чтобы киргизы не отгоняли своихъ барановъ въ другія мѣста. Подъѣзжаютъ къ аулу, гдѣ къ ихъ пріѣзду сгоняютъ всѣхъ барановъ въ *куру* (мѣсто, куда сгоняются бараны на ночь въ каждомъ аулѣ). Они отбираютъ куановъ (двухгодовалыхъ) и самыхъ лучшихъ барановъ, передаютъ на руки джигитамъ и отправляются въ другой аулъ — та же цесторія.

Конечно, при сборѣ зекета поживаются всѣ, начиная съ сборщиковъ и биевъ, и кончая джигитами при сборщикахъ и аульными старшинами. Если сборщикъ воруетъ, то само собой дѣлится и съ джигитами. Но послѣдніе воруютъ и отъ сборщика, перемѣняя отличныхъ барановъ на посредственныхъ, что составляетъ порядочную разницу. Хорошій баранъ можетъ стоить 4—6 рублей на базарѣ, а посредственный 3 руб. и даже 2 руб.

Зекетъ собирался только съ барановъ; другой скотъ: верблюды, лошади и коровы не подлежали налогу. Но и отъ однихъ бара-

новъ съ Чимкентскаго округа взималось зекету minimum 60,000 рублей.

Хираджъ составлялъ бы не менѣе и даже болѣе важную статью для ханства, еслибы поступалъ непосредственно въ казну. Хираджъ поступаетъ въ распоряженіе того бека, въ вѣдѣніи котораго состоитъ населеніе. Бекъ обязанъ за это содержать гарнизонъ и выставять по требованію правительства извѣстный контингентъ во время войны ханства съ сосѣдами. Нѣкоторые беки обязаны были отдавать отчетъ тому беку, или кужбегу, въ вѣдѣніи котораго состоитъ округъ; остатокъ бекъ обязанъ былъ представлять тому, кому отчитывался. Хираджъ собирался съ кошевъ. Кошемъ называется столько земли, сколько хозяинъ можетъ вспахать и взборонить паромъ быковъ.

Но кошъ, какъ финансовая, административная единица, не опредѣленъ геометрически и, въ примѣненіи къ сбору хираджа, неодинаковъ. Опредѣленіе его зависѣло отъ воли сборщиковъ, потому, какъ иначе понять разницу въ величинѣ кошевъ. На одинъ кошъ засѣвается 3 батмана, на другой 5 и 6 батмановъ, слѣдовательно одинъ вдвое меньше другого. Minimum коша 3 батмана посѣва: поэтому-то на разность величины и не было жалобъ, тѣмъ болѣе, что сборщики мирволили всѣмъ безъ исключенія, то-есть, не взыскивали съ хлѣбопашцевъ всего, что бы слѣдовало.

У бѣдныхъ хлѣбопашцевъ, имѣющихъ по малу пахатной земли, поля соединялись вмѣстѣ на столько, чтобы составить одинъ кошъ до 3-хъ или немного болѣе батмановъ засѣва. У богатыхъ же, если засѣвалось, 4 и 5 батмановъ составляло одинъ кошъ.

Приблизительную величину коша можно опредѣлить слѣдующимъ образомъ:

Единицей измѣренія земли здѣсь служитъ такапъ. Такапъ обнимаетъ 60 шаговъ въ квадратѣ, слѣдовательно составляетъ $\frac{1}{6}$ часть нашей десятины, такъ-называемой, въ нашемъ простонародіи тридцатки, т.-е. имѣющей 80 сажень въ длину и 30 въ ширину. На такапъ засѣвается 12 чириковъ пшеницы, то-есть 78 фунтовъ. На кошъ засѣвается отъ 3 до 5 батмановъ, то-есть отъ 1,260 фун. до 2,000, или $31\frac{1}{2}$ пуда до $52\frac{1}{2}$ пудовъ, слѣдовательно въ кошѣ заключается отъ 15 до 25 такаповъ, или отъ $2\frac{1}{2}$ до $4\frac{1}{2}$ русскихъ десятинъ.

Здѣсь пшеница родится самъ-20—30 и болѣе. Но при не-совершенствѣ обработыванія земли собирается съ поля только самъ-10. Такапъ, значитъ, даетъ около 20 пудовъ, а русская десятина—около 120; кошъ, слѣдовательно, даетъ отъ 300 до 600 пудовъ. Беку, значитъ, приходилось съ коша отъ 30 до 60 пу-

довъ, полагая, что хираджъ взимался въ размѣрѣ только $\frac{1}{10}$ части. На самомъ дѣлѣ, приходилось болѣе этого количества. Коканцы, какъ и вообще въ средне-азиатскихъ ханствахъ, взимали хираджъ въ размѣрѣ $\frac{1}{5}$ части съ полей, орошаемыхъ изъ канавъ (арыковъ), несоставляющихъ частную собственность, а принадлежащихъ городу или селенію, которыя называются казенными ханскими, хотя онѣ проведены были безъ участія правительства и еще во времена незапамятныя. Съ полей, орошаемыхъ арыками, принадлежащими лицу или семейству, или извѣстнымъ родственнымъ семействамъ вмѣстѣ, хираджъ взимался въ размѣрѣ $\frac{1}{10}$. Последнихъ арыковъ у сартовъ Чимкентскаго округа будетъ меньше первыхъ. Съ полей безъ искусственнаго орошенія, какъ въ горахъ, на возвышенныхъ плоскостяхъ, хираджъ взимался въ размѣрѣ $\frac{1}{7}$ части. Слѣдовательно, среднимъ числомъ бекъ получалъ съ коша отъ 40 до 70 пудовъ въ среднемъ размѣрѣ хираджа, то-есть, въ размѣрѣ $\frac{1}{8}$ части.

Теперь опредѣлимъ, сколько обрабатываемой земли въ Чимкентскомъ округѣ, по свѣдѣніямъ, даннымъ бѣями, аксакалами, и подтвержденнымъ частными лицами, за вѣрность которыхъ, тѣмъ не менѣе, ручаться нельзя, а, напротивъ, можно смѣло полагать, что обрабатываемой земли болѣе противъ показаннаго.

Хлѣбопахатныхъ кошевъ у киргизъ:

въ родѣ	Биштамгалы	800
«	«	Сергалы 1,000
«	«	Джанысь 1,500
«	«	Сейкимъ 800
«	«	Чемыръ 700
		Итого 4,800 или
70—100 т. тапаковъ, 12 до 17 т. десятинъ.		

У сартовъ:

въ Чимкентѣ	450
« Сайрамѣ	450
« Манкентѣ	150
« Карабулакѣ	250
« Карамуртѣ	150
« Тонгуз-Лау	30
« Султарабатѣ	80
« Кумышѣ	20
« Джанганлыгѣ	70
Итого 1,650 или отъ 30	
до 35 т. тапаковъ, отъ 5 до 5 $\frac{3}{4}$ т. десятинъ.	

Хотя цифра хлѣбопахатной земли весьма мала по отношенію къ численности народонаселенія, тѣмъ не менѣе, бекъ имѣлъ порядочный сборъ хираджа. Положимъ, что всей хлѣбопахатной земли у сартовъ только 30 т. тапаковъ; положимъ, что урожай въ сборѣ только самъ-10 и хираджъ взимался въ размѣрѣ только $\frac{1}{10}$ части, и тогда бекъ получалъ съ сартовъ хираджа до 60 т. пуд. пшеницы, что въ переводѣ на деньги составитъ 30 т. р. Съ киргизъ коканцы брали деньгами самое меньшее по двѣ тилли, то-есть по 7 р. 60 к. съ каждаго коша, что составляетъ около 10 т. тиллъ или 38,000 руб. сер. Итого съ сартовъ и киргизъ бекъ взималъ въ хираджѣ до 68,000 р. сер.

Коканцы потому ограничивались сборомъ двухъ тиллей съ киргизскаго коша, что съ нихъ брали еще зекетъ въ размѣрѣ $\frac{1}{40}$ части съ барановъ, которому не подлежали сарты *.

Слѣдовательно, вообще опредѣленные доходы Чимкентскаго округа простирались до 130 т. р.: зекету на 60 т. и хираджу на 68 т. р.

Кромѣ этихъ опредѣленныхъ, положительныхъ налоговъ, были налоги временные и экстраординарные.

Временные налоги составляло взиманіе даннаго числа денегъ за натуральныя повинности, такъ-называемаго *салыка*, по 1,000 или по 2,000 тиллъ съ рода киргизъ, по 100—200 и болѣе тиллъ съ городковъ; назначеніе цифры салыка зависѣло отъ произвола парманачи ташкентскаго.

Кромѣ этого сбора, былъ налогъ экстраординарный на случай войны: онъ назначался деньгами, верблюдами, лошадьми, баранами, рогатымъ скотомъ, хлѣбомъ и клеверомъ, и назначался тоже по произволу парманачи или командующаго войсками края; на этотъ случай взимался иногда зекетъ впередъ за годъ.

Коканцы не всегда держались шеріата относительно сбора законныхъ доходовъ. Они иногда вмѣсто $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ части, брали $\frac{1}{4}$ и $\frac{1}{3}$ часть въ хираджѣ; вмѣсто сорокового барана, брали тридцатаго въ зекетѣ. Кромѣ того, случалось, брали съ каждаго верблюда по 7 кокановъ или 140 копеекъ, съ лошади — 1 руб., съ коровы — 60 копеекъ.

Для взиманія хираджа съ осѣдлаго населенія назначались саркеры.

Въ Чимкентѣ былъ одинъ саркеръ для всѣхъ окружающихъ

* Каракиргизы не подлежали этому закону; они лѣтъ 15 тому назадъ обязаны были доставлять въ Аулиеата и Меркэ, а прежде и въ Токмакъ и Пишпекъ до 20,000 батмановъ, въ послѣднее время только 7,000 батмановъ и 14,000 сноповъ соломы.

городковъ. Въ каждомъ городѣ саркерь имѣлъ своихъ чиновниковъ, дуанъ-беги. При немъ и при каждомъ дуанъ-беге полагались писаря: такимъ образомъ, саркерь имѣлъ порядочный штабъ, который содержался непосредственно на издивеніи народномъ. Кромѣ хираджа, саркерь получалъ для себя съ каждаго коша по 12 чириковъ, то-есть по два пуда, дуанъ-беги—по 6 чириковъ, а писарь—по 4 чирика. Слѣдовательно, каждый кошъ долженъ былъ внести, кромѣ хираджа, до 4 пудовъ зерна. Итакъ, сарты Чимкентскаго округа платили чиновникамъ ханскаго фиска 6,600 пудовъ зерна. Кромѣ того, саркерь и его помощники пользовались добровольнымъ приношеніемъ сверхъ положеннаго при взиманіи хираджа. При этомъ они имѣли доходы отъ рѣшенія дѣлъ по хлѣбопашеству. Ихъ обязанность состояла, кромѣ сбора хираджа, въ разборѣ споровъ и жалобъ между хлѣбопашцами, въ наблюденіи за приращеніемъ полей и исправностью и чистотою арыковъ. Бѣлая часть полей орошается арыками, проведенными изъ рѣкъ и горныхъ рѣчекъ. Нѣкоторые арыки проводятся къ извѣстному обрабатываемому мѣсту верстъ за 10, 20 и даже за 30, и берутъ свое начало въ горахъ отъ верховьевъ рѣкъ и рѣчекъ. Многіе орошаютъ полосу земли на пространствахъ 5—10 верстъ. Очевидно, эти арыки принадлежатъ не личности, а дѣлу городу или половинѣ города, или, наконецъ, казенные, ханскіе. Если арыкъ засорился или прорвало гдѣ-нибудь плотину—словомъ, попортился, тогда поправкой и прочисткой его распоряжается дуанъ-бегъ вмѣстѣ съ городскимъ аксакаломъ, стояя народъ и смотря за работой. На ихъ же обязанности лежалъ надсмотръ и за арыками въ городѣ, ибо эти арыки орошали, вмѣстѣ съ тѣмъ, и городскіе сады.

Споры по хлѣбопашеству между сартами и киргизами рѣшались по шеріату, или если споръ очень важный, тогда ханомъ или ташкентскимъ парваначи (губернаторъ).

У кочеваго населенія не было подобныхъ саркеровъ, такъ-какъ съ нихъ взималось не натурою и не по количеству земли, и не по урожаю, а просто по двѣ тилли съ коша; коканское правительство и не считало поэтому своей обязанностью ставить надсмотрщиковъ надъ хлѣбопашествомъ ихъ, конечно, не устрояя себя отъ права судить и рядить въ случаѣ надобности. Правда, былъ назначенъ одинъ аксакалъ изъ сартовъ для сбора двухъ тиллей съ каждаго коша и наблюденія за количествомъ кошевъ.

Хлѣбопашество. Обрабатываемой земли подъ хлѣбомъ въ Чимкентскомъ округѣ, какъ показано выше, около 20 тысячъ десятинъ. Слѣдовательно, приходится по $\frac{1}{3}$ десятины на мужскую

душу. Правильнѣе было бы сказать, что воды для орошенія земли достаетъ только на $\frac{1}{3}$ десятины на душу, потому что собственно земли удобной для хлѣбопашества весьма много, но нѣтъ воды для орошенія ея, а здѣсь только та земля и производитъ, которая орошается.

Какъ ни мало количество обрабатываемой земли, но его вполне достаточно для продовольствія края. Это положительно вѣрно, потому что отсюда вывозятъ хлѣбъ въ Ташкентъ. Сарты одни производятъ, за исключеніемъ ячменя и проса *, до 500 тысячъ пудовъ; а такъ-какъ имъ самимъ нужно на продовольствіе тахитомъ 300 т. пудовъ, да 80 т. на сѣмена, то остальные 100 т. пудовъ сбываются ими на сторону.

Киргизы засѣваютъ поля кунакомъ, просомъ и пшеницей. На пшеницу приходится не болѣе трети полей, пшеницу они весьма мало употребляютъ, и потому половина получаемой пшеницы продается на сторону; безошибочно можно сказать, что они сами потребляютъ не болѣе трехъ пудовъ на душу, то-есть до 300 т. пудовъ; треть засѣянныхъ пшеницей полей даетъ около 600 т. пудовъ, слѣдовательно, и они, оставивъ на сѣмена, продаютъ около 200 т. пудовъ на сторону.

И это небольшое количество пахатной земли обрабатывалось только въ мирное время, котораго при коканцахъ было вообще немного: то война внѣшняя, то междоусобица между киргизами и сартами, то сильное развитіе баранты, не давали возможности всѣмъ хлѣбопашцамъ заниматься полевыми работами. При занятіи края, мы застали третью часть пахатной земли запущенной. Оттого и цѣны на хлѣбъ были высоки. При умиротвореніи края, хлѣбопашество начало усиливаться. Еще въ 1865 году запущенная земля стала обрабатываться, а въ 1866 году населеніе кое-гдѣ начало проводить новыя каналы, или арыки. При коканцахъ же, зачастую, киргизы должны были уходить въ горы, а сарты запирались въ своихъ курганахъ и оставлять невозвѣданными свои поля. Еще въ прошломъ 1865 году, жители Карамурта боялись заняться хлѣбопашествомъ на мѣстахъ, лежащихъ въ 10 верстахъ отъ города; но успокоенные начальствомъ, принялись за запущенныя мѣста.

Теперь населеніе надѣется и вѣрить, что тишина и спокойствіе надолго водворились въ краѣ, что личность и имущества обезпечены отъ произвола и наспій, что теперь уже не то время, когда никто не былъ увѣренъ, что онъ, его семейство и имуще-

* Ячменя они сѣютъ немного, а проса самое незначительное количество.

ство завтра будутъ цѣлы и невредимы. Можно надѣяться, что производительность страны будетъ усиливаться.

Но какія бы благоприятныя условія ни были для хлѣбопашества, едва-ли оно будетъ очень усиливаться, развѣ на незначительную долю, и то если усилятся запросы на хлѣбъ. Земли много, но нѣтъ воды для орошенія ея, и теперь уже недостаетъ ея для всѣхъ. По всему округу развѣ еще два или три порядочныхъ арыка можно будетъ провести безъ того, чтобы это не вызвало пска, то-есть, чтобы вновь проведенные арыки не ослабили другихъ арыковъ.

Оттого-то земля, орошаемая водою, здѣсь весьма дорога. Поэтому, не всякій имѣетъ средства быть хлѣбопашцемъ: въ Чимкентскомъ округѣ пахатная земля стоитъ отъ 5 до 7 и 8 тиллей, то-есть отъ 19 до 30 руб. сер., слѣдовательно, десятина отъ 120 до 180 руб. сереб.

Можно, конечно, провести новый арыкъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и то отъ большихъ рѣчекъ, какъ Арыса, Мамата, Акъ-Су, но береговья и низменные мѣста всѣ заняты; на болѣе же возвышенныя нужно проводить арыкъ верстъ за 40—50, что потребуетъ затраты большого капитала, а это можетъ сдѣлать только цѣлая компанія пайщиковъ, въ чемъ пока нѣтъ настоятельной потребности.

Между сартами есть нѣсколько значительныхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ имѣется отъ 20 до 150 такаповъ. Они отдаютъ ее подъ сѣмъ на годъ, на два и болѣе, такъ что у кого есть желаніе заняться хлѣбопашествомъ, тотъ можетъ откортомить землю, или взять ее на слѣдующихъ условіяхъ:

Если сартъ самъ занимается хлѣбопашествомъ, тогда онъ нанимаетъ рабочихъ:

1) Работника на все лѣто нанимаютъ на такомъ уговорѣ:

а) Работникъ обязанъ вспахать, взборонить, посѣять, орошать и снять хлѣбъ хозяйскими орудіями, то-есть быки, соха, борона, хозяйскія и проч. За это онъ получаетъ отъ него $\frac{1}{4}$ часть снятаго хлѣба.

б) Работникъ съ своими орудіями получаетъ $\frac{1}{3}$ часть.

в) Работникъ съ своими сѣменами и орудіями, получаетъ половину снятаго хлѣба.

2) Работникъ-поденщикъ — за день:

а) Пахать своими орудіями . . . 60—80 коп.

» хозяйскими . . . 30—40 »

Боронить своими . . . 30—50 »

» хозяйскими . . . 20—30 »

Засѣять . . . 20—30 »

Снять хлѣбъ . . . $\frac{1}{2}$ — $1\frac{1}{2}$ пуда съ такапа

Молотить лошадьми или быками хоз. 20—30 » » »

За молотье . . . 15—20 » съ батмана.

Но поденщиковъ весьма мало, и они чрезвычайно рѣдки. Потому рабочихъ нанимаютъ почти всегда на всю полевую работу до уборки хлѣба. Хлѣбъ родится самъ 8—25, положимъ, отъ 10—15 или 12; тогда такапъ дастъ 20—40 и болѣе пудовъ. Самый посредственный урожай 20 пудовъ: 5 пудовъ работнику, 15 хозяину. Такапъ, положимъ, стоитъ 20 руб., слѣдуетъ выплатить 2 руб. сереб. процентовъ на затраченный капиталъ и 1 р. за сѣмена; на парѣ быковъ можно вспахать, взборонить 5 такаповъ земля за 80 коп. сереб., 18 коп. сереб. приходится за такапъ. Молотить съ такапа обойдется 5 коп. сереб., положимъ, всѣхъ расходовъ ляжетъ на такапъ 3 руб. Пятнадцать пудовъ стоятъ minimum $7\frac{1}{2}$ руб., за вычетомъ расхода, чистаго дохода съ такапа будетъ 4 руб. 20 коп. сереб. Это при самомъ посредственномъ урожаѣ и при самой дешевой цѣнѣ. При хорошемъ урожаѣ, значить, такапъ дастъ 10 руб. сереб. чистаго дохода. А русская десятина 60 руб. сер. При высокой же цѣнѣ на хлѣбъ, которая зимой доходитъ до 1 руб. сер. за пудъ, чистый доходъ поднимается до 15 руб. сер. съ такапа, а съ десятины до 100 р.

Въ результатѣ, по уборкѣ хлѣба, выходитъ, что хлѣбъ родится самъ 10—20; на самомъ же дѣлѣ, хлѣбъ родится самъ 20—50. Слѣдовательно, при правильномъ обработываніи земли и уходѣ за ней, и при правильномъ уборѣ хлѣба, такапъ давалъ бы 40—80 пудовъ, а десятина отъ 250—400 пудовъ.

Но при здѣшнемъ несовершенствѣ обработыванія земли, поливки полей, всходитъ только половина посѣва и того менѣе. Комки земли слишкомъ мало разбиваются здѣшними плохими бородами: потому земля весьма мало уравнивается, и кромѣ того, остается много пролежины, то-есть небольшихъ клочковъ земли, оставленныхъ неспаханными отъ небрежности пахаря. Хотя и прославляется здѣшнее орошеніе земли, но, въ сущности, оно слишкомъ просто, и не вполне доведено до настоящаго, правильнаго орошенія. Воду пускаютъ прямо изъ арыка, которая, по неразбитому хорошо полю бѣжитъ ручьями и размываетъ его, и уноситъ едва не половину посѣянныхъ зеренъ, другія зерна оставляютъ на самомъ верху, такъ что они или совсѣмъ не входятъ и поѣдаются птицами, или едва пускаютъ корни; оттого-то и хлѣбъ здѣшний очень рѣдокъ и не походитъ на сплошную, волнуемую массу нашихъ полей.

И долго еще будетъ держаться такая простота въ воздѣлываніи земли; только нужда заставитъ этотъ полудикій народъ тщатель-

нѣе воздѣлывать свою землю и заимствовать тѣ усовершенствованія, которыя будутъ занесены сюда русскими, какъ нужда заставила ихъ прибѣгнуть къ ирригаціонной системѣ, которая заставила ихъ потрудиться; и, дѣйствительно, она поражаетъ искусствомъ и умѣньемъ киргизъ и сартовъ проводить каналы по горамъ за 10—30 верстъ, громадными усилиями, которыя нужны были для осуществленія такихъ именно смѣлыхъ и рѣшительныхъ плановъ, какъ проведеніе каналы, напримѣръ, Сайрамско-Чимкентской, орошающей до 3,000 десятинъ земли по довольно узкой полосѣ.

Скотоводство. Скотоводствомъ занимаются только киргизы, и оно весьма распространено, но находится еще въ младенческомъ состояніи. Киргизы вовсе не заботятся объ усовершенствованіи породы скота и даже объ обезпеченіи ему продовольствія. А между тѣмъ скотоводство главная ихъ промышленность: они по преимуществу и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по необходимости скотоводы. Для нихъ, какъ кочевого народа, это вопросъ: быть или не быть. Пусть у нихъ не родится хлѣбъ — они проживутъ и безъ хлѣба, но падежъ скота для нихъ несравненно гибельнѣе неурожаа хлѣба. Между тѣмъ, странно, они никогда не обезпечиваютъ себя отъ падежа скота, не заботятся о сохраненіи его отъ холода и голода, на сколько это возможно; они только пользуются доходами отъ него. Конечно, нельзя съ нихъ требовать такого ухода за скотомъ, какой принимаютъ осѣдлые скотопромышленники и заводчики. Постоянно переходя съ мѣста на мѣсто, киргизъ не можетъ дать скоту ни помѣщенія во время холода, ни корму во время голода, во время вьюговъ, большихъ снѣговъ. Лѣтомъ пріятно, любо смотрѣть на киргизскій скотъ, табунами разсыпавшійся по степи. А зимой онъ возбуждаетъ жалость: холодно, вѣтеръ дуетъ, вьюга вѣетъ, закрыться негдѣ, да и поѣсть нечего... Но и самъ киргизъ жалокъ въ это время; онъ и самъ почти несетъ ту же участь. И ему холодно и голодно — пожалѣешь какъ киргиза, такъ и его скотъ!... Но какъ ни жалѣйте киргиза, какъ ни соболѣзуйте, а нельзя и оправдать, нельзя простить ему его полной безпечности о скотѣ. Онъ убѣжденъ, что у него нѣтъ силъ бороться за свой скотъ съ большими снѣгами, вьюгами и морозами — и онъ полагается на волю Аллаха; а между тѣмъ, среди тѣхъ же киргизъ, хотя за рѣдкость, найдутся и такія личности, которыя съ лѣта запасаютъ отъ 5,000—10,000 и даже отъ 30,000 до 50,000 сноповъ сѣна, или клевера, а на зиму строятъ загонъ для скота, около которыхъ и пасутъ его въ средину зимы и въ самые большіе снѣга. Въ этихъ загонахъ и сложенъ запасъ сѣна и клевера. Глубокіе снѣга стоятъ недѣлю,

иногда, и весьма рѣдко, двѣ недѣли. Если у киргиза есть загонъ и хватило запаса всего на двѣ на три дачи — и скотъ спасенъ: онъ не такъ голоденъ, его не пробираетъ такъ морозъ и вьюга. Конечно, пяти тысячъ сноповъ мало, чтобы кормить недѣлю, или двѣ, отъ 100 до 200 лошадей, до 50 верблюдовъ и до 1,000 барановъ; но скотъ будетъ не сытъ, не голоденъ и при выносливости киргизскаго скота вынесетъ и голодъ и холодъ двухнедѣльные. Притомъ и не весь скотъ требуетъ такой заботы: бараны и верблюды, напримѣръ, не требуютъ особеннаго ухода за ними и зимой. Они легче находятъ пищу и меньшимъ удовлетворяются, чѣмъ лошади и рогатый скотъ. Если киргизъ богатъ, что ему стоитъ заготовить отъ 1,000 до 5,000 сноповъ. Это поддержка для ста головъ скота; а и бѣдный киргизъ могъ бы запастись одной-двумя сотнями клевера и столько же сѣна, которые были бы спасеніемъ въ голодное время его паръ быковъ, двумъ-тремъ коровкамъ, десятку овецъ и паръ лошадей. Все это вещь возможная и не новая для киргизъ, но она не вошла въ употребленіе. Среди нихъ есть двѣ-три крупныя личности, у которыхъ запасъ корму доходитъ до 50,000 сноповъ клеверу одного, да батмановъ 50—100 кунаку. У этихъ лѣтъ, правда, и скота много — такъ до 1,000 лошадей, до 300 верблюдовъ, до 200 быковъ и коровъ и до 5,000 барановъ. Имъ легче обзаводиться такимъ хозяйствомъ, запастись кормомъ для скота. Но и бѣдняку это не невозможно, а напротивъ, легко возможно и не требуетъ большихъ трудовъ и почти никакой затраты. Ранней весной, въ концѣ марта и въ апрѣлѣ, вся степь покрыта роскошной травой: коси или рви сколько угодно — и это такъ легко, что и десятилѣтнему мальчику подъ силу. Въ недѣлю одинъ работникъ можетъ приготовить сѣна отъ 1,000 до 2,000 и болѣе сноповъ сѣна. Можно надѣяться, что умиротвореніе края, прочный порядокъ управленія и строгій судъ, приведутъ киргиза къ болѣе или менѣе правильному хозяйству и мало по малу вытѣснятъ лѣность, апатичность и *авось*, которыя овладѣваютъ человѣкомъ при необезпеченіи личныхъ и имущественныхъ его правъ. Киргизы до сего времени не могли быть увѣрены, что не только *заготовленный кормъ*, но и самъ скотъ и даже они сами, ихъ жены и дѣти завтра будутъ живы и цѣлы. Какое тутъ хозяйство! И велось кой-какъ хозяйство только людьми богатыми и сильными.

Коканцы собирали съ Чимкентскаго округа 20,000 барановъ, зекету въ пропорціи $\frac{1}{40}$ части; помноживъ на сорокъ, выйдетъ 800,000 барановъ. Но вѣроятно, киргизы показывали сборщикамъ, какъ уже сказано, далеко не весь скотъ, и если не $\frac{1}{3}$, то $\frac{1}{5}$ или $\frac{1}{7}$

часть скота имъ навѣрно удавалось скрыть, и потому смѣло можно положить въ Чимкентскомъ округѣ отъ 1 милліона до 1.200,000 барановъ. По большей части случается, что у кого есть 1,000 барановъ, у того не менѣе 100 лошадей, 20—30 верблюдовъ, 50 коровъ и 20 рабочихъ быковъ. Эта пропорція приблизительно вѣрная. Полагая въ Чимкентскомъ округѣ у кочеваго населенія 1 милліонъ барановъ, получится лошадей 100,000, верблюдовъ 20,000, коровъ 50,000, и рабочихъ быковъ 20,000; полагая среднюю цифру стоимости скота: по 3 руб. баранъ, по 20 руб. лошадь, по 30 руб. верблюдъ, по 10 руб. корова и по 15 руб. быкъ, получимъ: на 3,600 т. руб. барановъ, на 2 милліона руб. лошадей, на 600 т. руб. верблюдовъ, на 500 т. руб. коровъ и на 400 т. руб. быковъ, всего слишкомъ на 7 милліоновъ руб. скота.

Посмотримъ теперь, развивается ли скотоводство у киргизъ, умножается ли скотъ и на сколько, если же нѣтъ, то почему. Въ милліонѣ барановъ можно положить двѣ трети овецъ; изъ 700 т. овецъ третья часть производитъ по два барана въ годъ, потому 900 т. приплоду смѣло можно положить въ годъ. Слѣдовательно, чрезъ годъ должно бы быть у киргизъ около 2 милліоновъ барановъ; значитъ, въ продолженіе года ихъ капиталъ, пущенный чрезъ овцеводство въ оборотъ, принесъ бы 100% дохода, то-есть увеличился до 7 милліоновъ рублей, и только чрезъ приплодъ: а сколько доходу отъ шерсти, молока, сыру — вѣроятно не менѣе 10%. Мало того, капиталъ этотъ постоянно въ движеніи, постоянно въ обращеніи и не требуетъ особенныхъ заботъ. Вновь полученные проценты тотчасъ же поступаютъ въ оборотный капиталъ, въ обращеніе, и чрезъ годъ приносятъ тѣ же проценты. Между тѣмъ, нѣтъ данныхъ предполагать, чтобы овцеводство у киргизъ увеличивалось, а напротивъ, слышны отъ нихъ жалобы, что барановъ у нихъ стало меньше противъ прежнихъ лѣтъ. Трудно опредѣлить, сколько барановъ потребляютъ киргизы сами, и сколько ихъ продаютъ и промѣниваютъ на деньги, и сколько у нихъ пропадаетъ отъ падежа въ зимнее время, сколько крадутъ барантой *. Но вѣрно, что изъ приплода не остается почти ничего на слѣдующій годъ. Несомнѣнно, что баранта при коканцахъ сильно препятствовала развитію овцеводства. Падежи случаются только въ суровыя и долгія зимы. Хотя бараны и легко, то-есть, легче другихъ животныхъ, достаютъ себѣ кормъ, но глубокіе снѣга, само собой, сильно затрудняютъ имъ добычу корма, и бараны тощатъ, и потому труднѣе

* Барантой называется насильственный или воровской угонъ скота.

переносить холодъ. Если осенью были дожди, тогда и зимой, несмотря на глубокий снѣгъ, скотъ легче находить себѣ кормъ, потому что подъ снѣгомъ держится хорошая трава отъ осеннихъ дождей; но если осень была сухая, тогда длинная и суровая зима весьма тяжела, а иногда гибельна для скота. Затѣмъ порядочную часть траты барановъ надобно приписать дикимъ плотояднымъ животнымъ — волкамъ, шакаламъ, тиграмъ и барсамъ, особенно волкамъ. Около горъ, волки производятъ сильныя опустошенія въ стадахъ. Самая же главная трата барановъ — это собственный расходъ. Сами киргизы потребляютъ барановъ въ пищу себѣ немного, они дорожатъ ими — все же такіе проценты 5 потребляются ими; но они много продаютъ ихъ, или обмѣниваютъ на товары: извѣстно, что бараны служатъ орудіемъ мѣны у киргизъ на деньги, или на товаръ. У нихъ денегъ очень мало. У богатыхъ людей берегутся въ сундукахъ и тилли и коканы *, у бѣдныхъ только чеки **, и ихъ нѣтъ. (Въ послѣднее время киргизы начали заводить деньги въ волостяхъ). Отъ этого всѣ ихъ покупки товара у купцовъ, всѣ общественныя, домашнія и семейныя расходы производятся баранами. Правительство требуетъ съ нихъ хираджъ — они платятъ баранами; требуетъ повинности деньгами — они платятъ баранами; зекетъ платятъ баранами, большіе анбы — штрафы, или взыскъ по суду, за виновныхъ по суду, ложатся чаще всего на волость и платятся баранами; всѣ товары отъ купцовъ покупаются на барановъ. При всемъ томъ мѣна эта производится весьма невыгодно для киргизъ. Занимается ли киргизъ деньгъ у сарта для уплаты ли анба, или для расчета по барантѣ, или по отнесенію повинностей, занимаетъ непременно на барановъ, то-есть онъ обязанъ отдать сарту не деньгами, а баранами по 3 барана за тиллю, то-есть за 3 руб. 80 руб. Если въ томъ же году отдастъ, то долженъ отдать однолѣтками, а если черезъ годъ, то двухлѣтками, то-есть сартъ за годъ получить за тиллю 6 руб., за два отъ 9 до 12, а за три отъ 12 до 18 руб. На такихъ же условіяхъ онъ покупаетъ товаръ у купцовъ. Разношники татары и сарты въ аулахъ мѣняютъ товары прямо на барановъ, или въ долгъ, или на наличные, и потому, если ихъ бараны молоды, оставляютъ ихъ у киргизъ пастись еще на годъ и совершенно бесплатно за пріязнь и знакомство, и выходятъ киргизъ проигрываетъ, а татаринъ или сартъ выигрываетъ.

* Тилли — коканская золотая монета, стоитъ 3 руб. 80 к. сер. Коканъ — серебряная монета — 20 к. сер.

** Чека — мѣдная монета въ 1/3 коп. сер.

Поэтому на ташкентскомъ рынкѣ продаются сотни тысячъ барановъ и продаются они татарами и сартами, которые ихъ вымѣняли у киргизъ на товаръ и взяли за прежній долгъ. Въ настоящее время замѣтно, что киргизы начинаютъ сами приводить на базары барановъ и продавать ихъ на деньги и на деньги покупать себѣ товары, и вообще начинаютъ обзаводиться деньгами. Можно надѣяться, что при водвореніи спокойствія и порядка управленія войдетъ у киргизъ болѣе правильное употребленіе своего имущества, и тогда можно будетъ ожидать дѣйствительнаго приращенія скота, а пока намъ только понятно, куда идетъ приплодъ отъ скота.

Приплодъ верблюдовъ невеликъ. Верблюдъ самецъ (атанъ) живетъ отъ 20 до 25 лѣтъ, самка (ингинъ) — отъ 15 до 20. Пяти лѣтъ самка становится способною къ оплодотворенію: съ этого времени ее начинаютъ случать; чрезъ 12 мѣсяцевъ она родитъ; чрезъ годъ ее снова случаютъ: такимъ образомъ она родитъ только чрезъ два года. Значитъ, одна самка можетъ произвести только 5 или 6 верблюдовъ. Такъ-какъ онѣ родятъ только чрезъ два года, то ежегоднаго приплода можно ожидать только половину противъ всего количества способныхъ къ оплодотворенію самокъ. Поэтому у киргизъ Чимкентскаго округа можетъ быть не болѣе 2,000 верблюдовъ приплоду въ годъ. Верблюдами киргизы весьма дорожатъ, это самое любимое и самое полезное ихъ домашнее животное. Поэтому они мало и неохотно продаютъ ихъ на сторону, а напротивъ скорѣе замѣчается общее желаніе пользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ покупать ихъ. Расходъ верблюдовъ зависитъ главнымъ образомъ отъ транспортировки купеческихъ каравановъ въ зимнее время и особенно казенныхъ тяжестей въ наше время, причемъ сильно портятся верблюды, и затѣмъ немалый процентъ ихъ падаетъ; потомъ болѣзни, плотоядные животныя и особенно баранта выводятъ немалый процентъ расхода. Въ наше время баранты уже нѣтъ, но перевозочная повинность достаточно замѣняетъ ее въ этомъ отношеніи.

Приплодъ лошадей довольно значительный, около 20,000. Киргизы мало продаютъ кобылицъ, они берутъ ихъ для приплода, потому въ табунахъ лошадей можно положить $\frac{2}{3}$ кобылицъ. Жеребцы въ значительномъ количествѣ продаются въ Ташкентѣ и сартамъ. Кромѣ того, расходъ зависитъ отъ колотья въ пищу, падежа, хищныхъ животныхъ и особенно отъ баранты при канцахъ. У киргизъ нѣтъ никакого ухода за лошадьми. У сартовъ замѣчается систематическій уходъ за ними, но весьма незначительно. О распространеніи и улучшеніи породы сарты

тоже не заботятся; уходъ ихъ за лошадьми ограничивается при-смотромъ за наружною чистотою лошади, чистотою ее стойла подъ навѣсомъ, за своевременнымъ кормленіемъ, и въ пзвѣстной пропорціи, и наконецъ рѣдкіе выѣзжаютъ лошадь. Но все это дѣлается болѣе для собственной надобности и очень рѣдко для продажи. Такимъ уходомъ пользуются *аргамаки*, приобретаемые чрезъ Бухару отъ туркменъ, и *карабаиры* (смѣсь аргамака съ киргизской лошадыю). Эти лошади продаются отъ 50 до 200 и рѣдко до 300 рублей. Чтобы приготовить такую лошадь къ далекому и скорому путешествію, дней за десять до отправки постепенно уменьшаютъ ее дачу корма, такъ что въ предпоследній день даютъ только одинъ и притомъ небольшой снопъ клеверу. Въ послѣдній день кормятъ ее досыта, и притомъ съ примѣсью курдюшнаго (бараньяго) сала. Во все время ее водятъ шагомъ или ѣздить на ней легкой рысцою въ перемежку часовъ 5—8 и наконецъ 10 въ день. Такимъ образомъ она дѣлается легкою и выносливою: на ней можно дѣлать 100 и болѣе верстъ въ сутки въ продолженіе двухъ недѣль. Такимъ образомъ сипан (конница), готовятъ своихъ лошадей предъ походами и вообще въ военное время.

Приплодъ рогатаго скота тоже довольно значительный, отъ 10 до 15 т. головъ. Рогатый скотъ расходуетъ въ пищу, въ значительной продажѣ сартамъ и отъ падежа и баранты.

Садоводство и огородничество. Хотя всѣ городки Чимкентскаго округа покрыты садами, но нельзя сказать, чтобы садоводство здѣсь было особенно развито, чтобы оно составляло специальную промышленность какъ въ Ташкентѣ, или Ходжентѣ, развѣ за малымъ исключеніемъ; потому подробнѣе о садоводствѣ будемъ говорить въ статьѣ «о Ташкентѣ». Теперь же считаемъ нелишнимъ сказать, что въ Чимкентскомъ округѣ сарты обзаводятся садами болѣе для комфорта, для удобствъ жизни: потому въ здѣшнихъ садахъ мало фруктовыхъ деревьевъ. Правда, въ лѣтнее время появляются на базарахъ мѣстные: урюкъ, вишни, виноградъ и яблоки, но въ недостаточномъ количествѣ для мѣстнаго потребленія, такъ что за исключеніемъ яблоковъ изъ Ташкента привозятъ сюда всѣ тамошніе фрукты. Манкентъ и Чулак-Курганъ славятся яблоками, особенно послѣдній. Яблоки чулак-курганскіе очень вкусны и хорошо берегаются на зиму въ глиняныхъ круглыхъ и плоскихъ комкахъ въ отдѣльномъ гнѣздѣ для каждаго яблока. Карабулакъ славится виноградомъ.

Огородничество, можно сказать, вполне развито, особенно въ бакчахъ, гдѣ разводятъ арбузы и дыни. Этимъ производствомъ занимаются и сарты и киргизы: да оно и выгодноѣ другихъ сель-

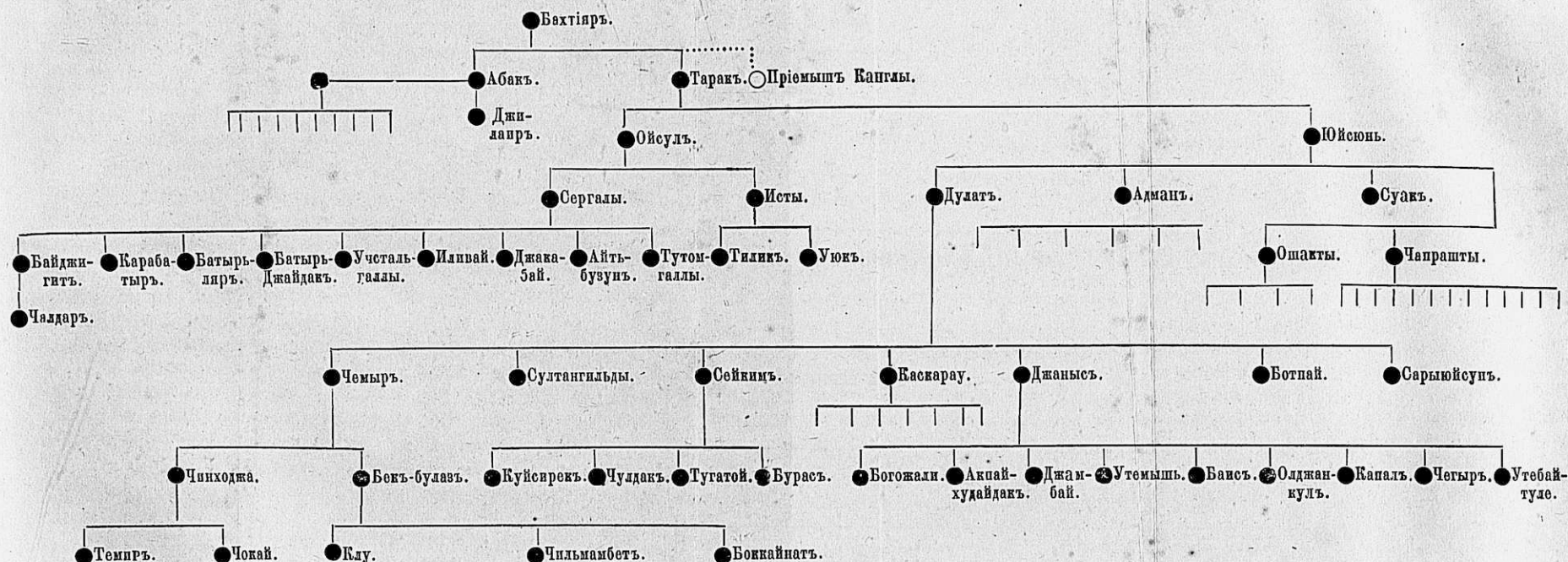
скохозяйственныхъ промысловъ. Танапъ ($\frac{1}{6}$ часть нашей десятины) даетъ отъ 2,000 до 4,000 дынь. Положимъ, средній урожай въ 3,000. На базарѣ оптомъ продаютъ 100 дынь за 2 р. 40 к.; въ розницу по 4 и 5 за штуку, то-есть по 4 и 5 р. за 100. Итого съ танапа получится по оптовой продажѣ на 72 р., по розничной отъ 120 до 150 р.

Разведеніе дженушки. Дженушка или клеверъ растетъ на мѣстахъ обильно орошаемыхъ, и требуетъ влажной почвы. Отъ одного посѣва снимаютъ дженушку въ продолженіе 7 и 8 лѣтъ, по четыре и даже по пяти разъ въ годъ; слѣдовательно отъ одного посѣва снимаютъ отъ 28 до 40 разъ. Танапъ даетъ въ одну сѣмку 300 — 400 сноповъ, или отъ 75 до 100 пудовъ, въ продолженіе года отъ 1,200 до 1,600; а въ продолженіе 8 лѣтъ отъ 8,000 до 12,000 сноповъ. Наша десятина, значить, даетъ за разъ отъ 1,800 до 2,400 сноповъ. Снопъ лѣтомъ продается по $\frac{1}{2}$ к. (въ Ташкентѣ 1 к.), зимой отъ 2 до 5, и даже случается до 8 и иногда до 10 к. Слѣдовательно, можно имѣть въ годъ съ танапа отъ 10 до 100 р. валового дохода, смотря по тому, въ какое время года продавать клеверъ. Самая высокая цѣна на клеверъ предъ весной, въ январѣ, февралѣ и въ началѣ марта. Въ Чимкентѣ въ это время сотня клевера стоитъ не менѣе 4 р., въ Ташкентѣ не менѣе 6 р.; значить, можно рассчитывать на 30 — 40 волового дохода въ годъ съ танапа; расхода потребуется въ общей сложности за 8 лѣтъ по 10 р. въ годъ. Клеверъ вдвое тяжелѣе сѣна и настолько же питательнѣе. Обыкновенная дача лошади въ день 4 снопа. Сарты даютъ по 3, а зимой, во время дороговизны клевера, и по 2 снопа. Клеверъ—лакомая пища для скота, такъ что если весной, послѣ во всякомъ случаѣ тяжелой зимы, пустить скотъ на клеверъ, то онъ объѣдается имъ до того, что околѣваетъ; такимъ прожорствомъ отличаются особенно коровы, но немного уступаютъ имъ въ этомъ и лошади. Но если въ извѣстной пропорціи давать скоту свѣжій клеверъ весной, тогда послѣдній живо поправляется, какъ бы истощенъ ни былъ отъ недостатка корма зимою.

Разведеніе дженушки довольно и, можно сказать, достаточно развито и распространено: во-первыхъ, это прибыльная статья; во-вторыхъ, къ этому вынуждаетъ необходимость, потому что сѣнокосеніемъ киргизы занимаются весьма слабо, въ ничтожномъ количествѣ, а сарты совсѣмъ не занимаются. Кромѣ собственной потребности, клеверъ идетъ на продажу проезжимъ, и особенно проходящимъ караванамъ; а въ базарные дни въ городкахъ его расходится не мало и на купцовъ-сартовъ и на киргизъ, приѣхавшихъ изъ волостей для купли или продажи.

Сколько земли засѣвается дженушкою въ Чимкентскомъ округѣ, пока намъ неизвѣстно; но по всей вѣроятности значительное количество.

РОДОСЛОВНАЯ ТАБЛИЦА.

1) Къ Большой Ордѣ относится и родъ *Чанклы*. Свѣдѣнія объ этомъ родѣ киргизъ разногласятъ: одни говорятъ, что Чанклы—чужой неизвѣстный народъ, присоединившійся къ роду Канлы, происходящему отъ Канлы, приемыша Бахтиярова; другіе говорятъ, что Бахтияръ усыновилъ безродного Катагана, отъ котораго и произошли *Канлы* и *Чанклы*. Первое мнѣніе распространено между всѣми киргизами; второе очень рѣдко, но въ пользу его говоритъ то, что Канлы и Чанклы кочуютъ вмѣстѣ и почти нераздѣльно.

2) Преданіе народное расходится о родахъ Исты, Чапрашты и Ошакты. Одни говорятъ, что всѣ три рода происходятъ отъ одного отца — Юйсуня, и что они единоутробные братья отъ младшей его жены, тогда какъ Дулатъ, Адманъ, Суанъ происходятъ отъ старшей — и что старшій изъ нихъ *Чапрашты*, средній *Исты*, и младшій *Ошакты*. Другіе говорятъ такъ, какъ показано въ родословной.

3) Простыя палочки подъ линіей рода обозначаютъ отдѣленія его; но названія отдѣленій намъ неизвѣстны, такъ-какъ эти роды кочуютъ или въ Алатавскомъ округѣ (въ вѣдомствѣ западно-сибирскаго генерал-губернаторства) или въ китайской Джунгаріи.

Т 20
1

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ

802-18
941

ЗАПИСКИ.

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

А. КРАЕВСКИМЪ.

ТОМЪ СЛХХІІІ.

78

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи А. А. Краевского, (Литейная № 88).

не чуждая угрызений, въ томъ, что пока у Роджера будутъ деньги, онъ всегда охотно раздѣлитъ ихъ съ братомъ, поддерживала въ немъ желаніе не раздражать отца открытіемъ тайны. «Не теперь еще, не теперь», говорилъ онъ самому себѣ и Роджеру. «Современемъ, если у насъ будетъ сынъ, я назову его Роджеромъ». Онъ предавался мечтамъ о поэтическомъ и романтическомъ примиреніи съ отцомъ посредствомъ ребѣнка, и все откладывалъ и откладывалъ выполненіе тяжелой обязанности. Свободно пользуясь деньгами Роджера, Осборнъ оправдывалъ себя въ собственныхъ глазахъ тѣмъ, что, женись, братъ лишился бы стипендіи, а между тѣмъ онъ, Осборнъ, употреблялъ всевозможныя усилія на то, чтобы сблизить его съ дамой его сердца. Въ заключеніе Осборнъ убѣждался въ собственномъ своемъ великодушіи.

САРТЫ ИЛИ ТАДЖИКИ,

ГЛАВНОЕ ОСѢДЛОЕ НАСЕЛЕНІЕ ТУРКЕСТАНСКОЙ ОБЛАСТИ.

(Посвящается графу И. И. Воронцову-Дашкову).

III.

На юго-восточной окраинѣ киргизской степи, подлѣ горъ юго-западнаго хребта Тяньшана, начиная съ горъ Каратау и Боролдая, по притокамъ Сыр-Дарьи, кое-гдѣ, сначала въ одиночку, а потомъ и цѣлыми группами, начинаютъ показываться населенные пункты, селенія, какъ оазисы среди голой пустынной степи, осѣняемые отъ солнечнаго зноя густыми садами. Чѣмъ глубже на югъ, тѣмъ группы селеній становятся больше и чаще; и только въ ущельяхъ, или щеляхъ горъ, по верховьямъ рѣкъ и рѣчекъ горныхъ, группы селеній малы и рѣдки, или даже попадаютъ одиночныя селенія. Въ аулиеатинскомъ районѣ, или на всемъ лѣвомъ флангѣ Туркестанской Области, только одно селеніе — городъ Аулиеата съ населеніемъ въ 4 т. душъ обоого пола. Въ туркестанскомъ районѣ четыре города и пятое селеніе — Чиликъ, разоренное кокандцами и теперь снова устроивающееся. На Сыр-Дарьинской линіи нѣтъ ни одного населеннаго пункта изъ туземцевъ. Въ чимкентскомъ районѣ семь городовъ, и нѣсколько селеній. Ташкентскій районъ уже довольно густо населенъ. Долина Чирчика усѣяна селеніями: на ней расположено до 80 городковъ и селъ и, со включеніемъ Ташкента, до 200 т. душъ собственно городскихъ постоянныхъ жителей, исключая временно живущихъ, напримѣръ, торговцевъ. Въ ходжентскомъ, уратюинскомъ и джузакскомъ районахъ тоже довольно густое населеніе: въ первомъ до 20 городковъ, имѣющихъ вмѣстѣ съ Ходжентомъ до 40 т. жителей; во второмъ 130 городковъ и селеній, имѣющихъ до 60 т. жителей; въ послѣднемъ 80 селеній, но число жителей не-

* «Отеч. Зап.» 1867 г. №№ 7 и 8. Статья эта читана въ общемъ собраніи членовъ географическаго общества.

известно, такъ-какъ жители во время похода нашего подъ Джузакъ всѣ разбѣжались, и теперь едва-ли $\frac{1}{4}$ часть возвратилась назадъ; по крайней мѣрѣ известно, что въ 40 селеніяхъ нѣтъ ни одной души — они совершенно пусты. Самое густое населеніе Средней Азіи около Ташкента, Кокана, Намангана, Анджана и Маргяна, и около Бухары, Карши и Самарканды. Около одного Кокана, говорятъ, расположено до 300 селеній. Всѣ селенія, какъ сказано выше, расположены подлѣ горъ, по долинамъ рѣкъ и рѣчекъ, и тянутся неширокой полосой отъ сѣвера къ югу съ углубленіями на востокъ по долинамъ; на западъ отъ этой полосы идетъ голая, мертвая степь.

Почти всѣ селенія скрыты въ садахъ, или окружены ими; только немногія изъ селеній, преимущественно около Уратюпе и Джузакъ, совершенно обнажены и нѣкоторые даже не имѣютъ садовъ. Напротивъ, многіе города, какъ Ташкентъ, Ходжентъ, Чимкентъ и другіе, совершенно закрыты садами, такъ-сказать, спрятались въ нихъ, такъ что даже съ возвышенныхъ мѣстъ города видны сады и сады и развѣ два-три домика между рѣдкими садами.

Сады—драгоценность среди голой степи и при 45-тиградусной жарѣ. Они весьма полезны въ матеріальномъ отношеніи, но не менѣе дороги и какъ удобство жизни. Какъ путникъ въ безводной степи проходитъ мимо солонья и горькія воды въ виду ручья свѣжей и чистой воды въ надеждѣ, что его усталыя ноги какъ нибудь дотащатся до него и онъ съ наслажденіемъ утолитъ свою жажду—такъ усиливаетъ свои шаги путникъ, погоняетъ свою лошадь проѣзжій, завидя вдали, верстъ хотя за 20, сады или селеніе. Видъ этихъ селеній ему милъ и привлекателенъ: сады манятъ его къ себѣ какъ-бы въ рай земной — и онъ, палимый жгучими лучами солнца, спѣшитъ скрыться въ тѣни деревъ — и съ какимъ неизъяснимымъ блаженствомъ растягивается онъ подъ деревомъ на зеленой травѣ! Онъ въ это время вполне счастливъ и доволенъ: сладкая нѣга и дремота объяли его; ему больше ничего не надо, только бы никто не трогалъ его и не мѣшалъ предаваться сладкимъ созерцаніямъ и пріятной нѣгѣ! Несчастіе, если нужно опять выходить въ степь!

Города и селенія имѣютъ еще и то значеніе для степи, что въ нихъ сосредоточивается обмѣнъ фабричныхъ и ремесленныхъ производствъ на сельскіе и сырые продукты. Въ нихъ кочевники сбываютъ свои произведения и приобретаютъ одежду, обувь и разныя припасы и матеріалы для хозяйственной потребности и чужеземные товары.

Въ этихъ городахъ и селеніяхъ живутъ сарты, или таджики — осѣдлое населеніе Туркестанской Области.

Преданіе говоритъ, что сарты происходятъ отъ джугуттовъ (ев-

реевъ), персовъ и какого-то народа *могъ*, который совсѣмъ исчезъ. Кто хоть немного знакомъ съ сартами, тотъ уже готовъ повѣрить, что они дѣйствительно происходятъ отъ евреевъ. По страшной алчности къ деньгамъ, по скупости, они превзойдутъ и евреевъ. По своимъ манерамъ, по тону разговора, по трусости, по мелочности интересовъ, и полному отсутствію политическаго такта—они совершенные евреи. Они не пойдутъ за рублемъ въ будущемъ, а ухватятся за копейку въ настоящемъ. Это проглядываетъ у нихъ, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ быту. Они боятся всякой новизны, держатся старины, старинныхъ преданій, и замкнуты въ сферѣ обычая и образа жизни, освященныхъ ихъ закономъ. Они не увлекутся никакимъ умственнымъ движеніемъ другого племени, другого народа, и не пойдутъ рядомъ ни съ кѣмъ. Оттого-то сарты весьма живучее племя, какъ и евреи: въ судьбѣ ихъ большое сходство. Древняя исторія ихъ намъ неизвѣстна; но начиная съ наплыва чингисовой орды, они почти постоянно находились въ чужихъ рукахъ: ими управляли попеременно узбеки, кипчаки и каракиргизы и киргизы. Сами они чрезвычайно рѣдко забирали въ свои руки власть, и то ненадолго. Они не могли долго держаться потому, что рѣшительно не имѣютъ политическаго такта; они мелкіе торгаши; у нихъ все основывается на деньгахъ. Древность племени сартовъ достоверно неизвѣстна; по крайней мѣрѣ сами сарты ничего объ ней не знаютъ. Весьма вѣроятно, что сарты — аборигены края, что они смѣшались съ пришельцами евреями и, такъ-сказать, поглотили ихъ въ себѣ; потому что въ типѣ сартовъ есть много чертъ, схожихъ съ еврейскими.

Намъ приводилось слышать, что сарты и таджики составляютъ не одно и то же племя, а два отдѣльные племени. Основаніемъ этого мнѣнія служитъ то, что осѣдлое задарьинское населеніе, то-есть, живущее по южную или лѣвую сторону Сыр-Дарьи: въ Ходжентѣ, Уратюпѣ, Джузакѣ, Самаркандѣ и Бухарѣ и т. д., говоритъ персидскимъ языкомъ съ небольшими измѣненіями и небольшою примѣсью татарскихъ словъ; это населеніе суть таджики. Населеніе же по правую, сѣверную сторону Сыр-Дарьи, ташкентцы, говорятъ своимъ особымъ языкомъ, смѣсью тюркского и персидскаго, въ которомъ сильно преобладаетъ элементъ тюркскій, такъ что ташкенецъ не понимаетъ ходжентца и бухарца.

Все это совершенно вѣрно, но намъ кажется, не можетъ служить основаніемъ тому, что сарты и таджики не одно и то же племя, что ташкентцы суть сарты, а ходжентцы, уратюпинцы, бухарцы и т. д.—таджики. Ташкентцы въ древности, вѣроятно, говорили персидскимъ языкомъ; но послѣ наплыва чингисовыхъ ордъ, подпа-

ши подъ власть кочевниковъ, они подчинились ихъ вліянію, и тюркскій языкъ мало по малу получилъ гражданство въ Ташкентѣ, а затѣмъ и господство, смѣшался съ персидскимъ и болѣе чѣмъ на половину вытѣснилъ его. Но такъ-какъ Ташкентъ самъ громадный городъ, имѣющій болѣе 100 т. жителей, и такъ-какъ вокругъ его сгруппировалось довольно густое сартское населеніе, то онъ и не вполне подчинился вліянію киргизовъ, напротивъ, Чимкентскій и Туркестанскій округа, какъ рѣдко населенные, особенно города: Аулиеата, Чулакъ-Курганъ, Сузакъ, какъ совершенно отдѣльные населенные пункты въ степи, совершенно подчинились вліянію киргизовъ и говорятъ ихъ языкомъ. Въ нарѣчій ташкентцевъ, кромѣ значительной примѣси къ тюркскому языку персидскихъ словъ, образовались свои идиотизмы и особенности, такъ что киргизъ съ трудомъ понимаетъ сарта, говорящаго чисто поташкентски; по лѣвую же сторону Сыр-Дарьи: въ Ходжентѣ, Уратюпе и Джузакѣ и т. д., гдѣ сильно преобладаетъ осѣдлое населеніе, оно успѣло не только сохранить свой языкъ, но даже въ свою очередь подчинило своему вліянію кочевниковъ, окружающихъ его.

Кромѣ того, ташкентцы, ходжентцы, уратюпинцы и вообще всѣ сарты или таджики, по обѣ стороны Дарьи, совершенно походятъ другъ на друга какъ по типу лица, такъ и по характеру и по образу жизни.

Поэтому намъ кажется, что осѣдлое населеніе по обѣ стороны Сыр-Дарьи состоитъ изъ одного и того же племени сартовъ, или таджиковъ. Къ нимъ же относятся и каратигены, живущіе въ горахъ Болорскихъ, на востокъ отъ *Карши* и *Шахризбъ*. По изолированности ихъ и отдѣленности отъ всѣхъ, языкъ ихъ, говорятъ, сильно измѣнился; но тѣмъ не менѣе корень языка чисто персидскій.

Численность осѣдлаго населенія въ древнія времена, по всей вѣроятности, была значительно больше настоящей. Большіе, заброшенные и высохшіе арры (ирригаціонныя каналы), развалины башенъ, крѣпостей, валяющіеся по мѣстамъ въ степи куски жженого кирпича, указываютъ населенные пункты древнихъ временъ. Извѣстно, что по Сыр-Дарьѣ было довольно густое осѣдлое населеніе; развалины говорятъ о большихъ городахъ и даже о цвѣтущемъ состояніи ихъ и, сравнительно, высокой цивилизаціи жителей. Преданіе народное говоритъ, что до пришествія сюда кочевыхъ ордъ, берега Сыр-Дарьи, особенно правый берегъ, такъ густо были заселены, что кошки по крышамъ домовъ могли пробраться отъ Ходжента до Аральскаго моря, болѣе 1,000 верстъ! Преданіе это, цѣлыя столѣтія перехода изъ устъ въ уста туземцевъ, дошло до настоящаго поколѣнія въ страшно преувеличенномъ размѣрѣ, такъ

что приняло характеръ сказки; но нельзя отказать ему въ характерѣ дѣйствительности, быліны, нельзя не принять его за историческое доказательство, что населеніе по Сыр-Дарьѣ въ древности дѣйствительно было густое; иначе откуда бы взялось это преданіе. И, можетъ быть, это время относится къ неслишкомъ далекой древности.

Куда дѣвалось это населеніе по Сыр-Дарьѣ—преданіе молчитъ. Мы не знаемъ, кто уничтожилъ это населеніе, или отогналъ его, разоривъ и разрушивъ города и селенія. Орда ли сильная проходила по Сыр-Дарьѣ съ огнемъ и мечомъ, такъ что оставила только развалины, слѣды осѣдлой жизни? Или набѣги хищныхъ кочевниковъ съ Аму-Дарьи, или озера Балхаша, опустошили кипѣвшіе жизнью берега Сыр-Дарьи — неизвѣстно. Мы видимъ только, что съ самаго устья рѣки до города Ходжента не сохранилось ни одного селенія, ни одного города древности: они всѣ погибли отъ огня и меча скитавшихся, или проходившихъ ордъ дикарей. Нѣтъ сомнѣнія, что эти орды и ихъ хищнические набѣги касались и верховьевъ Сыр-Дарьи, проникали и за Ходжентъ въ Коканъ; но щели и громадные ущелія громадныхъ снѣговыхъ горъ спасали ихъ отъ дикихъ ордъ и хищниковъ, если не всегда и не вполне, то настолько, что это населеніе и теперь живетъ и процвѣтаетъ. Напротивъ, открытая степь, окружающая нижнее теченіе Сыр-Дарьи, не давала средствъ къ спасенію. Отъ хищныхъ дикарей скрыться было нѣгдѣ: кругомъ на сотни верстъ все открыто и доступно, а кочевникъ въ степи—у себя дома: здѣсь онъ и смѣлъ, и силенъ, и неутомимъ, и здѣсь бороться съ нимъ трудно, если только возможно при одинаковомъ вооруженіи.

Весьма вѣроятно, что той же участи, какъ города и селенія нижне-дарьинскіе, подвергся и Ташкентъ, который прежде стоялъ на 40 верстъ ниже по Чирчику отъ настоящаго Ташкента, или на 40 верстъ ближе къ Дарьѣ и въ 20 верстахъ отъ нея. Небольшія развалины видны и теперь. Это мѣсто называется *Иске-Ташкентъ* (старый Ташкентъ). Но рѣка Чирчикъ и за тѣмъ горы спасли, если не всѣхъ, то часть старыхъ ташкентцевъ отъ наплыва дикарей, и они выше по Чирчику на 40 верстъ построили новый Ташкентъ, который скоро разросся въ громадный городъ, потому что нѣсколько огромныхъ и величественныхъ медресе и такихъ же мечетей арабской архитектуры, построенныхъ внутри города и версты на три одна отъ другой, лѣтъ за 400 тому назадъ, свидѣтельствуютъ, что и тогда, за 400 лѣтъ, Ташкентъ былъ уже большой и важный городъ. Но старый Ташкентъ не игралъ тогда важной роли нынѣшняго Ташкента — столицы Средней Азіи по правую сторону Сыр-Дарьи. Эта роль принадлежала *Саръ-яму*,

или нынѣшнему Сайраму, котораго постигла та же участь, но только много послѣ Ташкента, около 500 лѣтъ тому назадъ. Это былъ громадный городъ, превосходившій всѣ современные ему города Средней Азіи. Преданіе указываетъ громадную площадь, которую онъ занималъ; указываетъ, гдѣ и какія были ворота, гдѣ и какіе были базары. Конный базаръ былъ въ южномъ концѣ города, у конныхъ воротъ, подлѣ горы *Казыкурта*, на правомъ берегу рѣки *Бадама*; верблюжий—около нынѣшняго города Манкента, въ сѣверномъ концѣ города, въ 20 верстахъ отъ южнаго; бараний—на западномъ концѣ города, ниже Чимкента, около Бюрджара. Восточный конецъ города былъ въ нынѣшнемъ карамуртѣ, въ 25-ти верстахъ отъ западнаго. Въ городѣ было болѣе 100 т. домовъ. Ему подчинялись всѣ города по правую сторону Сыр-Дарьи; говорятъ, отъ этого онъ и получилъ названіе *Саръ-ямъ*, то-есть—царь городовъ. *Ямъ* означаетъ мѣсто сѣздовъ, сходовъ, сборный пунктъ, огороженное мѣсто; *саръ*—голова, царь. Дѣдъ Азрет-султана, пришедшій съ арабами, взялъ и разорилъ Саръ-ямъ. Вскорѣ послѣ него пришелъ Гуляку съ калмаками (калмыками), окончательно разорилъ его и увелъ 40,000 семействъ въ Кашгаръ, слѣдовательно до 200,000 душъ обоюго пола. Изъ остатковъ его образовался Джеттыкентъ (семь городковъ около Чимкента)*, и часть жителей Саръ-яма, спасшаяся бѣгствомъ въ горы отъ погрома *Гуляку*, перешла потомъ въ Ташкентъ. Затѣмъ послѣдовало нашествіе чингисовыхъ ордъ во время Азрет-султана, жившаго въ нынѣшнемъ Туркестанѣ**.

Когда изъ скитальческаго состоянія киргизы перешли въ кочевой бытъ, часть Большой Орды, кипчаки и каракиргизы заняли все верхнее и среднее теченіе Сыр-Дарьи съ истоковъ Нарына до мѣстъ, занимаемыхъ нынѣ Малой Ордой. Городки и селенія около Ташкента, Чимкента и Туркестана поневолѣ попали въ руки кочевавшихъ между ними и вокругъ ихъ киргизовъ Большой Орды. Сарты, народъ торговый и земледѣльческій, невоинственный и даже трусливый, конечно, не могли бороться съ вольными жителями степи, съ дикими наѣздниками, которыхъ вся сила и достоинство заключались въ наѣздничество и удалство. Въ степи киргизы чувствовали себя дома и смѣло погуливали по ней. Напротивъ, сарты, видѣя города, или селенія, даже въ виду его, боялись и трепетали степныхъ дикарей и чувствовали себя въ полной зависимости отъ

* Смотри «Отеч. Зап.», № 8-й. Чимкентскій Округъ.

** По здѣшнему преданію Азрет-султанъ, когда встрѣтился съ Чингисханомъ, сказалъ ему: «Куда много рѣкъ вливаютъ свои воды, тѣ называется *Тенисъ* (море). Кто много беретъ городовъ, тотъ будетъ *чингисъ*».

нихъ: окруженные со всѣхъ сторонъ кочевками киргизовъ, они не могли противиться имъ и подпали подъ ихъ власть. Такъ во главѣ управленія Ташкента, еще 60 лѣтъ тому назадъ, стояли киргизскіе бѣи: имъ управляли одинъ послѣ другого: бѣи Тюле—джангисовскаго рода; бѣи Джаулюбай—чемыровскаго рода и бѣи Кошгульдэ (должно быть, Хошкельды)—того же рода.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія одинъ богатый и вліятельный сартъ ташкентскій Юнус-Ходжа подговорилъ жителей Ташкента освободиться отъ киргизовъ и прогнать ихъ: собралъ небольшой отрядъ, по тогдашнему, хорошо вооруженныхъ сартовъ и прогналъ киргизовъ, кочевавшихъ около Ташкента и бывшихъ въ немъ самомъ, и многихъ перехваталъ и перерѣзалъ. Вскорѣ киргизы собрались у Ташкента отмстить сартамъ за смерть ихъ родичей; но Юнус-Ходжа стройною массою бросился на нихъ и разбилъ авангардъ—и главныя силы разбѣжались. Всѣхъ плѣнныхъ онъ повѣсилъ на городскихъ стѣнахъ; затѣмъ отрубилъ имъ головы, которыя посадилъ на длинные шесты на городской стѣнѣ. Это нагнало такой страхъ на киргизовъ, что они всѣ, кочевавшіе около Ташкента, Джеттыкента и Туркестана, или подчинились сартамъ, или откочевали къ рѣкамъ Таласу и Чу, и въ горы. Затѣмъ вскорѣ Ташкентъ подпалъ подъ власть коканскаго хана Амурада, сына хана *Али* и отца хана Мухамед-дале, во время котораго Коканское Ханство находилось въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: на югъ онъ раздвинулъ предѣлы ханства до Джузала, на западъ за Туркестанъ; на сѣверъ подчинилъ себѣ всѣхъ каракиргизовъ, распространилъ свою власть до озера Балхаша и рѣки Или; на востокъ имѣлъ сильное вліяніе на Кашгаръ. Затѣмъ раздоры въ самомъ правительствѣ, безпорядки внутри ханства разстроили его дѣла, а быстро усиливавшееся могущество Бухары при эмирѣ Насрулла сильно ослабило его. Киргизы снова стали хозяйничать въ степи. Въ Коканѣ царствовали не ханы, а различныя партіи, смѣняя одна другую, смотря по тому, которой болѣе благопріятствовали обстоятельства и которая оказывалась сильнѣе въ данную минуту: то партія кипчаковъ брала верхъ, то каракиргизовъ, то сартовъ. Такъ-какъ партія кипчаковъ была сильнѣе остальныхъ, то она больше другихъ и господствовала. Но партіи эти руководились не только племенными интересами, но и личными интересами людей сильныхъ и вліятельныхъ, такъ что иногда кипчаки раздѣлялись на двѣ партіи и подкапывались одна подъ другую и даже открыто боролись изъ-за личности хана или его эмира-лейшера (первый министръ), а иногда къ той или другой партіи присоединялись сарты и каракиргизы. Изъ предводителей этихъ партій выходили иногда люди смѣлые, рѣши-

тельные, сильные, умные и великіе для Средней Азии, какъ кипчакъ *Мусульман-Куль*, сартъ *Нур-Магометъ*, каратигенъ *Канатъ*, и особенно соперникъ генерала Черняева, каракиргизъ мулла *Амикулъ*, подобнаго которому Средняя Азия давно не видала и который забралъ бы всю ее въ руки и явился бы во главѣ ея сильнымъ и опаснымъ нашимъ сосѣдомъ, еслибы наше правительство въ время не послало своего батыря, блистательнымъ и геройскимъ взятіемъ Ташкента окончательно сломившаго Коканское Ханство. Смуты эти въ Коканѣ продолжались почти до нашего прихода. Ташкентъ то принималъ сторону одной изъ ратующихъ партій, то совсѣмъ отлагался отъ Кокана, боролся съ нимъ, не преклонялъ головы предъ его 40 т. войскомъ подъ начальствомъ энергичнаго Мусульман-Кула, то снова подчинялся, и вообще игралъ въ Коканскомъ Ханствѣ важную роль. Починъ въ политической дѣятельности Ташкента принадлежалъ иногда ему самому, иногда личности кушбеги* или парманачи ташкентскаго (губернатора). Киргизы пользовались смутами Кокана и продолжали хозяйничать въ степи; повременамъ они держали въ тревогѣ и почти осадѣ сартовскіе городки и селенія, повременамъ открыто враждовали съ коканскими или ташкентскими гарнизонами крѣпостей; грабили караваны, барантовали, чебарили** другъ друга, такъ что власть надъ ними коканскаго правительства, большею частію, скорѣе была номинальная, чѣмъ фактическая. До нашего прихода нѣкоторые города и селенія были въ вѣдѣніи киргизскихъ биевъ, напри- мѣръ, Карабулакъ принадлежалъ старшему бію рода Сейкимъ, *Батырь-беку*, Манкентъ—бію рода Чемыръ *Тюртпаю*, Ауліеата—тотъ же рода бію *Байзаку*, Сузтанрабатъ и Джанганлыкъ—бію рода Джансы *Момынбеку*, и проч.

Положимъ, что города эти управлялись сами, что вѣдѣніе биевъ было номинальное и они состояли, такъ-сказать, подъ ихъ покровительствомъ, тѣмъ не менѣе это покровительство выражаетъ нѣкоторую зависимость сартовъ отъ киргизскихъ старшинъ. Зависимость городковъ отъ биевъ выражалась тѣмъ, что когда пріѣзжалъ такой патрочъ въ свой городъ, ему дарились двѣ-три лошади и нѣсколько халатовъ, и онъ торжественно угощался. Такого рода покровительство было вызвано обстоятельствами. Въ Коканскомъ Ханствѣ никогда не было строгаго общаго управления и прочнаго порядка; коканскіе ханы всегда были такъ слабы, что

* Кушбеги — командующій войсками, корпусный командиръ.

** *Барантой* называется угонъ чужого скота даже съ принятіемъ насильственныхъ мѣръ. *Чебаръ*—значить грабежъ въ полномъ смыслѣ. *Чебарить*—напасть на аулы или селенія и разорить ихъ: увести и унести все, что можно, не исключая жонъ и дѣтей.

не могли управлять самостоятельно отдаленными частями ханства: ханская воля не имѣла большаго значенія въ этихъ частяхъ. Вся сила была въ рукахъ бековъ (военскихъ начальниковъ округовъ и комендантовъ крѣпостей). Но военскіе начальники въ дѣлахъ управленія соображались не столько съ волей и желаніями хана, сколько съ мѣстными обстоятельствами и своими совершенно личными интересами. Коканское правительство не имѣло никакихъ нравственныхъ, религіозныхъ и политическихъ началъ, или данныхъ, въ силу которыхъ воля, желанія и требованія его были бы обязательны для киргизовъ, въ силу которыхъ киргизы вѣрили бы и потому уважали бы эти требованія, эту волю высшаго начальства. Для отпращиванія своихъ дѣйствій правительство могло опереться только на военную силу. Но ни одинъ бекъ не имѣлъ на столько военной силы, чтобъ держать въ страхѣ и повиновеніи себѣ киргизовъ. Выпадало такое счастливое время для нѣкоторыхъ бековъ, но оно было самое непродолжительное и по большей части относительно однихъ киргизовъ—въ зимнее время, когда они стояли на зимовкахъ между селеніями; относительно другихъ, когда они были въ раздорѣ между собой и одни изъ нихъ добровольно просили коканскаго вмѣшательства, чтобъ одолѣть противную сторону. Но это случалось не часто, и вообще говоря, киргизы хозяйничали въ степи. Бекъ, легко управляясь съ сартами, не могъ, какъ мы сказали, справляться съ киргизами: управлять ими онъ могъ только чрезъ ихъ биевъ, и преимущественно чрезъ старшихъ биевъ родовъ. Вотъ въ комъ была вся сила; естественно, что бекъ не желалъ ссориться съ ними. Съ другой стороны, ладить съ біями было выгодно беку въ матеріальномъ отношеніи: сарты народъ скупой до скряжничества, за каждую копейку готовый закричать караулъ; а напротивъ, отъ киргизовъ и биевъ бекъ можетъ разсчитывать на щедрія приношенія. Ясно, что старшій и вліятельный біи большого рода киргизовъ былъ лицо весьма важное, имѣлъ большое значеніе. Городки и селенія, необезпеченные бекомъ въ спокойствіи и порядкѣ края, само собой должны были выносить покровительство биевъ, а можетъ быть, и дорожить имъ. Иначе окруженные кочующими киргизами, они не могли бы воздѣлывать своихъ полей, должны были бы сидѣть почти взаперти. Покровительство старшаго біи тѣхъ киргизовъ, которые ихъ окружаютъ, гарантировало ихъ болѣе, чѣмъ коканскій бекъ. Подарки городовъ патронамъ своимъ можно принять въ одинаковомъ значеніи съ подарками отъ каравановъ родо-правителямъ дикихъ ордъ, или начальникамъ шаякъ, расположившихся въ степи, или горахъ, по пути каравана, за спокойный и безопасный переходъ чрезъ извѣстныя мѣста: значить, подарки біямъ можно принять въ смыслѣ выкупа за спокойное и безопас-

ное воздѣлываніе ими (сартами) своихъ полей, бакчей, садовъ и огородовъ. Предъ нашимъ приходомъ, эта подать патрону держалась уже не какъ положительная необходимость, а какъ установившійся обычай, не совѣтъ еще потерявшій свое значеніе.

И въ верховьяхъ Сыр-Дарьи сарты, несмотря на свою многочисленность въ сравненіи съ кочевниками, играли слишкомъ пассивную роль въ политической жизни Кокана.

Когда всматриваешься въ прошедшее края по тѣмъ скуднымъ свѣдѣніямъ, какія мы имѣемъ, становится странно и непонятно, какимъ образомъ сарты не успѣли и не умѣли не только подчинить себѣ полудикія орды илотовъ, но даже приобрести себѣ политическую самостоятельность среди нихъ. Они—аборигены края и, въ которыхъ образомъ, хозяева его, цѣлое тысячелѣтіе живутъ въ немъ, а можетъ быть, даже и не одно. У нихъ прочно установился строй общественнаго управленія, строго опредѣлилась общественная жизнь, общественныя отношенія; сложился семейный бытъ, развилась своя цивилизація, свое образованіе, какое только допускаетъ средне-азиатское мусульманство; распространилась грамотность, такъ что учащихся доходитъ до 70% на все населеніе. Они безусловно интеллигенція края: вся торговля, и торговля довольно обширная, вся ремесленность и отчасти земледѣліе—все у нихъ въ рукахъ, такъ что окружающіе ихъ кочевники должны бы были вполнѣ въ зависимости отъ нихъ: платье, обувь, вооруженіе, ножи, лопаты, топоры, таганы, котлы, чайники, все получаютъ кочевники отъ сартовъ; у нихъ они учатся грамотѣ и догматамъ религіи. А между тѣмъ, странное дѣло! хозяйничаютъ въ краѣ, по большей части, кочевники: сарты не только не подчинили ихъ себѣ въ политическомъ отношеніи, но даже сами подчинились имъ. Тѣмъ болѣе это странно, что численность преобладаетъ на сартовъ сартовъ. Около Кокана, Намангана, Марглана и Анджана сгруппировалось до 400,000 душъ обоюго пола, тогда какъ всѣхъ кочевниковъ долины Нарына и его притоковъ будетъ не болѣе 200,000. Почти то же самое слѣдуетъ сказать и о Бухарѣ: тамъ господствуютъ узбеки, рода *Мангыт*, а не сарты, которыхъ численность несравненно болѣе всѣхъ узбековъ, и въ рукахъ которыхъ все богатство края и образованность: только одни духовныя лица изъ сартовъ, какъ и въ Коканѣ. Мы не говоримъ, чтобы сарты совершенно подчинились узбекамъ, или кипчакамъ, или вообще кочевникамъ, или, чтобы они не имѣли вліянія на ходъ государственнаго управленія и никакого значенія въ этомъ управленіи; но мы говоримъ, что они не имѣютъ того значенія, какое должны были бы имѣть по своему положенію: общественное ихъ управленіе находится у нихъ въ рукахъ, но государственное рѣдко пона-

даетъ къ нимъ въ руки, и случается, что они никакой роли въ немъ не играютъ, а въ большинствѣ случаевъ уступаютъ первенство кипчакамъ до такой степени, что всѣ кущбеги или командующіе войсками и коменданты важныхъ крѣпостей были изъ кипчаковъ и каракиргизовъ. Мало того, ни въ Бухарѣ, ни въ Коканѣ, ни въ Ташкентѣ, не было ни одного хана изъ сартовъ. Всѣ ханы происходили изъ узбековъ, или кипчаковъ. Но когда всмотришься въ сартовъ, взглядишься въ нихъ, въ ихъ характеръ, въ ихъ бытъ, тогда становится уже не странно, а естественна эта пассивная роль сартовъ въ политической жизни Кокана. Сарты—народъ скупой до скряжничества, алчный къ деньгамъ, трусливый, мелочной, лишенный духа предприимчивости, наконецъ, онъ боится всякой новизны, держится старинныхъ преданій и замкнуть въ сферѣ обычаевъ и образа жизни, издавна укоренившихся, освященныхъ ихъ религіей. Такой народъ, или такое племя и не можетъ имѣть самостоятельной политической жизни. Его жизнь, какъ мы уже сказали, прочно установилась; твердо опредѣлились отношенія какъ въ семьѣ, такъ и въ обществѣ; сложился взглядъ на жизнь общества и семьи, такъ что далѣе идти народъ этотъ не можетъ: нуженъ сильный толчокъ, сильное вліяніе, чтобы расшатать, раздвинуть, или ослабить этотъ остоу, эту рамку общественной жизни, навязанную и скрѣпленную религіей. Мусульманская религія охватываетъ весь бытъ сартовъ какъ внѣшній, такъ и внутренній; притомъ полнѣе и заботливѣе, чѣмъ въ самыхъ строгихъ нашихъ монастыряхъ. Направляя въ общемъ, она проникаетъ во всѣ детали, во всѣ мелочи какъ общественной, такъ и частной и семейной жизни. Она заботливо предусматриваетъ различные и самые мелочные случаи, обстоятельства и положенія общественной и семейной жизни и строго опредѣляетъ: когда и какъ долженъ поступать правовѣрный, что долженъ дѣлать въ различные времена и часы дня и ночи; обстановила весь бытъ обрядностью и требуетъ безусловнаго и безпрекословнаго выполненія своихъ требованій и полицейски слѣдитъ за ихъ исполненіемъ, такъ что охватила умъ мусульманина непроницаемой пеленой обрядности, вѣрованій и представленій, за которую проникать мусульманинъ не долженъ и не можетъ, не пошатнувши въ глазахъ своихъ самыя основанія своей религіи, непогрѣшимость корана и его толкованій. Правовѣрный долженъ мыслить такъ, какъ повелѣваетъ его законъ; вслѣдствіе этого въ Средней Азіи у сартовъ развито страшное ханжество, и они ввали въ умственный застой, замкнулись въ сферѣ указанныхъ имъ вѣрованій, представленій и обрядности, и такъ крѣпко заснули подъ этой религіозной пеленой, что ихъ могутъ разбудить только колокольный звонъ при громѣ пушекъ, или

свистъ локомотива:—къ остальному отъ міра сего они будутъ глухи и нѣмы.

Если при этомъ мы обратимъ вниманіе на характеръ сартовъ, выработавшійся ихъ тысячелѣтней жизнью подъ климатическими и историческими условіями, подъ подавляющимъ вліяніемъ религіи, намъ понятно будетъ, и безъ полнаго знакомства съ ихъ исторіей, почему сарты не могли пріобрѣсти себѣ самостоятельной политической жизни. Корень и основаніе общественной жизни и общественной дѣятельности, или даже государственной и политической жизни народа, заключается въ семьѣ. Прочна семья, прочно и общество, прочно и государство. Гдѣ слаба семейная связь, семейныя узы, тамъ слабы и общественныя и государственныя узы. У сартовъ нѣтъ семейныхъ добродѣтелей, слишкомъ слаба семья. Страшный развратъ разорвалъ, или по крайней-мѣрѣ, ослабилъ семейныя узы: съ пятнадцати лѣтъ сартъ уже почти чуждъ своей семьи. Оттого у нихъ нѣтъ привязанности къ дому, къ мѣсту; нѣтъ ни любви къ родинѣ и отечеству, ни гордости, ни чести народной, да на ихъ языкѣ нѣтъ и словъ: *родина* и *отечество*. Любовь къ родинѣ, тоска по родинѣ, борьба за отечество, служба отечеству — для нихъ все это непонятно. Они знаютъ и преслѣдуютъ свой собственный, личный интересъ, а до другихъ, до общаго — имъ и дѣла нѣтъ. У нихъ нѣтъ и не бывало единого, стройнаго цѣльнаго общества, которое бы дружно преслѣдовало задуманную цѣль: они слишкомъ мелочны для этого и тщеславны; потому сартъ никогда не подчинитъ вполнѣ свою личность общимъ интересамъ. Оттого у нихъ вѣчныя партіи, раздоры, несогласія, хуже чѣмъ у киргизовъ. Каждый богатый сартъ имѣетъ свою партію, своихъ приверженцевъ, большею частью родственниковъ, и затѣмъ бѣдняковъ, которымъ онъ даетъ работу и которымъ протезируетъ. Онъ будетъ стараться побѣдить, пересилить другого богача сарта, а не соединится съ нимъ душа въ душу для общаго единого дѣла. Когда одна партія брала сильное преимущество предъ другими, тогда она забирала всѣхъ въ руки и руководила всѣми, пока сама, въ свою очередь, не подпала подъ власть другой. Прибавивъ къ этому сильное скряжничество, трусливость и необыкновенную мелочность сартовъ, намъ кажется, можно сказать, что они не могли быть господствующимъ племенемъ среди кочевниковъ, у которыхъ сильна родовая связь, сильна привязанность къ роду, и сильно развита родовая гордость, родовое самолюбіе. Но объ нихъ мы будемъ говорить послѣ, а теперь скажемъ вкратцѣ объ общественномъ управленіи сартовъ.

У нихъ съиссони, съ незапамятныхъ временъ, установилась форма общественнаго управленія. Форма эта обща всей Средней

Азіи, и совершенно однообразна. Освященная вѣками, она получила силу обычая, силу закона, и измѣненіе ея сразу было бы принято туземцами, какъ посягательство на ихъ обычай, на ихъ народность.

Во главѣ города стоялъ казы, за нимъ — саркерь*, аксакалы, рансъ и курбаши. Всѣ эти должности не находились почти ни въ какомъ подчиненіи одна другой; онѣ подчинялись прямо беку.

1) Казы, какъ высшее духовное лицо, судья, менѣе другихъ былъ подчиненъ беку, и если онъ былъ ловокъ и уменъ, то могъ стать и вполнѣ самостоятельнымъ, и даже сдерживать произволъ самого бека, если только бекъ — набожный мусульманинъ; ибо на сторонѣ казы былъ положительный религіозный законъ — шеріатъ, и казы-калянъ ташкентскій, стоящій во главѣ духовенства всего бывшаго Ташкентскаго Ханства — лицо важное, сильное вліяніемъ на народъ, бороться съ которымъ не всякому беку придется подъ силу. Но такъ могъ поставить себя только человекъ хитрый, ловкій и умный и хорошо знающій шеріатъ, чтобы при всякомъ случаѣ подставлять его въ основаніе своихъ дѣйствій. Большею же частью казы были смиренны и послушны предъ бекомъ, ибо этого требовала обща ихъ выгода.

Такъ-какъ правленіе во всей Средней Азіи деспотическо-еократическое, и такъ-какъ у мусульманъ Средней Азіи нѣтъ закона государственнаго, гражданскаго, а законъ ихъ — законъ не человѣческій, божескій, непогрѣшимый, который охватываетъ всю жизнь мусульманина, и общественную, и частную, имѣетъ доступъ въ священныя тайны семьи, подчинилъ себѣ умъ и сердце мусульманина, и полицейски наблюдаетъ и слѣдитъ за нимъ, то, естественно, казы, какъ представитель и блюститель этого закона, имѣетъ самую широкую власть, можетъ вмѣшиваться во все, и отъ всѣхъ и каждаго требовать отчета и отвѣтственности. На дѣлѣ, однако, этого не было, или было весьма рѣдко; ибо произволъ мірскихъ властей не давалъ имъ простора вполнѣ дѣйствовать по шеріату, да кромѣ того, для такой громадной дѣятельности нужна недюжинная личность; требуется сила воли, характеръ, знаніе шеріата и, по крайней-мѣрѣ, природный здравый смыслъ; а у народа лѣниваго, празднаго, сладострастнаго, мелкаго по своимъ интересамъ, рѣдки недюжинныя личности. Тѣмъ не менѣе казы играли сравнительно значительную роль и были болѣе самостоятельны, чѣмъ другія должностныя лица въ общественномъ управленіи. Но рѣдкій изъ нихъ пользовался большою популярностью: ибо они не судили въ строгомъ смыслѣ слова, а

* Саркерь—должность отъ правительства.

только разбирали дѣла и подводили ихъ подъ статьи шеріата. Шеріатъ самъ судить, правъ или виноватъ правовѣрный въ данномъ дѣлѣ, и самъ опредѣляетъ наказаніе. Казы — это казуисты, само собой не безъ вліянія на дѣло; но вліяніе это слишкомъ слабо, ибо много найдется сартовъ, которые знаютъ шеріатъ не хуже казы, а судъ-то производится гласно, при открытыхъ дверяхъ: сфальшивить трудно. За то, какъ представители и блюстители закона, они пользовались и пользуются огромнымъ почетомъ.

2) Саркеръ обязанъ былъ собирать хираджъ и тананпые сборы (сборы съ садовъ, огородовъ, съ клеверу, винограду, багчей и пр.) и вѣдать дѣла по земледѣлію вообще и по ирригаціи полей въ особенности, то-есть: имѣть надзоръ за чистотою и исправностію арыковъ (ирригаціонныхъ канавъ), разбирать споры, жалобы и тяжбы по хлѣбопашеству, особенно же по пользованію арыками.

Саркеръ — лицо весьма важное, ибо на его попечительство, въ его вѣдѣніи состоитъ все земледѣліе: и хлѣбопашество, и огородничество, и садоводство. На это мѣсто назначались беками люди самые преданные имъ, самые расторопные и толковые, ибо хираджъ — главнѣйшая статья дохода казны, и притомъ статья, предоставленная въ распоряженіе беку съ обязательствомъ содержать гарнизонъ и выставлять на случай войны возможно бѣльшій контингентъ войска. Кромѣ того, что это мѣсто важное, почетное, оно еще весьма доходное. Каждый саркеръ навѣрно можетъ рассчитывать въ годъ получить отъ 10 до 15 т. дохода. Онъ получалъ кепсенъ (сборъ хлѣба) съ важдога коша по два пуда (съ десятины около $\frac{2}{3}$ пуда). Это — законное вознагражденіе. Затѣмъ онъ пользовался добровольнымъ приношеніемъ отъ жителей, чтобы не показывать всей обрабатываемой ими земли въ хираджныхъ спискахъ; за разборъ споровъ, жалобъ и тяжбныхъ дѣлъ получалъ вознагражденіе по обычаю, нерѣдко бралъ и взятку. Наконецъ, и самое главное, обманывалъ бека, показывая ему не всю землю, дѣйствительно обложенную хираджемъ, то-есть кралъ отъ него, самое меньшее, на $\frac{1}{10}$ часть собираемаго хираджа, услуживъ въ то же время и жителямъ, такъ-какъ показывалъ далеко не всю обрабатываемую землю, подлежащую взиманію хираджа. Конечно, краденое приходится не ему одному; нужно было, чтобы знающіе объ этомъ не говорили и молчали, то-есть служащіе при немъ дуан-беги и мырзы (писаря).

Въ вѣдѣніи саркера было нѣсколько арычныхъ аксакаловъ (дуан-беги), въ качествѣ его помощниковъ, которые имъ и назначались и смѣнялись. Въ каждомъ городѣ или значительномъ селеніи не менѣе 200 домовъ, онъ имѣлъ своего дуан-беги. При каждомъ дуан-беги полагался мырза (писарь). Всѣ они получали кепсенъ

по 6 чириковъ (1 пудъ) съ коша или $\frac{1}{3}$ пуда съ десятины, и каждый писарь получалъ по 2 чирика съ коша или по 4 фунта съ десятины. Кромѣ этого, они пользовались всѣми способами благопріобрѣтеній, какими располагалъ и саркеръ, съ прибавленіемъ, что и его самого надували.

3) Должность раиса состояла въ томъ: 1) чтобы наблюдать днемъ за порядкомъ и спокойствіемъ на базарѣ; 2) заботиться о приѣмѣ высшихъ властей, посѣщающихъ городъ; 3) сгонять, хотя бы съ палкой въ рукѣ, всѣхъ правовѣрныхъ въ извѣстные часы на молитву въ мечети, и 4) наблюдать за точнымъ и своевременнымъ исполненіемъ правовѣрными всѣхъ требованій религіи. Слѣдовательно, должность эта полуполицейская и полудуховная, или вѣриѣ — духовно-полицейская. Она, нѣкоторымъ образомъ, находилась подъ вліяніемъ и даже въ подчиненіи казы, который могъ распорядиться раисомъ, дѣлать ему порученія, на примѣръ, разслѣдованіе разныхъ дѣлъ, и т. п. Раисы не пользовались популярностью въ народѣ, ибо обязанности ихъ съ насиліемъ и принужденіемъ въ рукахъ не всѣмъ особенно нравились!... У него въ распоряженіи состояло нѣсколько полицейскихъ служителей.

4) Курбаши обязанъ наблюдать за тишиной и спокойствіемъ въ городѣ ночью. Онъ имѣетъ нѣсколько челоѣкъ городской или полицейской стражи; содержитъ караулы у воротъ городскихъ и на базарѣ; дѣлаетъ объѣзды по городу — словомъ, ночью курбаши хозяинъ въ городѣ. Сверхъ того, въ вѣдѣніи его состоятъ всѣ подозрительные, ненадежные люди, дурного поведенія, обонихъ половъ; на примѣръ, въ Ташкентѣ имѣлся у курбаши списокъ женщинамъ легкаго поведенія. Поэтому, съ курбаши знакомятся и заискиваютъ его расположенія всѣ любители погулять, пожуировать, какъ туземцы, такъ и пріѣзжіе купцы. Въ его же вѣдѣніи состоятъ и батчи (мальчишки-плясуны). Весь этотъ веселого и легкаго нрава людъ положительно состоялъ на оброкѣ у курбаши; всѣ вносили ему ежемѣсячную дань и находились въ полномъ ему повиновеніи, являлись по первому призыву и шли, куда приказано. Ослушаться нельзя; иначе онъ вздуетъ при случаѣ нагайкой или представитъ по начальству, а еще хуже къ казы — тутъ ужъ совсѣмъ бѣда! Шеріатъ наказываетъ за эти милыя шуточки смертію, до чего, поправдѣ сказать, чрезвычайно рѣдко доходитъ. Остается жить въ ладу съ курбаши.

5) Аксакаловъ (акъ — сѣдой, бѣлый, сакаль — борода) можетъ быть два, три, четыре и болѣе. Городъ раздѣляется на нѣсколько участковъ; каждый участокъ имѣетъ своего аксакала. На нихъ лежатъ обязанности: наблюдать за порядкомъ и спокойствіемъ въ городѣ, разбирать мелкія дѣла, споры, просьбы и жалобы, свидѣ-

тельствовать акты купли, продажи, вообще приобрѣтенія недвижной собственности предъ казы, наблюдать за чистотой улицъ и городскихъ площадей (хотя на это нигдѣ и почти никакого вниманія не обращалось), наблюдать за исправностью мостовъ, отбывать казенныя повинности по приказанію бека или правительства, напримѣръ, перевозочныя, во время военныхъ дѣйствій или только во время приготовления къ войнѣ, вносить единовременныя подушныя подати, доставлять требуемое отъ города количество лошадей и клеверу, и даже продовольствія для войскъ въ военное время, и другія подходящія обязанности. Предъ правительствомъ они были политическими представителями города.

Въ Ташкентѣ, Уратюпе и Ходжентѣ, кромѣ всѣхъ этихъ должностей, были еще слѣдующія: *казы-калянъ* — старшій казы изъ хаджей. Это — высшая должность по общественному управленію, и самая почетная. Ташкентскій казы-калянъ пользуется огромнымъ почетомъ и уваженіемъ въ народѣ; личность его считается священной. При проѣздѣ его по улицамъ города, всѣ предъ нимъ встаютъ и отдають ему почетъ, прикладывая руки крестомъ на грудь и произнося: *селямъ-алейкумъ*. Въ торжественныхъ случаяхъ онъ ѣдетъ на бѣлой лошади, которую два прислужника ведутъ подъ уздцы. При коканскомъ владычествѣ, казы-калянъ игралъ большую и, довольно часто, политическую роль. Онъ былъ представителемъ народа въ тяжелыя или тревожныя времена Ташкента; онъ былъ защитникъ, ходатай народа предъ парманачи ташкентскимъ, и даже предъ самимъ ханомъ коканскимъ. Безъ его согласія народъ не принималъ того или другого участія въ дѣлахъ политическихъ. Онъ стоялъ во главѣ народа въ борьбѣ Ташкента противъ Кокана, если вчинаніе борьбы принадлежало жителямъ Ташкента. Иногда онъ былъ самымъ главнымъ и сильнымъ помощникомъ парманачи ташкентскому въ борьбѣ его противъ Кокана. Казы-калянъ имѣлъ непосредственныя сношенія какъ съ ханомъ, такъ иногда и съ эмиромъ бухарскимъ. Чтобы дѣйствовать на Ташкентъ, ханъ и эмиръ обращались какъ къ парманачи ташкентскому, такъ и къ казы-каляну.

Несмотря на все то уваженіе и почетъ, какими пользовался казы-калянъ отъ жителей и хана, онъ самъ, своей личностью, находился подъ гнетомъ и произволомъ парманачи ташкентскаго. Отношенія ихъ были большею частью притворны, натянуты и враждебны, и вмѣстѣ съ тѣмъ, они не могли радѣть другъ о другѣ. Парманачи поставленъ отъ хана полновластнымъ господиномъ; казы-калянъ стоитъ во главѣ духовенства и закона, отвергающаго произволъ, и есть прямой защитникъ и ходатай народа. Казы-калянъ могъ секретно жаловаться хану на парманачи, и если прегрѣ-

шенія парманачи были крупны, ханъ могъ пригласить его въ Коканъ на какой-нибудь вымышленный, или дѣйствительный праздникъ (той)*. Открыто казы-калянъ не смѣлъ дѣйствовать противъ парманачи: послѣдній могъ за это посадить его въ яму и даже разстрѣлять и донести хану, что онъ поступилъ такъ съ казы-калянъ потому, что казы-калянъ нарушаетъ шеріатъ, играетъ съ батчами, или что онъ бунтуетъ народъ противъ хана и переписывается съ эмпромъ.

Сверхъ того, въ Ташкентѣ были: казы-аглямъ и казы-оскаръ, и затѣмъ простые четыре казы.

Мирабы назначались отъ правительства. Ихъ обязанность была осматривать и провѣрять количество засѣянной земли и снятаго хлѣба, количество земли подъ огородами, дженушкой*, хлопкомъ и садами, и количество урожая; затѣмъ, вмѣстѣ съ арык-аксагаломъ и особымъ чиновникомъ отъ правительства, они же оцѣнивали и опредѣляли количество слѣдующаго хираджа и гашюра, или тапашаго десятиннаго сбора, внося каждого хозяина въ кнгу, имѣющуюся у нихъ.

Перейдемъ теперь къ суду сартовъ. Сартовскій судъ производится открыто, гласно и скоро, и непременно въ присутствіи муфтія. При разборѣ дѣла должны быть раисъ, курбаши и аксакаль; но при рѣшеніи мелкихъ дѣлъ они могутъ и не быть. По долговымъ и вообще имущественнымъ дѣламъ, истецъ подаетъ казы жалобу на бумагѣ; по мелкимъ дѣламъ и по уголовнымъ, жалоба или просьба заявляется словесно. Просьба должна быть составлена и написана непременно однимъ изъ муфтіевъ, съ отвѣтственностію его за правильность и законность просьбы. Муфтіи за составленіе просьбы получаютъ 20—40 коп. Казы, прочитавши просьбу во всеуслышаніе, спрашиваетъ отвѣтника: что онъ скажетъ на эту жалобу истца. Затѣмъ передопрашиваетъ ихъ, спрашиваетъ свидѣтелей, и если свидѣтели показали согласно и показанія ихъ достаточны для юридическаго доказательства, казы подписываетъ статью шеріата, подъ которую подходитъ дѣло. Здѣсь можетъ

* Когда ханъ хотѣлъ смѣнить парманачи, то, изъ опасенія непослушанія его, прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ: не подавая никакого признака, намека, что онъ имъ недоволенъ, милостивымъ и ласковымъ письмомъ, выставляя его великія заслуги и свою великую благодарность и милость за нихъ, приглашалъ его пріѣхать въ Коканъ на свадьбу дочери, сына, или на праздникъ какой нибудь; иначе парманачи отлагался отъ Кокана и передавался Бухарѣ, или только боролся съ нимъ, укрѣплялъ Ташкентъ, или собиралъ войско и шелъ на встрѣчу ханскому войску, или же, если недовольнъ своему гарнизону и жителямъ Ташкента не желали драться и ссориться съ Коканомъ, убѣгалъ въ Бухару.

* Дженушка — кормовая трава въ родѣ клевера: одни говорятъ, что дженушка есть клеверъ; другіе, — что она не настоящій клеверъ.

быть разногласіе между нимъ и муфтіемъ, который, написавши просьбу истцу, какъ-бы невольно держать его сторону: муфтіи можетъ предложить другую статью, къ которой ближе подходитъ дѣло. Присутствующіе тоже принимаютъ участіе (съ шеріатомъ болѣе или менѣе знакомы всѣ грамотные) и могутъ подать голосъ за муфтія, или казы. Казы, конечно, можетъ и не принять мнѣнія присутствующихъ и муфтія, и рѣшить дѣло по своему. Но въ этомъ случаѣ онъ долженъ быть крайне остороженъ, чтобы не подорвать довѣрія народа къ нему, къ его безпристрастію и справедливости.

Если нѣтъ двухъ законныхъ свидѣтелей, или свидѣтели разнорѣчатъ въ своихъ показаніяхъ, дѣло, безъ дальнѣйшаго разбора, передается на очистительную присягу, которою и кончается болѣе важная часть дѣла. Какъ бы дѣло ни было рѣшено, казы за судъ взимаютъ плату съ отвѣтчика или истца, смотря по свойству дѣла. Казы даетъ отъ себя бумагу, въ удостовѣреніе рѣшенія дѣла, прикладываетъ печать, и больше ничего. Если рѣшеніе состоялось при муфтіи, то и онъ прикладываетъ печать, какъ-бы скрѣпляетъ документъ, въ томъ, что статья шеріата, выписанная въ документѣ, на основаніи которой дѣло рѣшено, дѣйствительно то самое повелѣваетъ.

Шеріатъ не допускаетъ, чтобы къ этому документу тяжущіяся стороны прикладывали печати, отчего происходятъ иногда злоупотребленія: случалось, что подобные документы, какъ равно и ханскія грамоты (ярлыки) и документы за печатями парманачи, или кушбеки и бековъ, покупались, смотря по важности дѣла, отъ 5—100 р. сер. и болѣе, и предъявлялись чрезъ годъ, или чрезъ два, что дѣло-де было рѣшено такъ-то, а между тѣмъ оно и не рѣшалось, или даже и не разбиралось. Намъ приводилось видѣть при разборѣ дѣла печати одного и того же казы какъ на документѣ истца, такъ и на документѣ отвѣтчика; слѣдовательно, казы признавалъ обоимъ правыми: то-есть, тяжущіяся стороны въ разное время искали предъ казы другъ на друга, и казы, въ отсутствіе одной изъ нихъ, рѣшалъ въ пользу присутствующей. Но такіе злоупотребленія и покупка фальшивыхъ документовъ бывали исключительно въ спорныхъ или тяжёбныхъ дѣлахъ между сартами и киргизами, и притомъ производились сартами и дѣлались въ пользу сартовъ.

Недовольная рѣшеніемъ казы сторона можетъ обратиться, конечно, подъ руководствомъ своего муфтія, къ другому казы, который, разсмотрѣвъ дѣло, но не призывая противной стороны, въ случаѣ несогласія съ рѣшеніемъ перваго казы, даетъ отъ себя бумагу, что дѣло это подходитъ подъ такую-то статью шеріата и должно быть рѣшено такъ-то. Недовольная сторона является съ

этимъ документомъ опять къ первому казы, и если этотъ казы не соглашается съ мнѣніемъ втораго, то документъ послѣдняго не имѣетъ силы. Тогда недовольная сторона можетъ обратиться къ казы-каляну, что, правда, она можетъ сдѣлать и послѣ перваго рѣшенія прямо, не обращаясь къ другому казы. Казы-калянъ, въ присутствіи нѣсколькихъ духовныхъ ученыхъ мударесовъ, аглямовъ и другихъ казы, разбираетъ и рѣшаетъ дѣло. Если же дѣло весьма важное, тогда недовольная рѣшеніемъ казы-каляна сторона можетъ обратиться въ Бухару, въ совѣтъ духовныхъ ученыхъ. Мнѣніе этого совѣта, хотя оно важно, такъ же необязательно для казы-каляна, какъ мнѣніе втораго казы для перваго, какъ выше сказано. Казы-калянъ со своимъ духовнымъ совѣтомъ можетъ не принять его и отказать просителю. И тогда, по сему поводу, затѣвается споръ, переписка между учеными духовными лицами Бухары и Ташкента.

Кромѣ суда по шеріату, сарты судятся по адату, то-есть по обычаю. Но къ адату обращаются только въ важныхъ дѣлахъ и преимущественно уголовныхъ, такъ-какъ адатъ относится къ преступленію мягче и снисходительнѣе шеріата. По адату можно рѣшить только такое дѣло, образецъ котораго нашелся бы въ немъ, то-есть, что *«подходящее къ настоящему дѣлу преступленіе было рѣшено такимъ-то святымъ мужемъ или халифомъ такъ-то: на основаніи этого такой-то сартъ (отвѣтчикъ или подсудимый) приговаривается къ тому-то»*. Поэтому адатъ не есть сводъ статей или постановленій обычнаго права, а такъ-сказать, собраніе разныхъ случаевъ и примѣровъ рѣшеній разныхъ дѣлъ, получившихъ законную силу.

Иногда сарты предпочитаютъ судиться у административныхъ властей, или у самого хана. Для этого достаточно желанія одной тяжущейся стороны. Беки, парманачи, или кушбеги руководствуются въ разборѣ и рѣшеніи дѣлъ болѣе личнымъ мнѣніемъ, чѣмъ шеріатомъ. Точно также и ханъ не всегда справляется съ предписаніями шеріата, а нерѣдко рѣшаетъ дѣло и не вызывая отвѣтчика, по словамъ и представленіямъ одного истца. За то ханскія грамоты и ярлыки бековъ и кушбеговъ не имѣли большаго законнаго значенія, и при первой возможности не исполнялись.

Грамотность между сартами довольно распространена. Мы не имѣемъ статистическихъ данныхъ о числѣ школъ, учителей и учащихся, но можемъ сказать вообще о состояніи грамотности и положеніи школъ. Въ каждомъ селеніи, хотя бы оно было только въ 20 домовъ, непременно есть школа; словомъ, гдѣ есть мечеть, тамъ есть и школа. Въ городкахъ въ 200—400 домовъ по двѣ и по три школы, кромѣ частныхъ домовыхъ. Помѣщеніе для школы устроивается у мечети, то-есть строится одна большая комната съ навѣ-

сомъ при однихъ или двохъ дверяхъ, и только. Школа не требуетъ никакого содержанія: голый земляной полъ и голыя стѣны ничего не требуютъ, кромѣ того, что нужно поправлять зданіе, когда оно устарѣетъ, или строить новое. Это дѣлается на общественный сборъ, или на иждивеніе состоятельныхъ людей.

Учитель, онъ же и имамъ при мечети, пользуется добровольнымъ приношеніемъ учениковъ, или ихъ родителей. Родители платятъ не помѣсячно, а по курсамъ ученія. Учитель получаетъ условную, или добровольную, плату и подарокъ: 1) когда ученикъ выучился по складамъ, 2) когда выучился читать, 3) когда выучился писать и т. д. Богатые люди платятъ ему отъ 2 до 5 тиллей за курсъ, т.-е. отъ 7 до 20 р., и разъ или два въ годъ даютъ ему по халату и, кромѣ того, нерѣдко посылаютъ гостинцы: палау, изюмъ, урюкъ, фисташки, пирожки и пельмени. Небогатые даютъ менѣе, отъ 1 до 3 и 5 руб., и приносятъ подарки: дыни, арбузы, яблоки и разные сушеные фрукты. Когда же мальчикъ выучился читать и писать, учитель непременно долженъ получить халатъ, хотя бы самый дешевенькій въ 2 и 3 р. Эти низшія школы называются *мактабъ*.

Вышнія школы, *медресе* (семинаріи) устроиваются иждивеніемъ богатыхъ людей: купцовъ, хановъ, бековъ. Строится подъ медресе огромное, большею частію изъ жженого кирпича, зданіе съ 10—30 и болѣе отдѣльными комнатами. Жертвуется на медресе нѣсколько сотенъ танановъ* обработываемой земли, или караван-сарай и нѣсколько лавокъ на базарѣ, на доходы съ которыхъ оно могло бы содержаться. На содержаніи медресе живутъ: *мударресы* (учителя), бѣдныя муллы (ученики) и завѣдывающій доходами и расходами его. Содержаніе это соразмѣряется со средствами медресе. Въ богатыхъ медресе, *мударресы* получаютъ отъ 50 до 80 тиллей, то-есть отъ 200 до 300 р. въ годъ; муллы получаютъ отъ 5 до 8 тиллей въ годъ и квартиру. Въ нѣкоторыхъ содержаніе выдается хлѣбомъ, ибо имущество этихъ медресе состоитъ въ хлѣбопахатной землѣ. Небогатая медресе даютъ содержаніе маленькое, въ половину менѣе богатыхъ. Въ иныхъ медресе заведено такъ: мулламъ выдаютъ каждый день по двѣ лепешки хлѣба и чашку сурпы (супу), въ недѣлю разъ, по пятницамъ, чашку палау, въ мѣсяцъ по 20 к., и въ годъ по халату, по парѣ итигъ (сапоговъ) и калошъ, ситцу на двѣ рубашки и двое шараваровъ. Въ медресе принимается столько муллъ (учениковъ), чтобы число ихъ превышало въ два раза число комнатъ. Въ немъ учатся отъ 12 до 15 лѣтъ и проходить, или лучше,

* Тананъ— $\frac{1}{10}$ часть нашей десятины.

выучиваютъ, до 130 книгъ. Въ Ташкентѣ 17 медресе. Медресе имѣются только въ большихъ городахъ.

Взглянемъ теперь на сартовъ поближе, заглянемъ въ ихъ домашній бытъ.

Внутренняя обстановка городовъ и селеній совершенно однообразна. Улицы узенькія, кривыя, мостовыя скверныя: зимой и осенью невылазная грязь; лѣтомъ, то выдающіеся наверхъ камни, то ямы или рытвины, дурные мостики съ легкою возможностью сломать ногу и человѣку и животному, и, въ довершеніе картины, вонь и духота невыносимыя. Съ улицы видны только или глиняный заборъ вышиною отъ 1 до 2 саженой, или такая же стѣна дома съ воротами подлѣ, и за заборами и домами по обѣ стороны видныя сады, деревья которыхъ своими, широко раскинувшимися, вѣтвями осыплютъ и самую улицу. Дома строятся довольно тѣсно. По большей части стѣна одного дома плотно примыкаетъ къ стѣнѣ другого, такъ что улица сама по себѣ и при этихъ только достоинствахъ ея способна навести тоску и досаду на обитателей ея. Только большія мечети и богатая медресе разнообразятъ скучный глинистый фонъ улицъ. По большей части онѣ выходятъ однимъ фасомъ на улицу, и лицевая сторона ихъ бываетъ выложена цвѣтными изразцами, а колонны и потолки навѣса раскрашены разными красками, въ арабскомъ вкусѣ.

Дома строятся изъ глиняныхъ комковъ и покрываются плоскими изъ камыша крышами, которыя заваливаются землею. На утопанную и убитую насыпь, служащую фундаментом*, вставляютъ, по угламъ и на срединѣ, неопредѣленное число столбовъ, смотря по величинѣ дома и числу комнатъ, такъ, чтобы на каждой уголъ большой комнаты приходился столбъ; между ними вставляются крестъ-на-крестъ жердочки. Между жердочками въ $\frac{3}{4}$ аршина толщины выкладываютъ изъ глиняныхъ комковъ стѣну. Выложивши стѣну, на угловые столбы кладутъ поперечныя бревна, на которыя и опирается крыша. Потолокъ строится различно: у богатого хозяина, во всю длину комнаты на аршинъ другъ отъ друга, кладутся поперечныя бревна, въ которыя вставляютъ концами, плотно одна къ другой, въ аршинъ длины палочки. Эти палочки и поперечныя бревна, составляющія потолокъ, раскрашиваются разными красками, въ восточномъ вкусѣ. Такимъ образомъ выходитъ довольно красивый и очень прочный потолокъ. Но онъ обходится дорого, по дороговизнѣ здѣсь строевого лѣса; потому, бѣдные кладутъ только одно поперечное бревно среди комнаты, и по сторонамъ толстыя жерди, на которыя и накладывается циновка или камышъ или даже хво-

* У богатыхъ дѣлается кирпичный или каменный фундаментъ.

ростъ. Сверху все это заваливается камышомъ и потомъ засыпается землею, но такъ, чтобы крыша образовалась нѣсколько выпуклою для стока воды. Здѣсь лѣтомъ проводятъ большую часть дня дѣвочки и мальчики и даже женщины. Богатыя мечети и медресе строятъ изъ жженого кирпича. Въ Ташкентѣ нѣсколько богатыхъ купцовъ выстроили себѣ дома тоже изъ жженого кирпича. Но такія постройки весьма рѣдки и, вѣроятно, жженный кирпичъ не войдетъ здѣсь въ употребленіе до тѣхъ поръ, пока онъ не удешевится: тысяча жженныхъ кирпичей стоитъ 14 р. сер., вслѣдствіе дороговизны топлива. Само собой, еслибы употребленіе его усилилось, тогда увеличилось бы и производство его, и навѣрно онъ значительно бы подешевѣлъ, особенно когда войдетъ въ употребленіе каменный уголь, на что подается большая надежда. Русскіе въ настоящее время строятъ себѣ дома изъ сушенного на солнцѣ кирпича; но эта постройка не можетъ быть прочна, и теперь еще трудно рѣшить, какая постройка прочнѣе: по сартовскому способу, или изъ сушенного кирпича.

Дома лицевой стороной всегда обращены во дворъ — съ улицы только одна стѣна и ворота, у богатыхъ крытыя навѣсомъ. Входятъ въ комнаты всегда со двора. Дворъ замкнутъ со всѣхъ сторонъ постройками, или только заборами; осѣняется нѣсколькими деревьями и орошается арыкомъ. Богатый домъ имѣетъ нѣсколько комнатъ, отъ 5 до 10 и даже до 15 и 20. Въ каждую комнату особый ходъ или двери съ навѣса; внутреннихъ ходовъ изъ комнаты въ комнату нѣтъ, за рѣдкимъ исключеніемъ самыхъ богатыхъ людей; за то изъ каждой комнаты во дворъ двѣ или три двери, чрезъ которыя она и освѣщается. Посредственный домъ имѣетъ двѣ или три комнаты, а бѣдный одну. Противъ этого навѣса, чрезъ дворъ или съ боку двора, приделаны къ стѣнѣ или забору навѣсы со стойлами для лошадей.

У богатыхъ, кромѣ главнаго двора, есть еще женскій дворъ съ такимъ же устройствомъ, но въ меньшемъ объемѣ.

Дома, какъ сказано выше, строятся плотно одинъ къ другому, стѣна къ стѣнѣ, такъ что дворы ихъ раздѣляются только одной стѣной или однимъ заборомъ. Если сосѣди родственники между собой, тогда въ раздѣляющей дворъ стѣнѣ пробивается ходъ: такимъ образомъ составляется цѣлый лабиринтъ входовъ, навѣсовъ, дворовъ, садовъ и комнатъ. Почти у каждаго дома есть свой, хотя небольшой, садикъ, или только огородъ, обсаженный деревьями, прилегающій сзади ко двору и тоже обведенный стѣною.

У богатыхъ людей внутреннія стѣны дома бываютъ выштукатурены, и ниши въ стѣнахъ комнатъ украшены арабесками; въ комнатахъ отъ 8 до 12 пишей. Въ нихъ складывается имущество, сунду-

ки, шубы, халаты, платья и постель на день, и $\frac{1}{2}$ омъ того онѣ служатъ полками.

Достаточно взглянуть, или выглянуть на улицу днемъ, чтобы замѣтить, что въ этихъ садахъ, въ этихъ домахъ живетъ народъ праздный, лѣнивый и апатичный. Съ восхода солнца показываются на улицахъ сарты. По лицу видно, что они въ большомъ раздумьи, куда имъ идти и что имъ дѣлать. Одни, загнувши руки назадъ, медленно идутъ на базаръ торговать, или просто поглазѣть на продающихъ и покупающихъ, посидѣть у пріятелей-лавочниковъ, или у хорошенкаго самоварчи; другіе сидятъ на завалинахъ у воротъ домовъ, сидятъ и глазѣютъ на прохожихъ, переговариваясь съ одними и перебраниваясь съ другими. Наконецъ возьметъ сарта скука: онъ идетъ къ сосѣднимъ воротамъ и присоединяется къ сидящимъ тамъ, и между ихъ бесполезными разговорами и тупымъ глазнѣемъ проводить время, которое онъ, какъ и они, не знаетъ какъ убитъ. Такъ проводить время большинство сартовъ. За исключеніемъ торгующихъ, слишкомъ небольшая часть ихъ занимается какимъ-нибудь дѣломъ, кромѣ періода времени полевыхъ работъ; но и полевыми работами занимается только половина или даже $\frac{1}{3}$ часть жителей.

Сарты встаютъ рано, съ разсвѣтомъ: это религіозная обязанность. При восходѣ солнца, правовѣрный долженъ быть на молитвѣ. Но такъ-какъ они ложатся спать рано съ вечера, и кромѣ того спать днемъ, то эта обязанность нисколько необременительна, исполняется почти непреложно и вошла въ обыденный порядокъ быта, въ прочно-установившійся обычай. Предъ самымъ разсвѣтомъ, азанъ приглашаетъ правовѣрныхъ къ молитвѣ, и въ тишинѣ ночи голосъ его разносится звонко и ясно по городу.

Заслышавъ этотъ голосъ, сарты встаютъ; отворяются однѣ за другой двери комнатъ и, лѣниво зѣвая, выходятъ оттуда во дворъ, къ протекающему среди его арыку, заспанные фигуры, умываютъ себѣ какъ лицо, такъ и прочія части тѣла по закону Мохамеда, итираютъ лицо и руки концомъ своего широкаго и длиннаго пояса, обернутаго 3 или 4 раза вокругъ талия; все это дѣлается медленно и лѣниво. Прежде появляются старухи и старики, затѣмъ молодыя женщины и мужчины, и наконецъ дѣти. Старики или идутъ въ мечеть на призывъ азана, или подъ навѣсомъ, поставивъ халатъ, становятся на него и отправляютъ утреннее моленіе; къ нимъ присоединяются и молодые мужчины. Женщины, умывшись, принимаются за стряпню, за уборку комнатъ и вообще за хозяйство, предоставленное женской заботливости. По окончаніи моленія, состоятельные сарты пьютъ чай съ хлѣбомъ, изюмомъ, урюкомъ; у богатыхъ подается при этомъ вареная баранина. Чай подается у богатыхъ въ мѣдныхъ

чайникахъ въ формѣ кувшиновъ; у сартовъ средней руки чай подается въ чугунныхъ; первые пьютъ зеленый чай, вторые—черный, или кирпичный. Зеленый чай, какъ сильный возбуждающій напитокъ, пользуется большимъ преимуществомъ во всей Средней Азій предъ другими чаями, и по дороговизнѣ своей доступенъ только богатымъ людямъ. Но богатые люди не удовлетворяются этимъ. Они, для большаго возбужденія нервовъ, пьютъ до чаю гашишъ, или кук-наръ, приготовляемый изъ коноплянаго сѣмени. Сначала онъ обваривается кипяткомъ; потомъ настаивается какъ чай, и затѣмъ процеживается. Гашишъ имѣетъ не столько опьяняющее, сколько одуряющее свойство. Послѣ него употребляютъ чай; холодную воду пить нельзя: съ напившимся холодной воды послѣ гашиша происходятъ судороги по всему тѣлу, рвота, и говорить ниже. Средній классъ за кирпичнымъ чаемъ ѣстъ хлѣбъ, а лѣтомъ дыни и арбузы. Небогатые сарты не пьютъ чаю, а довольствуются кузей изъ просы, или крупы, или кунака; не совѣмъ бѣдные прибавляютъ въ кузю молоко, сало баранье, или творогъ, и сыръ овечій.

Съ восходомъ солнца, или немного позднѣе, показываются сарты и на улицахъ. Дома дѣлать нечего: они вышли на людей посмотреть и себя показать. Впродолженіе цѣлаго дня, на завалинахъ у воротъ домовъ, или въ тѣни навѣсовъ и деревь въ жару, сидятъ апатичныя, полуспящія фигуры сартовъ. И въ половинѣ дня и передъ вечеромъ, вы увидите того же самаго сарта подъ тѣнью дерева, или на завалинѣ сидящаго въ полудремотѣ, или просто сложа руки и съ безучастнымъ взглядомъ, котораго видѣли утромъ на томъ же мѣстѣ. Рѣдкаго между ними увидите за дѣломъ. Но большинство сартовъ проводитъ день на базарѣ, или около его, въ садахъ и на площадяхъ. Базаръ всегда бываетъ довольно оживленъ толпами и кучками—преимущественно глазѣющихъ. Но характеръ дня на базарахъ все-таки скучный: въ этой толкотнѣ нѣтъ жизни, слишкомъ мало дѣла, и потому хотя и толпится народъ и переходитъ съ мѣста на мѣсто, и заглядываетъ въ лавки, но какъ-то безучастно, какъ-бы нехотя: что, дескать, мнѣ дѣлать: смотрѣть ли на эту лавку еще, или идти далѣе, или ужъ лучше присѣсть или прилечь куда-нибудь да вздремнуть. И лавочникъ-торговецъ почти также безучастно смотритъ на окружающее его: зайдетъ кто-нибудь къ нему въ лавку—ладно, не зайдетъ—какъ будто ему и дѣла нѣтъ; развѣ ужъ скука возьметъ и онъ зѣвнетъ на весь базаръ, и на минуту какъ будто оживетъ; а тамъ снова то же... И сидитъ онъ поджавши ноги, и спокойно, равнодушно смотритъ на толкущихся и проходящихъ. Придутъ къ нему одинъ-другой пріятель, садутъ

рядомъ съ нимъ, также поджавши ноги, и также равнодушно и спокойно смотреть на улицу, перебрасываясь изрѣдка словами, и отвѣчая проходящимъ «аманъ» (будь благополученъ), или привѣтствуя богача и важнаго сарта: «селям-алей-кумъ!» и получаютъ въ отвѣтъ: «алей-кум-асселямъ!» Надобно при этомъ сказать, что, несмотря на свою апатичность, лѣнь, сарты ужасно любятъ поспорить и покричать. Здѣсь уже высказывается южная природа, южная кровь. Сартъ не можетъ спорить тихо и спокойно, хотя бы о пустякахъ, хотя бы разногласіе было и ничтожное, слабое: онъ непремѣнно закричитъ во все горло, на весь базаръ или на всю улицу, и принимаетъ жесты самые энергическіе, задорные—такъ на кулаки и лѣзетъ; но до драки дѣло весьма рѣдко доходитъ: развѣ толкнетъ одинъ другого, или халатъ, или рубаху изорветъ, или, уже самое сильное—руки или лицо опарашаютъ... Публика, охотница до всякаго рода зрѣлищъ, не упускаетъ случая послушать и позѣвать на подобные, болѣе или менѣе, мирные споры, и даже принимаетъ въ нихъ участіе. Кто пожелаетъ подробнѣе ознакомиться съ среднеазиатскими базарами, тотъ найдетъ въ нашей статьѣ «Уратюпе» болѣе или менѣе вѣрное описаніе базара.

Крикъ сартовъ, ревъ верблюдовъ, пѣсни дувана*, и скрипъ сартовской арбы (двухколесная телега) сливаются вмѣстѣ и составляютъ обыкновенный базарный хаосъ. Рѣзче всего въ этомъ хаосѣ выдаются пѣсни и крики и наружность дувана. Въ нищенскихъ рубищахъ, оборванные, большею частію босые, въ мохнатыхъ остроконечныхъ шапкахъ, или покрытыхъ краснымъ сукномъ, съ длинными дубинами съ острымъ и желѣзнымъ наконечникомъ, и съ четками въ рукахъ, опоясанные арканами (волосная веревка), съ торбами (мѣшокъ изъ армячины) на плечахъ, ходятъ они по лавкамъ: одни поютъ духовныя пѣснопѣнія; другіе просто кричатъ дикимъ, хриплымъ голосомъ, пропнося какія-нибудь слова корана и понося правовѣрныхъ за недостатокъ благочестія. Третьи ходятъ съ черепкомъ въ рукѣ, на которомъ на горящихъ угольяхъ тлѣетъ и дымится благоухающій корень *сумбулъ*—Четвертые гадаютъ, предсказываютъ будущее, предаются бѣшенству, изступленію и, покраснѣвъ до ушей съ пѣной у рта, начинаютъ кричать. Пятые, совершенно голые, безъ всякаго покрова, съ камнями и палками бродятъ по базару и дико смотрятъ на всѣхъ. Если кто обидитъ ихъ, то они не задумаются бросить въ такого камень; но такіе молодцы рѣдко встрѣчаются. Это—самый высшій сортъ блаженныхъ. Всѣ они живутъ въ особенномъ домѣ, называемомъ календаръ хана. Дома они живутъ тихо: раздаются только пѣсни и крики. Глав-

* Дуванъ—яродивый.

ная их забота дома—кормить голубей и собак. Потому их домъ всегда охраняется самыми злыми собаками, и надъ нимъ днемъ, утромъ и вечеромъ, летаетъ множество голубей. Сарты относятся не только благосклонно, но и съ благоговѣніемъ къ этимъ юрдинымъ, и даютъ имъ кто что можетъ и имѣетъ: кто чеку*, кто щепотку табаку, кто изюму, кто хлѣба кусокъ и т. п.

Весьма охотно сарты посѣщаютъ небольшія площади на базарѣ или около его, на которыхъ происходитъ борьба палвановъ (силачей, борцовъ), битва пѣтуховъ, горныхъ рябчиковъ, жаворонковъ и барановъ. Особенно многолюдно бываетъ на борьбѣ палвановъ: составляется большой кругъ изъ сидящей поджавши ноги толпы зрителей, состоящихъ изъ всѣхъ возрастовъ мужескаго пола. Среди круга борются палваны, схвативши другъ друга за кушаки, упершись въ плечи и отставивъ далеко ноги. Публика кричитъ «браво», и рукоплещетъ побѣдителю.

Такъ проводитъ день, такъ убиваетъ время бѣлая часть сартовъ. Вечеромъ почтенные старики, за исключеніемъ, впрочемъ, бѣдняковъ, идутъ въ мечеть; остальная публика расходится большею частію партіями въ 10, 15 и 20 человѣкъ; но изъ нихъ только половина, и даже меньше, направляется по домамъ; остальные идутъ въ особые дома, гдѣ они и обѣдаютъ на складчину и проводятъ вечеръ вмѣстѣ. Складываются они по 20 к. сер., заказываютъ палау (пилау), покупаютъ изюмъ, урюкъ, хлѣбъ, пьютъ чай и приглашаютъ батчу*, если большая компанія. Есть постоянныя компаніи, которыя каждый день вмѣстѣ собираются и имѣютъ своего ангажированнаго батчу. Объ игрѣ батчи мы скажемъ ниже.

Вообще въ сартахъ проявляется сильное тщеславіе наряду съ мелочностью, ханжество наряду съ страшнымъ и отвратительнымъ развратомъ; дерзость, задирчивость наряду съ апатичностью, лѣнью, трусливостью. Это народъ въ высшей степени не симпатическій: прямыхъ, открытыхъ; и честныхъ отношеній сарты не имѣютъ ни къ кому*; у нихъ вошло въ правило и законъ, что все можно сдѣлать и всего можно достигнуть только силою и обманомъ. Сартъ знаетъ цѣну деньгамъ, потому что онъ сильнее всего. Къ остальному онъ равнодушенъ: онъ точно разочарованъ, точно пресыщенъ жизнью—на все смотритъ безучастно-холодно, какъ будто и привязанностей у него нѣтъ никакихъ. Жизнь мало интересуетъ его—ему рисуются гуріи мохамедова рая; а этого рая достигнуть

* Чека—мелкая мѣдная монета въ 1/3 коп. сер.

* Батча—хорошенькій мальчикъ отъ 8 до 17 лѣтъ, который въ женскомъ костюмѣ пляшетъ для потѣхи публики.

нетрудно: исполняй въ точности всѣ обряды, предписанные закономъ, и дойдешь до него. А настоящая жизнь ему наскучила, и вотъ онъ старается забыться, унести подалеже отъ семьи и уличной жизни, нужды и потребностей. Опіумъ, гашишъ и кукнаръ служатъ отличнѣйшимъ средствомъ для этого. Опіумъ расходится въ Средней Азіи въ огромномъ количествѣ: употребленіе его особенно сильно распространено въ Бухарѣ. Тамъ рѣдкій, хотя немного состоятельный сартъ не употребляетъ его. Но опіумъ сильно распространенъ и между сартами Туркестанской Области. Въ каждомъ городишкѣ, въ каждой мелочной лавочкѣ продаютъ опіумъ; опіунчи—курящіе или жующіе опіумъ, окончательно разстраиваются, и въ нравственномъ, и въ умственномъ, и въ матеріальномъ отношеніяхъ, разоряются и теряютъ всякую привязанность къ жизни и людямъ. Куккарчи платятъ за кукнаръ не такъ дорого—кукнаръ дѣйствуетъ медленнѣе и слабѣе, и не втягиваетъ въ себя такъ сильно, и не дѣйствуетъ такъ разрушительно на здоровье человѣка, какъ опіумъ, безъ котораго опіунчи жить не могутъ. Въ городахъ на базарахъ есть особенныя заведенія, называемыя кукнар-хана, въ которыхъ пьютъ гашишъ, курятъ и жуютъ опіумъ и кукнаръ. Для большей характеристики этого заведенія и посѣщающихъ его, выпишемъ сказанное нами объ этомъ въ статьѣ объ Урагане: «Въ этихъ заведеніяхъ всегда раздаются пѣсни, крикъ и шумъ. Публика напивается до безпамятства, до одуренія, и сидитъ съ мутными, опьянѣлыми глазами, едва передвигая руками, или погрузившись въ дремоту, въ созерцаніе; другіе поютъ и кричатъ. Это отборная публика. Сюда ходятъ отъявленные, записные, такъ сказать, пьяницы, у которыхъ нѣтъ ничего святого въ жизни. Имъ не жалъ и жизни, да и жалѣть-то нечего: тихо бьется кровь въ ихъ жилахъ; вѣчная тоска-хандра душитъ ихъ; ничто ихъ не радуетъ, не веселитъ, и никакая красавица уже не расшевелитъ ихъ пустого сердца. Они охладѣваютъ къ семьѣ, къ женамъ, къ дѣтямъ... Имъ дайте опіумъ, и возьмите ихъ женъ, дѣтей—они не опечалются! Блѣдные, осунувшись, съ оступѣлыми глазами, бродятъ они, какъ зачумленные, или прокаженные. И этотъ разительный примѣръ не можетъ остановить сартовъ, не служить урокомъ: десятками ходятъ они въ заведеніе—и нерѣдко между испитыми, одутыми, опухшими и блѣдными лицами показывается еще свѣжее, не совсѣмъ поблекшее, молодое лицо; но томность взгляда, задумчивость, дремота, уже выдаютъ его—по какой онъ идетъ дорогѣ.»

Къ этой характеристикѣ опіунчей и кукнарчей прибавимъ мы еще одно дѣйствительное происшествіе, котораго мы были очевидцами. Черезъ два мѣсяца по взятіи Ташкента, приходять къ русскому

чиновнику, исправлявшему должность таможенного чиновника, сартъ съ водянисто-блѣднымъ лицомъ, задумчивой физиономіей, томнымъ взглядомъ, и что-то такое соображающій, разсуждающій самъ съ собой. Чиновникъ обратился къ нему съ вопросомъ: что ему нужно.

Сартъ спрашиваетъ, сколько съ него слѣдуетъ зекету? — За что? — За товаръ. — Какой товаръ? спрашиваетъ удивленный чиновникъ. — Да за мою мату ¹. — Сколько же ее? — Сорокъ верблюдовъ. — Да гдѣ же товаръ-то? осматривали его? — Нѣтъ, еще не пришелъ. — Но тутъ вмѣшался въ разговоръ посторонній сартъ, знавшій этого господина. — Чей это товаръ у тебя? — Мой, конечно. — Гдѣ же ты купилъ его? — Въ Коканѣ. — Да ты вѣдь не ѣздилъ въ Коканъ? — Я вотъ теперь хочу ѣхать — и куплю. — Значить, еще не купленъ? — Да вотъ поѣду и куплю.

Оказалось, что этотъ господинъ — опіунчи. Его раздраженное воображеніе представляло ему, что онъ богатъ и имѣетъ деньги — и вотъ онъ рѣшается торговать: ѣдетъ въ Коканъ, покупаетъ товару на сорокъ верблюдовъ, везетъ его изъ Кокана, припоминаетъ, что нужно заплатить за него зекетъ, и идетъ къ чиновнику.

Это типъ записныхъ опіунчи; но возвратимся отъ частнаго къ общему.

Каковъ ни есть сартъ самъ въ себѣ, но онъ непремѣнно хочетъ казаться человѣкомъ солиднымъ и порядочнымъ. Онъ чрезвычайно любитъ поважничать, показать себя баемъ ², и весьма доволенъ, если назовутъ его бай. Большинство сартовъ считаетъ какъ-бы неприличнымъ заниматься черной работой, чтобъ не подумали, что онъ изъ насущнаго куска хлѣба работаетъ, и только дѣйствительныя бишаръ (бѣдняки) не имѣютъ работника. Хотя у другого и семейство содержитъ нечѣмъ — впрочемъ, объ этомъ сартъ и не слишкомъ заботится — а все-таки живетъ въ его домѣ, или лачужкѣ, какой-нибудь байгушъ ³, немѣющій ни крова, ни пристанища, и живетъ единственно изъ-за куска хлѣба и уголка, куда бы положить свое бѣдное и часто немощное тѣло на ночь. Трудолюбіе не пользуется у сартовъ тѣмъ уваженіемъ, какое воздаютъ ему народы болѣе или менѣе экономически развитые, выдающіе въ трудѣ главную силу благосостоянія и развитія. Хорошій, трудолюбивый и дѣльный работникъ все-таки будетъ заклеивать словомъ «бишара», хотя онъ и живетъ лучше и имѣетъ больше другого, ничего

¹ Мата — бумажная ткань.

² Бай имѣетъ различныя, но солидныя значенія: богатый хозяинъ, распорядитель, начальствующее лицо, старшій, и наконецъ мужъ.

³ Байгушъ — пролетарій, нищій, немѣющій ничего, ни кола, ни двора.

недѣлающаго и величающаго себя баемъ. Чтобы пользоваться почетомъ и не терять его, нужно держать себя чванно, спокойно и, по возможности, беззаботно. Начальникъ, усердно исполняющій свое дѣло, съ утра до ночи работающій, который входитъ въ подробности своей службы, и держитъ себя просто предъ подчиненными, живетъ скромно — не будетъ имѣть такого значенія въ глазахъ сартовъ, какъ тотъ, который держитъ себя гордо, въ мелочи не входитъ, живетъ роскошно: это значить богатый, важный и сильный господинъ — бай! Конечно, это осадокъ варваризма среднеазиатскаго, и теперь взглядъ и понятіе туземцевъ о достоинствахъ по крайней-мѣрѣ начальниковъ, начинаютъ измѣняться, а современемъ, можно надѣяться, ихъ понятія и вообще о достоинствахъ человѣка измѣнятся — это почти всецѣло будетъ зависѣть отъ нашего на нихъ вліянія; но что будетъ впереди — вѣдаетъ Аллахъ, а теперь сарты любятъ почваниться, поважничать, а вслѣдствіе этого и поблагодумствовать, то-есть сидѣть сложа руки, хотя, можетъ быть, у него дома и поѣсть нечего, кромѣ несчастной кузи, или дыни лѣтомъ, да нѣсколькихъ лепешекъ хлѣба. Но это его не слишкомъ огорчаетъ. Онъ поидетъ на базаръ, прильнетъ къ закусывающей компаніи, проглазѣетъ цѣлый день на базарѣ, или просидитъ гдѣ-нибудь съ пріятелями, а вечеръ можетъ съ удовольствіемъ провести на сборищѣ, гдѣ пляшетъ батча. И сытъ и доволенъ возвращается онъ къ полуночи, или послѣ полуночи домой, гдѣ, само собой, уже спятъ полусытые и полуголодные жена и дѣти... Но и это его не слишкомъ огорчаетъ!...

Сартъ о женѣ не очень заботится, и ужъ вовсе не привязанъ къ ней: есть у ней просо, или кунакъ, да дыня — и ладно; значить, съ голоду не умретъ! Въ недѣлю даетъ онъ ей 10 или 20 коп. на говядину — и довольно. Онъ не позаботится купить ей платье, обувь, даже бѣлья, а напротивъ таетъ передъ хорошенькими самоварчи, или батчой — и тратитъ довольно большія деньги — не жалѣетъ для этого и 10 руб. Конечно, богатые сарты держатъ себя въ отношеніи къ женамъ иначе, хотя по наружности: они одѣваютъ и кормятъ ихъ хорошо. Высказанное выше относится къ сартамъ небогатымъ и бѣднякамъ. Но и богатый сартъ не имѣетъ привязанности къ своимъ женамъ: онъ смотритъ на нихъ, какъ на необходимую обстановку, какъ на комфортъ жизни; тутъ главный соперникъ жепъ его опять-таки батча: онъ опаснѣе опіума и гашиша.

За батчой всѣ ухаживаютъ, даже иной сѣдой казы не прочь пожать его руку. Съ этимъ такъ освоились сарты, что оно уже непозорно, небезвѣстно для нихъ. Къ намъ не одинъ разъ приходили

матери просить за своихъ сыновей мальчиковъ, что они *батчи*, а казы стѣсняетъ ихъ на своей професіи. Въ чемъ же состоитъ ихъ професія?

Многоженство на Востоку привело къ неуваженію женщины; женщина цѣнится какъ вещь, которую можно купить, на сколько не жаль денегъ. Поэтому сартянка не можетъ вызвать того чувства у сарта, которое вызываетъ женщина у народовъ, гдѣ нѣтъ многоженства. Сартъ смотритъ на своихъ женъ, какъ на самокъ. Имѣя ихъ нѣсколько, онъ охладѣваетъ ко всѣмъ, не удовлетворяется, или, такъ-сказать, пресыщается и, какъ отчаянный европейскій развратникъ, ищетъ другого, новаго. Поэтому, вмѣсто страсти къ женщинамъ, у нихъ явилась страсть къ мальчикамъ, какъ наслѣдство, переходящая отъ поколѣнія къ поколѣнію и овладѣвающая даже юношами, воспитавшимися въ этомъ развратѣ, которые еще не успѣли и, кажется, не должны были бы охладѣть къ женщинамъ. Это первое.

Второе. Затворничество женщинъ, въ соединеніи съ многоженствомъ: оно еще болѣе удаляло мужчинъ отъ женщинъ и произвело то явленіе, которое мы представимъ ниже. Сарттовское общество однихъ мужчинъ безъ женщинъ слишкомъ однообразно, и, при отсутствіи какихъ бы ни было игръ, скучно. Для разнообразія и развлеченія нужно ввести въ общество хотя наружное подобіе женщины, если женщинъ нельзя быть среди мужчинъ — и вотъ явился батча. И каждый вечеръ и ночь до бѣлаго свѣта слышны бубны, пѣніе и крики въ разныхъ концахъ города — это играютъ батчи.

Мы сказали выше, что сарты собираются вмѣстѣ для обѣда, и на складчину обѣдаютъ и приглашаютъ батчу, если нѣтъ своего постоянного, ангажированнаго батчи на все время, пока не разстроится кружокъ. Во время игры батчи, публики набирается отъ 50 до 150 и иногда болѣе человекъ. Зимой игра бываетъ въ комнатахъ, а лѣтомъ на дворѣ, или въ саду. Публика, или зрители, всѣ садятся въ кругъ; въ глубинѣ круга сидитъ батча; противъ него, на другой сторонѣ круга, музыканты съ бубнами, а если таковыхъ не имѣется, то съ подносами мѣдными и желѣзными, замѣняющими бубны. Если есть бубны, тогда предъ музыкантами стоитъ жаровня съ горячими углями, надъ которой они разогрѣваютъ свои бубны для большей звучности. Батча одѣтъ въ женское платье, на головѣ женскій платокъ, изъ-подъ котораго спускаются едва не до пятокъ черныя косы изъ конскихъ волосъ, украшенныя бирюзою и кораллами; на немъ женская рубашка и шаровары подъ ней — вотъ и весь костюмъ. Батча обыкновенно хорошенькій собой, такъ что трудно узнать въ немъ съ перваго раза мальчика; онъ выходитъ къ публикѣ, и вся толпа воздастъ ему честь съ

неистовыми криками и присѣдая почитайски. Всѣ жадно смотрятъ на него, заискиваютъ предъ нимъ и стараются обратить на себя его вниманіе. Батча благосклонно улыбается каждому и, само собой, къ одному болѣе внимателенъ, къ другому менѣе. Всѣ при появленіи его шутя дѣлаютъ бату, то-есть хватаются руками за борода. Прежде всего начинаютъ угощать его чаемъ, фисташками, урюкомъ. На колѣняхъ ползетъ къ нему съ чашкою досторханчи (распоряжающійся этимъ угощеніемъ), и когда батча возьметъ, онъ дѣлаетъ бату. Первую чашку батча пьетъ самъ, вторую обыкновенно подноситъ тому, на кого пало его милостивое вниманіе. Осчастливленный его вниманіемъ на колѣняхъ ползетъ къ нему и съ подобострастіемъ беретъ и пьетъ *. Между тѣмъ съ нимъ заговариваютъ. Всѣ говорятъ ему *таксиръ*, то-есть «ваше степенство»: такъ величается вообще чиновный людъ, такъ величаютъ и хана. Съ кѣмъ онъ самъ заговоритъ, тотъ прежде встанетъ, отвѣситъ поклонъ, приложивъ къ животу на крестъ свои руки, и потомъ отвѣчаетъ. Если онъ броситъ въ которую нибудь сторону горсть фисташекъ или изюму, вся сторона встаетъ съ неистовымъ крикомъ и кланяется ему, также какъ выше упомянуто, и, сдѣлавъ бату, подбираетъ брошенное. Затѣмъ музыканты начинаютъ пальцами бить въ бубны. Батча выходитъ на средину круга и начинаетъ плясать; сначала пляшетъ вяло, тихо, но въ тактъ музыкѣ, или скорѣе, музыканты бьютъ по бубнамъ въ тактъ пляскѣ. Потомъ, оставаясь на срединѣ, начинаетъ пѣть, его подхватываютъ музыканты; онъ все болѣе и болѣе расхаживается, разыгрывается, музыка за нимъ бьетъ въ тактъ скорѣе, и наконецъ, батча начинаетъ вертѣться, скоро плясать, быстро перебѣгать съ мѣста на мѣсто и скакать; музыка начинаетъ неистово ударять по бубнамъ, а публика живѣе и задорнѣе бить въ ладоши, такъ что пѣсни прекращаются, только бьютъ бубны и играетъ батча. Вдругъ онъ выкидываетъ какую-нибудь штуку, то-есть перевернется хорошо и ловко, и вся толпа неистово закричитъ ему похвалу въ родѣ «браво». Онъ милостиво отблагодаритъ за эти аплодисменты и снова начинаетъ плясать, сперва медленно, затѣмъ скорѣе и скорѣе, и снова кончается такимъ же финаломъ. И такимъ образомъ игра идетъ за полночь, иногда до разсвѣта **. Богатые люди содержатъ у себя особенныхъ батчей. У бухарскаго эмира ихъ восемь.

* Впрочемъ, эти церемоніи: колѣнопреклоненіе и ползаніе на колѣняхъ, дѣлаются не вездѣ и не при многочисленной публикѣ, а только при своей компаніи и составляютъ утѣровку разыгравшейся молодёжи.

** Это первое удовольствіе, главное развлеченіе сарттовъ: праздникъ, свадьба, или иное радостное обстоятельство и радостный случай непременно празднуютъ такими играми батчи, которыя бываютъ и днемъ.

Теперь скажемъ о сартянкахъ. Сартянки вообще очень красивы и довольно хорошо сложены; довольно высокаго роста, стройны; узенькія плечи и длинная, узенькая талія; ножки и ручки маленькія; голосъ звонкій и нѣжный; черные волосы и черные, бойкіе глаза; лицо длинновато: у однихъ немного смуглое и съ румянцемъ, у другихъ блѣлое и немного блѣдное. Но такъ онѣ хороши до 15-ти, 20-ти лѣтъ. За двадцать лѣтъ сартянка начинаетъ уже старѣть: дѣлается вялой; нѣтъ прежней стройности; лицо удлинняется; появляются морщины на лбу, щекахъ и рукахъ; глаза тѣ же черные и бойкіе; но подозрительный румянецъ во всю щеку обличаетъ, что она уже натирается. Мало встрѣчается вполнѣ развитыхъ физически женщинъ: онѣ не успѣютъ расцвѣсть, какъ уже отцвѣтаютъ. Это съ вѣду жалкое и забытое существо, которое не видитъ и не знаетъ отрады и счастья. Повидимому, и жизнь сложилась для нея слишкомъ неблагопріятно, тяжело жала, сдвинула ее въ слишкомъ узкой рамкѣ затворничества; религія, чрезъ признаніе многоженства, отняла у ней значеніе существа свободно-мыслящаго и нравственно-духовнаго; жизнь, строго основанная на началахъ этой религіи, придала ей характеръ почти животнаго, характеръ самки, характеръ вещи, которой можно имѣть сколько угодно, было бы не жаль денегъ. Мусульманину разрѣшается имѣть четырехъ женъ и сколько угодно наложницъ, подъ видомъ служанокъ и невольницъ. Вслѣдствіе этого, бѣдная сартянка потеряла значеніе и достоинство члена человѣческаго общества, потеряла права общественности. Для общества она рѣшительно ненужна, но и для дома она только самка! Отъ нея не требуется никакихъ обязанностей и доблестей гражданскихъ. На ней одна обязанность: быть вѣрной и послушной своему мужу; даже не требуется, чтобъ она любила его; впрочемъ, и слова «любовь» нѣтъ на ихъ языкѣ*. Естественнаго, не имѣя нравственнаго значенія, поставленная въ положеніе домашней утвари, прихоти мужчины, она лишена возможности умственнаго и нравственнаго развитія, осуждена на одну животную жизнь. Жизнь не представляетъ ей нравственныхъ побужденій, нравственной потребности, исхода нравственному чувству. Мужа, да и вообще мужчинъ, любить сильно она не можетъ; они могутъ ей только нравиться. У нихъ слабо нравственное чувство, да и у нея оно не сильно: они привязаны главнымъ образомъ къ деньгамъ, затѣмъ къ почестямъ, тамъ къ батчамъ, потомъ къ дѣтямъ, а уже остатокъ привязанно-

* Чтобы сказать «люблю», они говорятъ: *джаксы* или *якши* (хорошо), *курмынг*—смотрю, гляжу, то-есть вѣсто: «я васъ люблю», выходить: я на васъ хорошо смотрю, или вы мнѣ нравитесь.

сти падаетъ на женъ, такъ что сартянка самую большую часть привязанности мужа должна уступить другимъ своимъ соперницамъ. Если мужъ или какой нибудь посторонній сартъ ужъ очень красивъ, и она въ свою очередь красавица, тогда можетъ еще возбудиться между ними привязанность; но и она не имѣетъ нравственной силы, а ограничивается только чувственностью; это—чувственная привязанность, неимѣющая характера нравственныхъ побужденій и нравственной потребности: она не можетъ дать, и не даетъ, ни правъ, ни обязанностей нравственныхъ. Остается одно материнское чувство, которое, конечно, сильно; но и это только привязанность матери къ своему кровному дѣтищу, а не любовь, всеобъемлющая и всепоглощающая, матери-гражданки къ сыну-гражданину.

Итакъ, для сартянки нѣтъ нравственной пищи, нѣтъ духовной жизни—она и живетъ и развивается только плотски, чувственно. За то эта уже потребность, эта жизнь въ ней сильна, такъ какъ она не парализуется ни нравственно, ни умственно; она господствуетъ, царитъ, руководитъ и движетъ сартянкой. Но и въ этомъ бѣдняжка сильно стѣснена затворничествомъ, многоженствомъ, большею или меньшею скудостью средствъ и способовъ удовлетворенія чувственности, тѣсными рамками женской жизни. Естественно, въ этомъ отношеніи она не можетъ помириться съ установленными формами и обычаями жизни, съ своимъ стиснутымъ, сдвинутымъ положеніемъ; естественно ищетъ большаго простора, раздолья, болѣе широкой и свободной жизни, и при апатичности сартовъ, при отсутствіи привязанности ихъ къ дому, къ женамъ, сартянки пробили много выходовъ, щелей и отверстій на волю, на свѣжій воздухъ, такъ что, несмотря на законъ, обычаи уже допускаютъ эти уклоненія женщинъ отъ затворничества, и въ настоящее время уже нельзя сказать, что сартянка живетъ въ затворничествѣ. Напротивъ, и она, также какъ и мужъ ея, не очень-то полюбиваетъ сидѣть дома: она ходитъ по гостямъ, къ сосѣдямъ, роднымъ, и отъ души, съ спокойною совѣстью, отдается обаянію разврата.

Съ 7-ми лѣтъ она уже не можетъ появляться съ открытымъ лицомъ на улицу; но дѣвушка закрывается бѣлымъ тонкимъ кисейнымъ платкомъ, а женщина—черной частой сѣткой изъ конскаго волоса. Понастоящему, дѣвушка подлежитъ болѣе строгому затворничеству: болѣе, чѣмъ женщина, она должна избѣгать посторонняго мужского глаза, а тѣмъ болѣе разговора съ посторонними мужчинами, даже подъ покрываломъ. Она меньше показывается на улицѣ, чѣмъ женщина, отъ того весьма пуглива. При появленіи незнакомца во дворѣ, особенно когда онъ застанетъ ее нечаянно на дворѣ и,

конечно, открытою, она съ крикомъ и какъ-бы ужасомъ стремглавъ бросается на свою половину, точно за ней гонится злая собака. Также бѣгаетъ она и на улицѣ отъ русскихъ, ѣдущихъ верхомъ или идущихъ по той же улицѣ.

Съ 11-ти лѣтъ выдаютъ дѣвушку въ замужство. Конечно, въ это время она еще ребѣнокъ, которому только куклы нужны; она еще дитя, которому нужны сказки. Развѣ 13-ти лѣтъ можно допустить ей замужство, только снисходя установившемуся взгляду сартовъ на женщину. Слишкомъ ранніе браки чрезвычайно вредно дѣйствуютъ какъ на физическое, такъ и нравственное развитіе сартянокъ. Можно смѣло сказать, что рѣдкая изъ нихъ достигаетъ своего физическаго развитія; рѣдкая вполнѣ, такъ-сказать, созрѣваетъ, расцвѣтаетъ; восемнадцати лѣтъ, въ пору самой цвѣтущей зрѣлости, сартянка успѣла уже вынести отъ 6-ти до 7-ми лѣтъ супружеской жизни, и вовсе уже не смотритъ маковымъ цвѣткомъ и начинаетъ блѣднѣть и вянуть; съ 20-ти или 25-ти лѣтъ уже показываются морщины на лицѣ.

Дѣвочка не видитъ и не знаетъ своего жениха до самаго дня свадьбы, то-есть она увидитъ его въ первый разъ уже своимъ мужемъ послѣ того, какъ казы прочитасть молитвы и кончится обыкновенное пищество, въ то время, какъ жениха и невѣсту сведутъ вмѣстѣ или мужу вручатъ его жену*. Входитъ она въ новое семейство, и ей, можетъ быть, уже придется съ двумя-тремя женами раздѣлить супружеское ложе мужа. Въ первое медовое время онъ будетъ съней ласковъ, добръ и внимателенъ; а тамъ жизнь ея входитъ въ обыденную колею жизни сартянокъ. Здѣсь-то она и научается житейскому уму-разуму.

Мужъ деспотъ, сварливый, вздорливый, непривязанный къ своимъ женамъ, а, напротивъ, тающій предъ хорошенькимъ мальчикомъ, мужъ скряга, худо понтъ, худо кормитъ, худо одѣваетъ — конечно, такой мужъ не можетъ вызвать въ своихъ женахъ привязанности къ себѣ, супружеской вѣрности и преданности. Кромѣ требованій религіи, которая слаба въ женщинахъ и непонятна имъ, мужъ не имѣетъ и не даетъ отъ себя ничего, никакихъ даныхъ, чтобы супружество съ нимъ было прочно и крѣпко. Безъ поддержки нравственной, общественной, фундаментъ супружества, основанный на требованіи только религіи, оказывается слишкомъ слабымъ. Что онъ можетъ дать своимъ женамъ, въ замѣнъ ихъ вѣрности и привязанности? Ничего, кромѣ скудной пищи, бѣдной одежды съ приправою брани, побоевъ и сидѣнья въ четырехъ стѣнахъ. И при всемъ этомъ, его супружеское ложе еще принадлежитъ не одной женѣ, а нѣсколькимъ. Мало этого: онъ самъ не привязанъ къ этому ложу, — его тянетъ на мерзкое гулянье,

* Богатые сарты большею частію женятся на родственницахъ, и родственницахъ довольно близкихъ, напримѣръ, на двоюродной сестрѣ, на сестрѣ жены своего брата, на сестрѣ своего зятя или золовки своей замужней сестры и т. д.

выше нами описанное. Естественно, сартянка не считаетъ для себя нравственно-обязательною супружескую вѣрность; напротивъ, она находитъ ее несправедливою и слишкомъ тяжелымъ игромъ. И она съ спокойною совѣстью и съ охотою переступаетъ чрезъ супружескую вѣрность, зная, что въ такомъ же положеніи находились и такъ же жили ея мать, ея бабушка, прабабушка, и т. д., что такъ же живутъ и всѣ сартянки, и что такъ же будутъ жить и ея дочь, и ея внучка, и правнучка и т. д. Она знаетъ, что всѣ сарты, какъ капля воды, похожи другъ на друга: каковъ ея мужъ, таковы же и другіе; таковы были и будутъ. Слѣдовательно, положеніе сартянки безысходно, неизмѣнно; значитъ, ея жизнь и должна быть именно такая. Такъ думаетъ сартянка, и сквозь пальцы смотритъ, какъ ея дочери, снохи, сестры ведутъ пріятное знакомство съ посторонними мужчинами, и даже не считаетъ безнравственнымъ научить свою дочь или сестру, шепнуть ей — какъ жить и обдѣлывать дѣлишки... Татары, хорошо знакомые съ бытомъ сартовъ, говорили намъ, что въ Ташкентѣ днемъ съ огнемъ не найти сартянки, которая была бы вѣрна своему мужу...

Женщины, какъ мы сказали выше, встаютъ вмѣстѣ съ мужчинами, очень рано, на разсвѣтѣ. Напившись и наѣвшись, мужчины большею частію расходятся по разнымъ мѣстамъ; женщины, напротивъ, больше остаются дома. Уберутъ посуду, подметутъ комнаты, и однѣ принимаются за работу, другія идутъ къ сосѣдямъ, съ работой въ рукахъ, посидѣть, поговорить и, между прочимъ, поработать; третьи надѣваютъ паранджу (верхній, особаго покроя халатъ) и, закрывшись, отправляются куда нибудь къ знакомымъ, или по базару пройтись. Сартянки работаютъ частію на себя, а большею частію на продажу. Мужъ скряга, денегъ не даетъ, а хочется пощеголять, показаться, да и дома ходить не хуже другихъ; да и ѣда-то плоха: въ недѣлку придется раза два поѣсть говядинку въ палау, или просто вареную — ну, и слава-богу! Мужъ же каждый день гдѣ-нибудь ѣстъ палау. А между тѣмъ, гости придутъ и угостить надо ихъ и похвалиться, что мы не кой-какъ живемъ, и палау ѣдимъ*. Да и наряды-то онѣ ужъ больно любятъ: куда тамъ

* Сарты любятъ похвастаться и тѣмъ, что они хорошо дома пьютъ ѣдятъ. Татары въ насмѣшку надъ сартами разсказываютъ слѣдующій анекдотъ. Одинъ бѣдный сартъ пришелъ въ мечеть и начинаетъ рыгать и приговаривать шепотомъ во всеуслышаніе: *палау копъ джеддымъ* (пилава паѣлся). А между тѣмъ онъ и отроду въ своемъ домѣ пилава-то не ѣдалъ. Татары говорятъ, что сарты такимъ образомъ часто какъ-бы невольны, нечаянно проговариваются, что они ѣдятъ хорошо, даже иногда и палау у нихъ бываетъ, и потому въ противнѣшемъ рыганьи не отстаютъ отъ другихъ. Рыганье есть знакъ, что они погорло сыты и довольны, такъ-сказать, переполнены благами земными. Если гость, закусивши, не будетъ рыгать, тогда хозяинъ можетъ подумать, что гость не наѣлся досыта и будетъ недоволенъ за его невѣжливость, непониманіе приличій.

паранджу*, или золотыя серьги, запонки, браслеты или коралловыя ожерелья, какъ у богатыхъ — хоть бы на рубашку да на шаровари ситцу купить, или платочекъ на голову, или итиги (мягкіе сапоги) съ галошами, или хотя бы галоши однѣ. А ужъ браслеты, сережки, ожерелья и разныя украшенія на волоса—это просто блаженство! А еслибы новую, хорошую паранджу рублей въ 15 — ну, тогда бы она могла помѣряться со всѣми красавицами и щеголихами! И вотъ сартянка принимается за работу: за самопрялкой она придетъ бумагу-хлопокъ, шьетъ арачкины (тюбетейки), халаты по заказу изъ лавокъ, вышиваетъ на пальцахъ — и право, она не даромъ живетъ, не даромъ хлѣбъ ѣстъ!

И вотъ соберутся женщины въ одну комнату, или въ кружокъ подъ навѣсомъ, или подъ деревомъ въ тѣни, и принимаются за работу; а тутъ подойдутъ къ нимъ еще сосѣдки, тоже съ работой; и между работой идутъ у нихъ безкорыстные разговорцы; рассказываютъ, что видано, да слыхано; которая нибудь расскажетъ, кто у нихъ былъ, да что рассказывалъ, гдѣ онѣ побывали, что видѣли, что слышали. Суды да пересуды, и сплетни, сильно развиты между сартянками: онѣ знаютъ, что дѣлала и говорила, и гдѣ была ихъ сосѣдка. А если пріятельницы соберутся, то и въ откровенности пустятся: и мужей поругаютъ, и чужихъ похвалятъ. Бываютъ иногда между ними и мужчины, близкіе хозяйкѣ по знакомству или по родству, и играютъ съ молодухами. А поступить кто въ ворота, тотчасъ всѣ попрачутся, и хозяйка идетъ допрашивать, кто тамъ. Если въ домѣ одна хозяйка, тогда у ней иногда сходятся красавецъ съ красавицей, съ ея приглашенія. Но такое rendez-vous бываетъ и при двухъ хозяйкахъ. «Другъ обѣ дружкѣ сами (сартянки) заботятся», говорятъ татары.

Вышла сартянка на улицу — она царица сама себѣ: идетъ куда знаетъ и куда хочетъ. Она совершенно закрыта, и верхнее платье ея совершенно однообразно съ платьемъ другихъ сартянокъ, такъ что еслибы и мужъ ее увидѣлъ, то не узналъ бы. Идетъ она скромно, тихо и медленно, точно катится на низенькихъ колесахъ, или плыветъ по водѣ. По закатѣ солнца, уже ни одной женщины не видно на улицѣ.

Вообще, затворничество не слишкомъ тяготитъ сартянку; всею тяжестью давить ее многоженство. Пока многоженство будетъ существовать, она не разовьется больше ни нравственно, ни физически, ни на одну іоту, хотя бы еще тысячелѣтіе прошло.

Ю. Д. ЮЖАКОВЪ.

ОПЕЧАТКА.

Считаемъ нелишнимъ исправить ошибку, въ предыдущей статьѣ въ № 8 «Отч. Зап.». Мѣра обрабатываемой земли тамъ названа *таканъ* вмѣсто *тананъ*.

* Паранджа—первое и самое важное украшеніе для молодой сартянки: безъ паранджи, ее всѣ назовутъ *бишарой*. Въ Ташкентѣ очень рѣдкая сартянка не имѣетъ паранджи; хотя крашенинную, да сошьетъ себѣ..

КРЫМСКІЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

СТРАНИЦЫ ИЗЪ ПУТЕВОГО ДНЕВНИКА.

I. У хохловъ.

Опять дорога, дорога!... Это не 1,500 верстъ по желѣзнымъ дорогамъ Европы, не переѣздъ Атлантики на ливерпульскомъ пароходѣ; не то, однимъ словомъ, что называется нами *путешествіе*—пѣтъ, это простая *поездка* по русскимъ дорогамъ, черезъ русскія губерніи, изъ одного русскаго города въ другой русскій городъ; это наше домашнее, ежедневное дѣло. Да, хорошо говорить: черезъ русскія губерніи, по русскимъ дорогамъ... Но ѣхать, на дѣлѣ, читатель, *ощущать* эти дороги и эти губерніи! Церковь не даромъ возноситъ ежедневно молитвы о плавающихъ, путешествующихъ, недугующихъ и страждущихъ. Я увѣренъ, что подъ всѣми этими эпитетами она разумѣетъ просто однихъ насъ, проѣзжающихъ по русскимъ дорогамъ, которымъ приходится столько же плавать и страдать, сколько путешествовать.

Вы ѣдете изъ-подъ Москвы зимою по шоссе, на которомъ ежеминутно останавливается вашъ грузный экипажъ, вѣзжая подрѣзами на голый камень. Около Курска вамъ угрожаютъ совершенною остановкою, и требуютъ чтобы вы поставились на колеса (колеса, разумѣется, должны быть съ вами). Вы молитесь богамъ, какъ бы вамъ дотащиться саними хоть до Харькова; и вдругъ, за Курскомъ, застрѣваете въ такихъ снѣжныхъ сугробахъ, откуда васъ не въ силахъ вытащить девять лошадей. Вы ѣдете почти цѣлною по 25-ти верстѣ въ день! У Харькова, вмѣсто снѣжныхъ сугробовъ, песокъ; за Екатеринославою, опять невылазные снѣга; у Перекопа разливъ водъ и еще болѣе невылазная грязь; подѣзжаете къ Симферополю — пыль, жара, печетъ, по полю фіалки. Вотъ вамъ *поездка* по Россіи!... То на волахъ, то на рукахъ ямщиковъ и обозныхъ, то колесами, то саними, откапываясь лопатами отъ снѣга, утопая въ зазорахъ, сбивая подрѣзы на кам-

Т. CLXXIII. — Отд. I.